

реальность фантастики

№10 2010

Повесть:

Наина Киевна Горыныч
«МОАН: АПОКРИФЫ»

Рассказы:

Оксана Устинова
«МУСОРЩИКИ»

Майк Гелприн,
Джулия Лэмберт
«НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ,
НЕ ПРОСИ»

Ирина Абрамидзе
«СКАЗКА О ДРАКОНЕ»

Критика:

Сергей Бережной
«КРИТИКА КАК ОБЪЕКТ
КРИТИКИ»

Павел Бойко
«АЛИСА ЗДЕСЬ
БОЛЬШЕ НЕ ЖИВЕТ»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 10 (86) 2010

1. Наина Киевна Горыныч	/ МОАН: АПОКРИФЫ	4
2. Александр Мешайкин	/ ТЕХНОГЕН	36
3. Александр Григоров	/ ЧЕЛОВЕК-НЕЧЕЛОВЕК	52
4. Марк Лимаренко	/ «FIREWALL»	68
5. Марина Ясинская	/ АКВАРЕТТО СО ЛЬДОМ	80
6. Оксана Устинова	/ МУСОРЩИКИ	93
7. Майк Гелприн, Джулия Лэмберт	/ НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ	106
8. Шура Глазунова	/ МУЗА ПРОФЕССОРА БЕЛОЗУБОВА	118
9. Ирина Абрамидзе	/ СКАЗКА О ДРАКОНЕ	130
10. Сергей Мякин	/ ОНИ И МЫ	136

Журнал «Меридиан» рекомендует

11. Дитрих Эдгарт	/ ВОЛКОДАВ	142
12. Сергей Трищенко	/ ВОЗДУШНЫЕ ПОГРАНИЧНИКИ	146
13. Юлия Горишняя	/ РОМАНТИКИ	150

Детская страничка

14. Мария Парфенова / ФОНАРНОЕ СЧАСТЬЕ 153

Синопсис

15. Марина
и Сергей Дяченко / МИГРАНТ, ИЛИ BREVI FINIETU 156

Критика

16. Сергей Бережной / КРИТИКА КАК ОБЪЕКТ КРИТИКИ 166

Рецензии и отзывы

17. Алексей Ионов / СВИСТАТЬ ВСЕХ НАВЕРХ! 172
18. Kkk72 / ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ 177
19. Денис Чекалов / КНИГИ, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ
НА ВАШЕЙ ПОЛКЕ 180

Кинопортал

20. Павел Бойко / АЛИСА ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕ ЖИВЕТ 183

Репортаж

21. Сергей Лапач,
Сергей Пальцун / ФРАКТАЛЬНЫЙ КОНВЕНТ... 190

Новости фэндомы

22. Opus Mixtum 200

НАИНА КИЕВНА ГОРЫНЫЧ¹

МОАН: АПОКРИФЫ

1. Каин

Первый, на кого я наткнулся, выйдя из дому, был, конечно, старый Том, продавец газет. В других районах Нью-Ньюарка продажа прессы давно автоматизирована — подходишь к автомату, суешь монетку — и пожалуйста, быстро и удобно. Так нет же, именно в нашем квартале должен был остаться этот старый пердун. Я так понимаю, его держат на должности, потому что больше старик уже ни на что не годен. Возраст у старой собаки не тот, чтоб осваивать новые трюки. Вот и пожалели, уважили седины. Стариков на Моане немного: с момента высадки прошло двадцать лет, и мало кто полетел хотя бы сорокалетним — в основном молодежь лет по двадцать-двадцать пять, короче, те, кого на Земле ничего не держало.

Я ускорил шаг, чтобы проскочить мимо газетного киоска незамеченным, но где там — у старикашки зрение отличное, а язык без костей.

— Эй, — окликнул Том, а я только зубами скрипнул. — Каин, где брат твой, Авель?

Ну вот, пожалуйста. И не надоедает ему, скотине.

Все-таки у нашей мамы удивительное чувство юмора. В смысле, она-то всегда считала себя набожной, но я искренне убежден, что так можно только пошутить: назвать старшего сына Каином, а младшего — Авелем. И посмотреть, что из этого получится.

Я обернулся и смерил старика злобным взглядом. А ему хоть бы что: стоит, ухмыляется. Послать бы его куда подальше, но язык не поворачивается: все же старый человек, с детства меня знает.

Я молча повернулся на каблуках, сунул руки поглубже в карманы и зашагал вниз по улице. Потому что если не послать — то ответить особо и нечего. Понятия не имею, где брат мой, Авель. И знать, если честно, не хочу. Наверное, торчит у своего доктора Шелдона, или у отца, или еще где-нибудь — грызет гранит науки, постигает основы мироздания и все в таком духе. Занят чем-то интеллектуальным и возвышенным, вы понимаете, не то, что мы, плебеи: утром — на заводе, клепаем детали для приборов, вечером, через день — в забегаловке Курта, за барной стойкой.

---

¹ Творческий коллектив «Наина Киевна Горыныч» состоит из Дарьи Мацелевич, Елены Прядко и Катерины Королевич.

Каждому свое, кто бы спорил, только знаете — Авель не мог оказаться на моем месте, а я — на его. Потому что мне всегда было не все равно, что завтра будет с мамой, а ему... Да начхать ему было, если честно. У моан нет семьи, и полукровки тоже плевать на родственников хотели. Только мама этого не видела и не понимала — ей хватало, что Авель с ней почтителен, как и положено хорошему сыну, а для него это была просто показуха.

И когда мама вернулась на Землю, я был рад, если честно. То есть мне было ее жаль до слез: улететь черт знает куда от родного дома, потерять мужа, вырастить двоих оболтусов, а потом оставить их на произвол судьбы... Зато настал конец притворству.

Мама мне сказала — в последнюю ночь, когда уже все вещи были собраны и до отлета оставалось пару часов, — погладила меня по голове, чмокнула в макушку и сказала: «Каин, присматривай за братом, хорошо? Ты старший, я могу на тебя рассчитывать». И я, конечно, пообещал, я б что угодно пообещал ей тогда, но сам понимал: не нужен Авелю мой присмотр. И слава богу: я сам по себе, он сам по себе, живем под одной крышей, но почти друг друга не видим. С каждым рейсом я передаю маме письма, пишу, что у нас все отлично, пусть она не волнуется и следит за своим здоровьем, и каждый раз думаю — Авель, скотина, ну хоть бы строчку черкнул, она ведь ждет! Но вслух не говорю, захочет — сам напишет.

Я бы мог с ней улететь — вот что я иногда думаю. Наверное, она этого даже хотела, потому что в глубине души понимала: Авель без нас не пропадет. У него, в конце концов, есть отец, а у нас с мамой нет никого.

Но что бы я делал на Земле? Кому я там нужен, кроме матери?

Наверное, тем, кто прилетел сюда двадцать лет назад, как мои родители, привыкнуть к куполам было трудно, но я-то другой жизни не знаю. Я родился здесь, в Нью-Ньюарке, в самом первом куполе, при строительстве которого погиб мой отец. Говорят, обвалилась опорная конструкция. Тогда на строительстве гибло много людей — не знали особенностей почвы и воздуха, не хватало ресурсов, на всем приходилось экономить. Потом, когда моане предложили свою помощь, дело пошло быстрее, и несчастные случаи стали редкостью.

То есть, сначала было сложно, я понимаю. Но сейчас — совсем другое дело. Конечно, здесь не райские купцы, продуктов всё ещё не хватает, жизнь однообразная и скучная.

Но знаете, я дурак, наверное... Просто этой мой дом. Думаю, мама это понимала и поэтому не стала звать меня с собой. Да она и сама бы не улетела, если бы ее не доконал местный воздух. Так что она оставила меня присматривать за Авелем и взяла с нас слово, что мы когда-нибудь прилетим её навестить.

Черта с два, конечно. Это тоже такой дурацкий ритуал — обещать то, чего никогда не выполнишь.

Чем там занимается Авель, я не знаю и знать не хочу, но у меня тут есть работа, есть друзья и есть Сидни. Точнее, была.

Я со злостью пнул попавшегося под ногу робота-уборщика; тот пискнул, восстановил равновесие и обогнул меня по широкой дуге. Случайный прохожий вполголоса буркнул что-то о молодежи и нравах, но, поймав мой бешеный взгляд, ускорил шаги и юркнул за угол.

Понимаете, Сидни стала последней каплей. Вчера я вернулся со смены у Курта, тихо проскользнул в коридор и минут пять простоял возле двери в комнату братца, сжимая и разжимая кулаки. Авель сидел спиной ко мне, уставившись в монитор, и делал вид, что не замечает моего присутствия — именно делал вид, потому что чутье у него звериное, — и мне хотелось подойти, дернуть его со стула за патлы и отметелить по полной. Ботинком по смазливой роже. По ребрам, куда придется.

Ну вы понимаете, да? Иногда очень трудно не сорваться.

Если бы он обернулся, или обратился ко мне, просто дал понять, что заметил меня... Я бы не сдержался, точно.

А так я постоял там в темноте, и меня чуть отпустило.

Авель, конечно, не виноват, это я и сам понимаю. Никто из них не виноват — но от этого не легче, вот что мерзко.

Просто, понимаете... Высадились храбрые земные первооткрыватели на новую планету. Да, тяжелые условия жизни, воздух непригоден для дыхания, почва бедная, климат неуютный. Зато — притяжение почти земное, сутки и времена года привычные, и главное — редкие минералы и руда, настолько ценные, что окупают все затраты.

Хорошее, важное дело, смелые люди, новая жизнь. Меня не было среди них, но я понимаю. Я бы тоже так хотел.

А потом началось — строительство куполов, на котором погибла треть мужчин колонии, отравления местным воздухом, паника, вся экспедиция под угрозой.

И тут появляются моане, все в белом. Предлагают помощь — безвозмездно, в расчете на будущее сотрудничество и обмен опытом. Советуют, как лучше возводить купола, и активно принимают участие в строительстве. Сильные, всезнающие, красивые. Обладеть, какие красивые, это даже я вижу. А мужчин в колонии почти не осталось. Понимаете, да? Моане почти как люди, и не только внешне.

И вот первые купола возведены, еще с десятков строится, в главном куполе — представительство моан, и ходят по Нью-Ньюарку эти ангелы небесные: высокие, худощавые, с темно-золотистой кожей и светлыми, почти белыми волосами. И глаза синие-синие.

Как тут устоять? Тем более, когда вроде никто и не против.

Даже мама... Но вот про это я не могу думать, совсем не могу. Потому что мама любила папу, я знаю. Она мне показывала старые фотографии, рассказывала о нем, и что-то было у нее в глазах, такое... Нет, не могу.

Отец Авеля часто заходил к нам — пока мама была еще здесь. Такой же, как они все — красивый и холодный. Как Апель. Вежливые разговоры и скучающий взгляд.

Моане к тому времени успешно наладили с нами сотрудничество — технологии, карты месторождений, многое другое. Он приносил деньги, и мама их брала, вот что меня бесило больше всего. Мне было лет тринадцать, Апелью — одиннадцать, и этот моанин был его отцом, значит, вроде как все правильно... Но одновременно было в этом что-то ужасное и дикое, как если бы мы предавали папу. Я не понимал, почему. Но уже тогда решил, что буду обеспечивать маму сам, как только смогу.

Если бы он ее вправду любил — это было бы совсем другое. Но так...

В общем, после колледжа я пошел работать, хотя мама уговаривала меня лететь на Землю и поступать в университет. Я отказался. Мне хотелось одного — однажды, когда отец Авеля заявит к нам, бросить ему в лицо, что нам подаяния не нужны, и захлопнуть перед ним дверь. Раз и навсегда.

Не понадобилось. Когда мы с Апельем подросли, его отец перестал у нас появляться; наверное, виделся с сыном где-то еще.

А мама... Она вроде бы и внимания не обратила. И за это я тоже ненавидел его. Их обоих.

Потом мама улетела, и стало почти сносно, я почти забыл, как меня бесит сводный братец. Пока Сидни вчера вечером не обмолвилась — глядя куда-то в сторону, вроде как о чем-то неважном:

— Каин, — сказала Сидни, оттопырив нижнюю губу и покачивая бокал с «Маргаритой», — ты меня с братом не познакомишь? Он ведь *индиго*, да?

И я, честно говоря, чуть шейкер об стойку не долбанул.

«Дети индиго», вы понимаете. Избранные, счастливчики, взявшие лучшее и от людей, и от моан. Им не нужны фильтры, чтобы покидать купол — их легкие приспособлены и к нашему воздуху, и к атмосфере Моана. Внешне они почти неотличимы от людей, только глаза у всех — от светло-голубых, почти прозрачных, до темно-синих, как у отцов. И такие же смазливые морды.

Полукровки умные, талантливые — и пустые внутри. Никакие. Самой старшей девчонке-индиго сейчас семнадцать. Я видел ее мельком, она как-то приходила к Апелью. Красивая, глаз не отвести: рыжая, голубоглазая. Волосы у них всегда такого же цвета, как у матерей.

И вот я на нее смотрел, любовался, как на картинку — и ничего не чувствовал.

Потому что ей плевать на меня. И на сотню других остолопов, которые при виде её роняют слюни.

Ей и на Апелья, кстати, плевать, как и ему на нее.

Такую разве можно любить?

Сидни совсем другая. Может, она не красавица, и даже чуть полновата, и глаза у нее серые, а не синие, и волосы короткие, черные и торчат

в разные стороны — но она настоящая, живая. Я раньше об этом не задумывался, и вообще о Сидни особо не думал. Просто она как-то заглянула в бар, когда я был на смене, и заказала коктейль. Наше заведение — чуть ли не единственное в Городе-под-куполами, где готовят настоящие земные коктейли: Курт на Земле был барменом, теперь вот учит меня и еще парочку ребят. Так вот, я смешал ей «Маргариту», ей понравилось, мы разговорились... Ничего такого, честно. Потом Сидни еще несколько раз заходила, мы опять болтали, потом я пригласил ее в стереокино. Я ни о чем таком не думал, просто мне приятно было ее радовать, понимаете?

Я водил Сидни посмотреть на пещеры под городом. Там много интересного, похоже на какие-то древние развалины — может быть, храм или что-то вроде того. Картинки на стенах, надписи, символы, и сами стены светятся голубоватым светом. Немного жутко, но красиво. И еще там тихо, как будто вату в уши напихали, наверное, потому что никого нет, ни одной живой души. Может, не знают, как туда попасть, а может, боятся. Но мне там нравится. И Сидни понравилось, я видел.

Потом я как-то договорился с приятелем, который подрабатывает ночным смотрителем в тепличном куполе, и он впустил нас, когда была поливка. Сидни мечтала посмотреть на дождь. По мне, так ничего особенного: льется на голову холодная вода, приятного мало, но Сидни носилась в темноте по тропинкам, запрокидывала голову, ловила капли губами, и была, кажется, абсолютно счастлива. А потом подбежала ко мне, встала на цыпочки и поцеловала в нос, и я совершенно обалдел и подумал, что, кажется, вот, кажется, я влюбился.

И ходил, как дурак, счастливый и опалелый, и почти готов был ей признаться, как вдруг оказалось, что действительно дурак, но по другой причине.

Я остановился на углу возле супермаркета. Как будто ноги сами привели. Ну и ладно, все равно нужны продукты. Конечно, можно заказать доставку...

Но вдруг Сидни сейчас тут? Я знал, что смена не ее, точно знал, и все-таки захотелось проверить.

Конечно, никакой Сидни на кассе не было. Ее подружка, Рита, или как там ее, не помню, при виде меня хихикнула и отвернулась к кассовому дисплею. Ну конечно. Обсуждают за глаза придурка, который сам не заметил, как влип. У придурка, правда, есть красавец-брат, по которому полгорода сохнет, так что придурок полезный, с ним надо вежливо.

— Привет, Каин, закупеешься на неделю? Овощи, кстати, свежие, не хочешь? Последний местный урожай, очень удачный. — Она указала на яркий пакет возле кассы.

— Спасибо, Рита, не надо. — Я с трудом сдерживался, чтобы ей не нахамить. Девчонка-то уж точно ни в чем не виновата.

— Как хочешь. — Она улыбнулась и склонила голову набок. Я подумал, что она вполне себе ничего, и даже выдал из себя подобие вежливой улыбки. Так что последняя реплика застала меня врасплох, я чуть пакет не выронил.

— Брату привет, — обронила Рита, не глядя на меня. Она вообще ни на кого не глядела, уставилась на дисплей и тыкала в какие-то кнопки. Обслуживала следующего покупателя.

— Обязательно, — ответил я, и вышел из магазина.

Завернул за угол, зашел в подворотню, поставил пакет с продуктами на тротуар и со всей силы саданул ботинком по мусорному контейнеру. «Боммм», — отозвался контейнер, и я вцепил ему второй раз.

— Ненавижу, — сказал я тихо. «Боммммм».

— Ненавижу ублюдка. Ненавижу сукиного сына.

Тут я понял, что сморозил, и это меня только сильнее разозлило.

— Ненавижу. — «Боммм». — Чертового. — «Боммм». — Ублюдка.

На последнем «боммм» меня заметили, и я не стал дожидаться вопросов — схватил пакет и припустил по улице в обратном направлении, кровь стучала в висках, а в ушах все еще стояли размеренные гулкие удары, и я снова подумал, как было бы хорошо вот так же залепить Авеля; конечно, такого звучного «боммм» не получится, будет только жалкий всхлип, но это, пожалуй, даже лучше, можно молотить его руками и ногами, пока он будет корчиться на полу, прикрывая голову и живот, можно лупить его, пока...

Я остановился как вкопанный и все-таки выронил пакет.

Пока он не сдохнет, вот что я подумал. Впервые.

Сколько себя помню, я всегда ненавидел Авеля. За то, что он во всем меня превосходит. За то, что ломал комедию перед моей матерью. За то, что он индиго.

Но я никогда не думал, что могу его убить. Хотя, казалось бы, с нашими именами это первое, что приходит в голову.

Наверное, это из-за Сидни, думал я, рассеянно собирая рассыпавшиеся консервы. Пока не было Сидни, все было еще терпимо, но не теперь.

Ненависть во мне превратилась в нечто отдельное и обособленное, она как будто со стороны наблюдала, как я поднимаю надорванный пакет с покупками, прижимаю его к груди и шагаю дальше. Эта ненависть была новой для меня — холодной, трезвой, лишенной эмоций. Как будто все, что клокотало во мне, внезапно оформилось, затвердело и застыло, позволяя мыслить отстраненно и логично.

Под городом, в пещерах, никто не бывает, думал я.

— Добрый вечер, мистер Рейти. Вас тоже с праздником. Ага, из супер-маркета. Спасибо, вам того же.

Там никто не услышит его воплей, думал я.

— Привет, Пит. Руку не могу пожать, видишь, эта картонка совсем развалилась. Нет, не иду. Я сегодня подменяю Курта, он попросил.

Затащить его туда нетрудно, он старается быть вежливым. Он со мной пойдет.

— Лиз, поддержи секунду, угу? Я достану карточку, отопру дверь. Спасибо, детка.

В конце концов, он мой брат. Мама просила позаботиться о нем, и я позабочусь.

Дома было тихо и темно. Я поставил пакет на кухонный стол, хлопнул в ладоши, включая освещение. Заглянул в комнату Авеля: как всегда, порядок и стерильность. Монитор погашен, значит, брат пока не возвращался.

Ничего, шепнула ненависть. Когда ты придешь с работы, он будет дома.

Ночной Нью-Йорк праздновал и веселился: ровно двадцать лет прошло со дня высадки на Моан. «У Курта» было шумно, выпивка лилась рекой, и народу было вдвое больше обычного. После полуночи на главной площади обещали фейерверк.

Как прошла смена, я не помню. Я разливал пиво, виски, коньяк и джин, смешивал коктейли и совал в них разноцветные зонтики, вытирал липкую стойку и снова смешивал и разливал.

Некуда торопиться, нашептывала моя ненависть, незачем спешить.

Авель не любит шумные сборища. Он останется дома.

Сидни так и не появилась, но я понял это только тогда, когда пришло время идти домой. Я не вспоминал о ней и не ждал ее, так что все было нормально, в порядке вещей.

Перед уходом я приготовил себе коктейль «Холодная месть»: ледяные водка и куантро четыре к трем, лимон, лед. Личный рецепт Курта, которым он не так давно со мной поделился. Я не почувствовал вкуса.

Вот теперь пора, мурлыкала ненависть, сейчас глубокая ночь, все горожана на площади, улицы пустынные и безлюдны, всё замерло в ожидании, всё затаилось в предвкушении, вперед, Каин, пора, твой брат ждет тебя дома.

И он был дома, но он не мог со мной никуда пойти.

Он вообще не мог встать.

Я стоял в дверях его комнаты и смотрел на страшное, дикое существо, которое корчилось на постели Авеля. Руки, вцепившиеся в волосы — светло-русые, как у нашей матери, — ноги подтянуты к груди, красивое лицо искажено беззвучным криком, как будто он задыхается, как будто у него пропал голос, тусклые, затянутые бельмами глаза распахнуты.

Смотри, сказала моя холодная, чужая ненависть, смотри, Каин, ему больно, он страдает — твой сильный, красивый, совершенный брат Авель. Вот плата за избранность, вот то, что приготовила ему судьба — и не только ему, а каждому из них, — за то, что они отобрали у вас счастье быть первыми и сильнейшими.

Посмотри, как все хорошо сложилось. Тебе даже не пришлось марать руки.

Все вышло само собой, подумай, Каин — разве ты сторож брату своему?

И тут что-то произошло — как будто меня ударили под дых, и моя ненависть ухнула куда-то вниз, оборвалась и разлетелась тысячей осколков, как ледяной шар. И вдруг стало больно, непереносимо, там, где только что был холод, стерильность и спокойствие, стало горячо и страшно, меня затрясло.

Мама, разве я сторож брату моему?

В голове мутилось, но я отлепился от стены и сделал первый шаг. А дальше стало легче, и у меня получилось снова начать дышать.

Ноги у Авеля отнялись, поэтому я просто подхватил его на руки, не почувствовав веса. Его голова запрокинулась, слепые, страшные глаза, подернутые мутной пленкой, таранились в попытке разглядеть хоть что-то, пальцы на руках свело судорогой.

Господи, подумал я, господи, направь меня.

Мне никогда не было так страшно.

Авель пытался что-то сказать, но вместо слов получался только хрип.

— Тихо, братик, — сказал я, и не узнал свой собственный голос. — Я о тебе позабочусь.

Мамочка, пожалуйста. Мамочка, прости меня.

Я этого никогда не хотел.

В последний раз я выезжал на скутере около месяца назад, и, вернувшись в гараж, забыл поставить его на зарядку. Батарея была почти на нуле, и неизвестно, как далеко бы мы уехали. Кроме того, я не знал, смогу ли одновременно держать Авеля и управлять скутером.

Поэтому я угнал машину. Кажется, это был электромобиль мистера Рейти, но вообще-то мне было все равно.

Выруливая со стоянки, я мельком обернулся. Авель на заднем сиденье впал в беспамятство; по крайней мере, я надеялся, что это просто обморок. Везти его в обычную больницу не имело смысла — я не сомневался, что для наших докторов внезапная болезнь моего брата станет таким же шоком, как для меня. Поэтому я рванул сразу к Центру Индиго. Если уж их драгоценный доктор не знает, что с этим делать, то шансов нет вообще.

В Центре, несмотря на праздник, былолюдно, по вестибюлю туда-сюда сновали лаборанты и медсестры, так что когда я вломился с Авелем на руках, нас тут же заметили. Наверное, я был не в себе, потому что люди шарахались от меня, как от заразного, а я был готов каждого из них хватать за грудки и требовать, чтобы меня немедленно проводили к доктору Шелдону. Но этого, к счастью, не потребовалось: Авеля узнали, откуда-то появились носилки, меня бесцеремонно оттерли в сторону, а я, кажется, не сразу сдался — все никак не хотел отпустить руку брата, но потом кто-то сказал мне, что о нем позаботятся, и я кивнул, в конце концов, они, наверное, хоть что-то могут для него сделать. Так что я проводил их взглядом, а потом вышел из здания, сел на ступеньки и заплакал, заревел в голос, потому что мне впервые в жизни стало так плохо, так пусто и холодно, что не передать.

2. Саар

Саар до мельчайших подробностей помнил тот день, когда корабль чужаков сел на Моане.

— Наши женщины не приносят потомства уже много лет. — Але говорил это не в первый раз. Поэтому Саар просто кивал — перебивать Але, когда тот занят размышлениями вслух, было бессмысленно.

— Боги наказывают нас. Древняя раса моан вымирает. Пройдут годы, мы постареем, и когда умрет последний из нас, навсегда исчезнут наши традиции и древние знания.

— И это тебя огорчает.

Але посмотрел на него с осуждением, как на потерявшего разум, и Саар пожалел о своей легкомысленной шутке.

— Традиции и знания нашей расы — это все, что у нас есть.

— Не все.

— Саар!

— Многое, но не все, — повторил Саар. Его утомляло упорство, с которым Але твердил одно и то же изо дня в день. — Ведь ты не станешь отрицать, что каждый отдельный представитель расы...

— Глядите, какой нелепый механизм, — вдруг перебила Лиа, глядя вверх. Она словно не слышала ни слова из того, о чем они говорили. Над единственным в округе плато завис огромный неуклюжий объект. — Если он опустится на Захоронение, нам придется...

Господин Саар, почтенный гражданин Нью-Ньюарка, Города-подкуполами, проснулся ровно за пятнадцать секунд до сигнала будильника. Этого времени обычно хватало, чтобы успеть осознать себя и свое местонахождение в пространстве, и перевести дыхательный аппарат в режим «бодрствование». Рядом спала Руфь, ее дыхание было размеренным и безмятежным, словно она не подозревала о том, что сейчас зазвонит будильник. Саар всегда успевал нажать кнопку за секунду до звонка, отменяя вторжение резких немелодичных звуков в свое утро.

Саар был одним из немногих моан, которые остались в Нью-Ньюарке после постройки — воздух здесь был непригоден для их дыхания, и без специального аппарата, который крепился к ушной раковине сзади, находиться в городе для моан было невозможно. Защитные фильтры куполов спасали обитателей Нью-Ньюарка от безжалостного излучения моанского светила, а приборы поддерживали оптимальную для человеческого организма температуру. Вполне уютное место — для человека, но не для моанина.

Ежедневный маршрут — такой же ритуал, как чистка зубов, переодевание в цивильное и чашка бодрящего кофе. Ритуал, выполняемый с неизменной педантичностью.

Уходя, Саар осторожно прикрыл за собой дверь, чтобы не разбудить жену. Робот-уборщик копошился на площадке у лифта.

— Доброе утро, Лесли, — сказал Саар, улыбаясь соседскому мальчишке с буйной копной каштановых волос и темно-синими глазами.

— Доброе, — ответил тот, и прошлепал дальше по коридору к автомату с сухими завтраками.

Саар знал его биологического отца — это был моанин, один из тех, кто помогал поселенцам при постройке куполов. Отцами многих детей в городе были моане, несмотря на то, что никто из них не вступал в браки с земными женщинами и не жил в семье; никто, кроме Саара. Моанам чуждо понятие семьи. Есть Община, и она подчиняется неписаным законам, которые передаются из поколения в поколение. Дети моан и земных женщин, оставленные на воспитание матерям, были таким же достоянием и частью Общины, как любой моанин, когда-либо рожденный на этой планете. Эти дети стали надеждой их расы, подарком неведомых сил — красивые, развитые, они унаследовали способность моан дышать воздухом их родной планеты и нечеловеческое хладнокровие.

Тогда, двадцать лет назад, никто не предполагал, что у моан и людей могут быть дети.

— Саар, — сказал Але. Они стояли на вершине одной из скал у входа в Подземный город и наблюдали, как корабль чужаков опускается на Захоронение — его контуры были едва различимы в облаке песка, который поднялся с плато. — Пришельцы потревожили могилы предков.

Саар кивнул.

— Неудивительно, что они выбрали именно это место, — задумчиво сказала Лиа. — Эта летающая конструкция такая неуклюжая, что вряд ли сядет в горах.

— Это не снимает с них вины. — Але был резок. — А с нас — обязательств перед Общиной.

Он начал было спускаться, но остановился и обернулся.

— Вечером соберем Совет, — сказал он, глядя на Саара, и в свете закатного солнца его глаза казались совсем черными.

Але ушел, а Саар смотрел, как садится чужой корабль.

Лиа стояла рядом.

— Пройдемся? — предложила она, и потянула Саара за собой.

Они шли молча, хотя каждому из них было что сказать другому. Лиа нарушила молчание первой.

— «Давным-давно, когда на Моане не было ничего — ни скал, ни песка — тут жили Великие Боги», — сказала Лиа. — Ты можешь поверить, что тут когда-то не было песка?

Саар улыбнулся и пожал плечами:

— Так сказано в Священных книгах. — Он на секунду задумался, припоминая слова древней легенды, и продолжил: — «Но однажды Богам стало скучно, и они создали народ по своему образу и подобию, и был этот народ прекрасен, как сами Боги — светловолосые, смуглокожие и синеглазые».

— «А потом Боги покинули своих детей». — Голос Лиа был печален. — Как ты думаешь, почему они не возвращаются? Але говорит, если мы будем чтить их Закон, они обязательно вернутся.

Лиа остановилась и прикоснулась к огромной каменной глыбе, изъеденной песком. Камень все еще был горячим.

— Я хотела предупредить тебя, — сказала она, не оборачиваясь. — Але... изменился.

— Да, я знаю.

— Он злится. Ему кажется, что ты мыслишь неправильно. Пренебрегаешь ценностями нашего народа.

Саар взял ее за руку.

— Тебе не нужно его оправдывать, Лиа. Я знаю Але с детства, мне понятны его мотивы.

— Мне кажется, вот-вот произойдет что-то непоправимое, — сказала Лиа. — Сегодня, на Совете Общины, Але может...

— Не надо. — Саар прервал ее мягко, но решительно. — Але не может сделать ничего, что стало бы для меня неожиданностью. Я готов исполнить свой долг.

Глаза Лиа были синими, как драгоценные камни, которые они искали в пещерах Подземного города, когда были детьми, а волосы цвета льна все так же развевались на сухом ветру. Непоправимое уже произошло. Что-то изменилось в их мире — как будто был запущен незримый механизм, над которым не был властен ни Саар, ни Але, ни кто-либо еще из живущих.

С того дня начался обратный отсчет.

Дверцы лифта разъехались, выпуская звуки и запахи, заполнявшие улицы Города-под-куполами. К голосам людей и гудкам транспорта примешивались сигналы роботов-уборщиков — приятные и неназойливые, роботы были специально спроектированы, чтобы не привлекать лишнего внимания. Пахло мастикой для натирания тротуаров и немного корицей — сразу за углом находилась «Мгновенная булочная», в которой пекли прекрасные пироги и сдобу. Саар не слишком любил корицу, но, пожалуй, не имел ничего против. Организм моанина вполне мог справиться с тем мусором, который люди называли «пищей» — даже лучше, чем с ней справлялся человеческий организм.

— Вы сегодня рано, мистер Саар. — Девушка-продавщица приветливо улыбалась. — Как обычно?

— Да, пожалуйста.

Спустя пару минут он уже шел вдоль по улице, сжимая в руке хрустящий коричневый пакет с горячими булочками. Следующим пунктом ежедневного маршрута был газетный киоск на углу — местная достопримечательность.

Нью-Ньюарк не нуждался в печатной прессе — издательство было своеобразным атавизмом, данью старинной традиции. Компьютеры и местное телевидение вполне справлялись с распространением новостей, однако

газету продолжали выпускать. Запах свежей типографской краски проник в ноздри раньше, чем Томас, старик-газетчик, увидел Саара.

— Мистер Саар! Газетку?

— Благодарю.

— Идете на праздник сегодня? — поинтересовался Томас, сгребая в стопку ворох газет. Ликующие заголовки, набранные крупным шрифтом, бросались в глаза. «Двадцатая годовщина!» — прочел Саар.

— Говорят, будет фейерверк и гуляния... Эх, ну куда это годится — устраивать в куполах фейерверки? Того и гляди, разобьется стеклышко-то, а?

Довольный своей шуткой, Том скрипуче рассмеялся. Саар вежливо улыбнулся. Им обоим было прекрасно известно: чтобы разбить «стеклышко», понадобится как минимум прицельное попадание астероида.

— Не думаю, что это возможно, Томас, — сказал Саар.

Старик захихикал — его забавляла серьезность, с которой моанин отрегировал на шутку.

— Да уж, сэр, невозможно, — продолжал он, обращаясь уже не столько к собеседнику, сколько к самому себе. — Потрудились мы тогда на славу. Наша крошка еще не такое выдержит, точно говорю...

Саар помнил Томаса таким, каким он был двадцать лет назад — крепким сорокалетним мужчиной, одним из тех, кто встречал делегацию. Моан не сразу приняли с распростертыми объятиями — сначала их встретили введенные курки и настороженные лица.

— Мы пришли с миром, — говорил Саар, а языковой модуль чужаков переводил его речь. За спиной Саара стояли еще пятеро представителей Общины.

Им не верили. Теперь, спустя двадцать лет, Саар достаточно изучил людей, чтобы не удивляться такому повороту событий — пришельцы ощущали себя захватчиками, что, в свою очередь, порождало агрессию. В тот раз они отказались принять помощь. Но их согласие было лишь вопросом времени. Моан — неприветливое место. Почти вся планета покрыта горами, которые перемежаются небольшими островками пустыни. Почва — песок, мелкие осколки кварца и селенита. Планета всегда была богата минералами — именно это и привлекло колонистов.

Однако, воздух Моана ядовит для людей — смесь газов, которая насыщала дыхательные органы моан, убивала человеческие легкие в течение нескольких часов.

Пришельцы не знали особенностей местной почвы, их оборудование было слишком примитивным и легко выходило из строя. Моанам оставалось только наблюдать со стороны и выжидать, когда они сдадутся. Несколько недель адского труда и множество несчастных случаев на постройке купола сделали свое дело — когда моане предложили помощь во второй раз, люди приняли ее почти без колебаний. Правда, до сих пор в городе оставались те, кто при виде моанина старался

перейти на другую сторону улицы. Такие формы иногда принимает человеческая благодарность — эту особенность людей Саар тоже постиг не сразу.

У моан было то, в чем так нуждались поселенцы — мощная техника и инженерные знания, необходимые для постройки защищенного купола-ми города. И все это было предоставлено в распоряжение колонистам — фактически, купол стал первым общим детищем моан и людей.

У перекрестка Саар остановился и поднял руку, подзывая такси.

— В Сити, — сказал он роботу-водителю, откинулся на сиденье и надел прибор-маску для чтения — он предпочитал проводить время с пользой.

Дорога до офиса заняла семь минут.

— Доброе утро, мистер Саар.

— Доброе, Мэйбл. Что у нас на сегодня?

— Одиннадцать тридцать: визит на прииск и встреча с рабочими. Пятнадцать ноль-ноль: разборательство конфликта между работниками теплицы и службой водоснабжения. Я подготовила документы по делу, для ознакомления.

— Спасибо, Мэйбл.

— Открытие библиотеки в пять, а на половину седьмого назначен ужин с господином мэром — он звонил, просил напомнить. — Все это секретарша привычно произнесла скороговоркой, ставя перед Сааром поднос с чашкой кофе и сахарницей.

— Благодарю.

— Вам понадобится пресса, — продолжала Мэйбл. — Мистер Саммерс будет тут к половине одиннадцатого.

Саар кивнул и принялся за корреспонденцию. Когда появился Джереми Саммерс — внештатный репортер, который регулярно сопровождал господина Советника на всех более-менее важных встречах — Саар отложил в сторону последнее письмо. Саммерс заглянул в приоткрытую дверь кабинета, подмигнул боссу в знак приветствия и громким шепотом сообщил:

— Я буду на парковке.

Саар кивнул.

— Дыхательный аппарат при тебе? — спросил он, садясь в электромо-биль. — Запасные фильтры, аптечка, батарея?

Рутинная проверка — все как обычно перед выездом за пределы купола. Дыхательный аппарат, предназначенный для людей, был чуть более громоздким, чем та модель, которую Саар носил, не снимая даже во сне. Надевался он просто, хотя приходилось пережить пару неприятных моментов — Саммерс поморщился, вставляя дыхательные трубки.

— Включу возле шлюза, — буркнул он. — Эх, мне бы жабры, как у тебя...

Саар стойчески сносил фамильярность, с которой Джереми к нему обращался — пожалуй, функция Саммерса была наиболее приближена к понятию, которое люди называют словом «друг».

Прииск находился в пятнадцати минутах езды на электромобиле. Люди прилетели сюда за драгоценными металлами, которые обнаружил орбитальный зонд, а нашли алмазные копи. Крупные алмазы всех оттенков синего — от ультрамарина до глубокого иссиня-черного — ценились на Земле и в колониях, но работа на прииске оставалась самой тяжелой и вредоносной для человеческого организма, несмотря на мощные механизмы преобразования воздуха, задействованные в карьере. Механики, оценщики сырья и прочий персонал — за редкими исключениями все это были люди. Несколько моан сотрудничали с разведывательным центром и с центром картографии — их знания были незаменимы в деле добычи алмазов. Работой Саара — господина Советника по межрасовому сотрудничеству — было поддерживать хрупкое взаимопонимание, установившееся между моанами и людьми за прошедшие годы.

Пограничный пост миновали без осложнений: господина Советника знали в лицо. В шлюзовой камере Саар перевел свой дыхательный аппарат в режим ожидания. Снимать его не было необходимости — на прииске в помещениях для персонала состав воздуха был тот же, что и в куполах, а дорога занимала совсем мало времени.

— Мне кажется, все прошло более чем успешно, господин Советник, — сказал Саммерс по дороге назад. Теперь электромобиль вел Саар, а Саммерс просматривал запись встречи, устроившись с камерой на заднем сиденье.

— Мне нужны будут материалы. Хочу глянуть перед тем, как это пойдет в эфир, — сказал Саар, сверяясь с часами на приборной панели. — Тебя высадить у телецентра?

Саммерс отрицательно покачал головой.

— Мне нужно забрать кое-какие документы, так что придется тебе потерпеть мое общество еще немного.

В кабинете Саар, не обращая внимания на Джереми, углубился в изучение документов, которые Мэйбл оставила на столе.

— Это твое? — деловито спросил Саммерс у него над ухом. Фраза прозвучала неразборчиво, и Саар поднял глаза в легком недоумении. Джереми дожевывал булочку с корицей. — Вкусно.

Саар скептически хмыкнул.

— Древний моанский обычай гласит: «возмездие да последует за преступлением», — нравоучительно проговорил он, отобрал у Саммерса скомканный пакет из-под булочек и отправил в утилизатор. На экране утилизатора высветилось «Бумага», Саар коснулся сенсора с надписью «ОК», и снова повернулся к собеседнику. Тот следил за ним смеющимися глазами.

— То есть, ты хочешь сказать, что еще отомстишь мне за плюшки? — уточнил Саммерс.

— Я уже отомстил, — ответил Саар, снова утыкаясь в экран компьютера.

— Интересно, как? — не отставал Саммерс. —...О!

В утилизаторе рядом со скомканным пакетом лежала банкнота. Автомат урчал, обрабатывая данные. Вспышка — и банкнота, и пакет превратились в крошечный брикетик, который Саар извлек и бросил в специальный контейнер.

— Откуда...?

— Из моего бумажника. Сумма в пять кредитов изъята из твоего жалования, — флегматично сообщил Саар.

— Как ты мог! — возопил Саммерс, хватаясь за сердце. — Я, знаешь ли, как раз рассчитывал выпить стаканчик виски на эту пятерку — помнишь, я рассказывал, на площади есть неплохой паб, «У Курта»...

Саар терпеливо дожидался, когда представление будет окончено — впрочем, Джереми не умел валять дурака подолгу, поэтому через минуту снова был серьезен.

— Так значит, древний моанский обычай? Расскажешь?

— Да, — помедлив, ответил Саар. — Обычай отложенной мести.

— Отложенной? Сейчас ты вроде бы не откладывал в долгий ящик, — возразил Саммерс.

— Твой проступок был незначителен. Наказание ничтожно.

Игнорируя трагическое шипение: «Пять кредитов!», Саар продолжил:

— Следовательно, возмездие было отложено на малый срок. Чем ужаснее преступление, тем дольше ожидание и суровей возмездие.

Саммерс озадаченно смотрел на Саара.

— Мы, моане, мирная раса. Мы не желаем зла, которое творится сгоряча. Личные счета — ничто. Важен заведенный порядок, закон воздаяния. За проступком следует наказание, и в нем нет агрессии — просто таков порядок вещей.

Покосившись на замершего с приоткрытым ртом Саммерса, Саар легонько толкнул его в плечо.

— Испугался?

— Что? Да нет... Кажется. — В голосе Джереми звучала легкая неуверенность, и Саар добавил, переходя на деловой тон:

— Не забудь про материалы.

— Да-да, конечно, — поспешно, словно только что очнувшись, отозвался Саммерс. — Часам к семи будут готовы.

— На семь у меня назначена встреча с мэром. Оставишь у себя в ящике стола — я зайду заберу.

Телефонный звонок застал Саара между библиотекой и залом суда.

— Здравствуй.

— Здравствуй, Руфь.

— Ты сегодня утром снова сбежал, не попрощавшись.

— Не хотел тебя будить.

— Двадцать лет прошло, а ты все тот же загадочный и неуловимый незнакомец, — по голосу было слышно, что она улыбается. — Иногда

мне кажется, что я знаю тебя ничуть не лучше, чем в тот день, когда увидел тебя впервые.

— Все может быть, — серьезно ответил Саар.

— Ты сегодня будешь поздно?

— Да, придется задержаться. Нужно забрать кое-какие материалы.

— Позвони, когда закончишь. Целую.

— Позвоню.

Он дал отбой, положил коммуникатор в карман и на минуту прикрыл глаза.

Они встретились в день, когда была окончена постройка первого купола и установлен преобразователь воздуха. Саар увидел Руфь в толпе ликующих поселенцев. Она казалась чужой среди них. Ее муж был одним из погибших на строительстве в первые дни. Она была очень молода и печальна, и Саар решил, что лучшего случая стать «одним из них» ему может и не представиться. Руфь была не против, во многом потому, что ей было все равно. Юная девушка, прилетевшая на чужую планету и внезапно оставшаяся совсем одна, Руфь была рада любому проявлению внимания и заботы. А Саар умел быть заботливым, особенно когда того требовала необходимость — женатый на человеческой женщине «господин Советник» внушал гораздо больше доверия.

Сердечно пожав господину Советнику руку, Норман Трод, мэр Города-под-куполами, распорядился про ужин и последовал за гостем в кабинет. Саар привычно расположился в кресле возле журнального столика, сделал неопределенный жест рукой, и мэр, улыбнувшись, направился к бару.

— Трудный день, Советник? — осведомился Трод, извлекая из недр бара ополовиненную бутылку коньяка. Саар любил коньяк.

— Не особенно. — Моанин кивком поблагодарил мэра, когда тот передал ему бокал. — Многовато суеты, но я уже привык.

— В самом начале было труднее, — согласился Трод, опускаясь в кресло по другую сторону столика. — Не возражаете? — Он вытащил из нагрудного кармана портсигар.

Саар пожал плечами. Он не одобрял человеческой склонности разрушать свои легкие, но понимал, что такой немолодой человек, как мэр Трод, вряд ли в состоянии изменить привычки.

— Благодарю. — Трод щелкнул зажигалкой. От его внимания не ускользнуло, что Саар едва заметно отодвинулся. Мэр усмехнулся.

— Вы замечательно справляетесь, Саар, — сказал он. — Двадцать лет среди людей не сделали вас человеком, но вы стали гораздо ближе к людям, чем я мог бы предположить, когда встретил вас впервые.

Саар улыбнулся и чуть склонил голову в знак признательности. Их первая встреча с Тродом, который тогда еще не был мэром, произошла вскоре после несчастного случая на строительстве, причиной которого, как подозревали, был моанин-инженер, и в тот день мистер Трод был настроен отнюдь не дружелюбно.

— Нам повезло, что вы согласились сотрудничать с нами, — сказал мэр. — Ваши механизмы, ваши знания... ваши дети. — Трод улыбнулся. — У меня внук — индиго, — сказал он, хотя Саар, разумеется, не мог этого не знать.

— Наша раса тоже весьма довольна сотрудничеством, — ответил Саар. — Люди — хорошие союзники.

Мэр Трод, кажется, был бы рад развить благодатную тему, но в этот момент дверь кабинета приоткрылась, и секретарь пригласил их к столу.

Когда Саар подошел к зданию телецентра, уже стемнело. Охранник коснулся фуражки и вместо приветствия спросил:

— Что ж это вы не на гулянии, мистер Саар?

— Да все некогда, — ответил Саар, улыбаясь. — Мистер Саммерс оставил для меня кое-какие материалы.

— Жаль, пропустите фейерверк, — продолжал охранник, нажимая на кнопку вызова лифта.

— Не пропущу, — Саар посмотрел на часы. — Загляну на смотровую площадку. Оттуда прекрасный вид.

Охранник энергично закивал и тоже сверился с часами:

— Через семь минут запускают. Не опоздайте.

— Не опоздаю. — Саар продолжал улыбаться, когда створки лифта сомкнулись.

Лифт взмыл на верхний этаж. В здании не было ни души, только роботы-уборщики методично начищали полы. Выход на небольшую лестницу, ведущую на смотровую площадку, был рядом — до фейерверка оставалось четыре минуты, когда Саар подошел к ограждению, отделявшему площадку от стеклянного купола. Отсюда весь Нью-Ньюарк был виден, как на ладони. Телевизионная вышка была самым высоким зданием в Городе-под-куполами. По выходным сюда водили экскурсии — это развлечение пользовалось большой популярностью среди горожан.

Крошечная панель управления находилась там, где ей и полагается — достаточно протянуть руку и пошарить за пультом управления освещением. Оставалось только ждать звонка. Вся процедура получения доступа займет не больше минуты: активация панели отпечатком указательного пальца, сканирование сетчатки глаза.

Как только ему позвонят и сообщат, что все моане и дети индиго покинули купол, он, Саар, Исполнитель, запустит механизм, вмонтированный в купол при постройке. Мощный каркас и армированное стекло, сложнейшая система переработки воздуха — все будет разрушено в один миг. Детонаторы, замаскированные под детали конструкции, были заложены в купол и дожидались своего срока двадцать лет. Нью-Ньюарк взорвется, взлетит на воздух, будет стерт с лица планеты вместе с его обитателями, среди которых окажется и господин Саар, Советник по межрасовому сотрудничеству.

Саар облокотился о перила, глядя на город, раскинувшийся внизу. На смотровую площадку не долетал ни единый звук снизу, с площади, где колонисты, затаив дыхание, ждали начала фейерверка.

Звонок разбил тишину вдребезги. Саар поднес коммуникатор к уху.

— Слушаю.

Так было решено на Совете Общины.

— Древний закон гласит: «Возмездие да последует за преступлением», — говорил Але. — Никто из нас не станет отрицать, что пришельцы совершили самое страшное преступление против нашей расы.

Ответом ему были утвердительные возгласы.

— Они разрушили Захоронение, — продолжал Але. — Осквернили могилы ушедших. Какое наказание станет достойным возмездием за это преступление?

Смерть.

Ни один из присутствующих не произнес это слово вслух. Его принесло порывом горячего пустынного ветра, шепотом, от которого шевелились волосы на затылке.

— Многие из нас почтут за честь стать орудием возмездия. И многие из нас достойны этой чести. Но я хочу предложить того, кто кажется мне наиболее подходящим для этой миссии.

Але обернулся к Саару. Несколько секунд они смотрели друг на друга, а потом Але произнес медленно и словно бы неохотно:

— Саар.

Саар встал.

— Я готов взять на себя эту миссию, — сказал он. — Для меня будет большой честью исполнить свой долг. Да свершится древний закон.

— Да свершится, — повторил Але.

3. Дэниэл

Время близилось к ночи, и в Центре царила обычная для этого часа суета. Дневные дежурные спешили сдать смену и поскорее разъехаться по домам. Всеобщая суматоха усугублялась ещё и тем, что день сегодня был необычный. Семейных людей дома ожидало праздничное застолье и байки про первые дни на Моане. Сотрудники помоложе спешили на главную площадь: праздничные гулянья обещали затянуться далеко за полночь и закончиться фейерверком невиданного размаха. Своё двадцатилетие колония отмечала на широкую ногу.

Дэниэлу Шелдону было плевать на фейерверки, и дома его тоже никто не ждал. Он с плохо скрываемым раздражением выслушал поздравления от лаборантки, имени которой не помнил, и поспешил скрыться в своём кабинете. Но не тут-то было. Когда до спасительной двери оставалось всего ничего, его снова окликнули. Дэниэл мысленно выругался и обернулся.

— Доктор Шелдон, у нас небольшая проблема. — Ана тронула его за локоть. — Доктор Эйпхарт не хочет выписывать Кэт, и...

— Ясно, ясно, — Дэниэл нетерпеливо взмахнул рукой, прерывая объяснения. — Они в приемной?

— Да, — Ана кивнула. Охватившая всех праздничная лихорадка совершенно её не затронула. Даже сейчас она выглядела, как прилежная ученица на важном экзамене: сосредоточенный взгляд, слегка нахмуренные тонкие брови. Медно-рыжие волосы аккуратно убраны в хвост, лаборантский халат словно застегнут наглухо, хотя на самом деле всего лишь накинута на плечи. В свои семнадцать она была очень серьезной и сдержанной девушкой — даже по меркам индиго.

Дверь в приёмную была приоткрыта, и Дэниэл невольно поморщился, заслышав голос дежурного врача ещё в коридоре.

— Мистер Йенс, — усталым голосом втолковывал тот посетителю, — Кэт останется здесь ещё как минимум на два дня.

Девочка, о которой шла речь, сидела на стуле и беззаботно болтала ногами. Коленки у неё были в ссадинах и синяках, а на правой лодыжке красовалась тугая повязка. Йенс, один из старших индиго, стоял у Кэт за спиной.

— Я должен забрать её сегодня, — сказал он — явно не в первый раз. Спокойно, словно разговаривал с непонятливым ребенком.

— Сожалею, но я не могу вам этого позволить, — настаивал врач. Заметив вошедших, он победно улыбнулся. — Шелдон, слава богу! Надеюсь, к вашим-то словам мистер Йенс изволит прислушаться.

— Безусловно, Эйп, — согласился Дэниэл. — Привет, Кэти. Йенс, ты можешь забрать её сегодня. Главное, следи, чтобы она не прыгала на поврежденной ноге и не пыталась избавиться от повязки.

— Но Шелдон! — возмутился Эйпхарт. — Это против правил...

— ...которые я сам здесь установил, — закончил тот. Порой дотошность Эйпхарта здорово раздражала. — Расслабься, Эйп, всё будет в порядке.

Наградив Шелдона взглядом, в котором ясно читалось: «самоуверенный засранец!», Эйпхарт развернулся и стремительно покинул приемную, не забыв на прощание хлопнуть дверью. Дэниэл фыркнул и не к месту подумал, что уж по этому зануде он точно не будет скучать.

Йенс легко подхватил Кэт на руки и посадил к себе на плечи.

— Спасибо, — сказал он. — Вы нас здорово выручили.

— Да-да, хорошо быть большим начальником. — Дэниэл сунул руки в карманы и покосился на Кэт. — Не болит? — спросил он.

— Неа, — Кэт отрицательно мотнула головой и дернула Йенса за ухо. — Пошли?

— Не так быстро, — осадил её Шелдон, — сначала на перевязку.

По-хорошему, конечно, не отпускать бы их никуда. Оставить Кэт в Центре как минимум на несколько дней, здесь Эйп был полностью прав. Дэниэл достал из кармана коммуникатор и взглянул на часы. До момента,

когда последний индиго покинет Город-под-куполами, оставалось не так много времени.

—...потому что таков порядок, — сказал Але. — Захоронение осквернено, могилы предков потревожены. Вины людей здесь нет, но это не имеет значения. За преступлением следует воздаяние. Это древний закон, и мы его чтим.

В полумраке кабинета синие глаза моанина казались почти черными, совсем как ночное небо где-то над куполами.

Над куполами, которые, как оказалось, совсем несложно грохнуть в любой момент, да вот хоть прямо сейчас. Дэниэл выругался — вероятно, даже вслух, потому что второй моанин, имени которого он не знал, настороженно подался вперед. Але жестом приказал ему оставаться на месте.

— Мы наблюдали за вами, — сказал он и замолчал.

Шелдон побарабанил пальцами по столу. Внутри кипело любопытство — отчаянное и злое. Надо было, конечно, молчать и ждать, что скажут ночные визитеры, но Шелдон был на взводе.

— И?.. — спросил он с плохо скрываемой неприязнью.

Але удовлетворенно откинулся на спинку стула и продолжил:

— И пришли к выводу, что после ликвидации куполов вы будете нам полезны. Ваши знания, Шелдон, и ваша искренняя увлеченность.

Дэниэл прикрыл глаза и задумался. С начала космической экспансии человечества прошло чуть более двух сотен лет. За это время земляне установили дипломатический контакт с шестью разумными расами, ещё с двумя вели военные действия. Ни с одной из известных рас, за исключением моан, люди не были совместимы генетически.

— Вы как никто другой понимаете, что индиго бесценны, — словно читая его мысли, сказал Але.

— А вот вы, как мне кажется, нет, — резко оборвал его Шелдон. — Когда на Земле станет известно, что вы уничтожили купола, вспыхнет военный конфликт. После этого ни о каком сотрудничестве не будет и речи. Индиго малочисленны. Изолируйте их от людей — и они выроются, и виной тому будете вы, — отчеканил он.

— Это будет авария, — спокойно возразил Але. — Прискорбно, но факт: иногда люди демонстрируют удивительную халатность.

— Ах, да, вы наблюдали за нами. — Шелдон попытался сязвить, но получилось довольно жалко.

— И продолжаем наблюдать, — сказал Але. — Мы выразим соболезнования тем, кто прилетит восстанавливать колонию, и снова предложим свою помощь. Сотрудничество возобновится.

— Конечно, вы можете отказаться, — подал голос второй моанин. Шелдон невольно вздрогнул: он почти забыл, что в кабинете есть кто-то кроме него и Але. — У вас выбор есть.

Какой к черту выбор? Он угробил семь лет на то, чтобы доказать: дети людей и моан — это новый жизнеспособный вид. Более совершенные, чем люди или моане, индиго сочетали в себе достоинства обеих рас. Пустить псу под хвост многолетние исследования? Сдохнуть вместе с остальными, так и не увидев расцвет индиго? Немыслимо.

— Мы наблюдали за *вами*, Шелдон, — повторил Але. — Мы заинтересованы в вас, а вы хотите продолжить работу. На остальное вам наплевать.

И он согласился.

С тех пор прошло десять лет.

Шелдон устало потер переносицу и посмотрел на часы. На сегодня дела закончены. Скоро за ним пойдет Ана; Йенс и Кэт, должно быть, уже дожидаются в холле. Вчетвером они покинут Центр, а затем и купол.

Моане без колебаний обрекут на смерть людей, с которыми жили бок о бок все эти годы. Дети индиго покинут матерей, которые их вырастили, и забудут о них навсегда. Дэниэл Шелдон уйдет вместе с ними.

Он подошел к окну, сунул руки в карманы халата и уставился на фонарь напротив здания Центра. На улице не было ни души, все отпраздновать. Последний день земной колонии на Моане, последняя ночь Нью-Ньюарка, Города-под-куполами. Подвыпившие в честь праздника колонисты, задрав головы, будут любоваться фейерверком, восторженно вопить и размахивать пивными бутылками, не зная, что одновременно с фейерверком будет активирован взрывной механизм, который уничтожит купола.

Двадцать лет. Немалый срок, многое было сделано, много свершений ожидало людей Нью-Ньюарка в будущем, и только Дэниэл знал: спустя каких-то пару часов это будущее у них отнимут.

К черту. Он не мог ничего изменить: ни тогда, ни сейчас. Доктору Шелдону дали шанс сохранить то, над чем он работал все эти годы. Его купили. И рефлексии здесь не место. В конце концов, он не Моисей, избранный Богом, чтобы вывести свой народ из Египта. Он всего лишь чужак, которого позвали взойти на Ковчег.

Втайне от колонистов моане предоставили ему лабораторию за пределами куполов. Все материалы, накопленные за годы исследований, были переправлены туда заблаговременно. Теперь ему оставалось лишь ждать.

Дэниэл бессмысленно покружил по кабинету, снова остановился напротив окна.

«Пора, — подумал он. — Отыщу Ану, и уйду».

И вот тут-то всё пошло наперекосяк.

— Доктор Шелдон!

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвалась медсестра. Вид у нее был такой, словно она не могла решить, разреветься или грохнуться в обморок.

— Привезли Рика, он...

В ту же секунду ожил динамик под потолком, и механический голос пригласил доктора Шелдона срочно пройти в хирургическое отделение.

Несясь по коридору в сторону хирургички, Дэниэл ожидал увидеть что угодно. Кишки и кровь. Смятую страшной аварией грудную клетку, раскроенный череп. Следы тяжелых ботинок на покрытых кровоподтеками ребрах. «Черт, как не вовремя все, как не вовремя!» — стучало в голове. Случайная авария? Или — Шелдон похолодел — кто-то узнал о предстоящем взрыве?

Но действительность оказалась страшнее.

Рику было девятнадцать. Высокий, прекрасно сложенный, красивый — как и все индиго — сейчас он лежал на столе под ярким светом хирургических ламп и казался лишь пародией на человека. Скрюченное тело, пальцы, сведенные судорогой, раззявленный в немом крике рот. Глаза были затянуты мутной пленкой. И никаких видимых повреждений.

Рик был мертв.

— Возьмите образцы на анализ и приготовьте тело к вскрытию, — сказал Шелдон бесцветным голосом, — немедленно. Кто-нибудь видел, как это произошло?

— Миссис Уиддэл, — быстро ответила медсестра. — Его мать.

Этим вечером миссис Уиддэл пришла с работы позже обычного. По дороге она купила свежие овощи — девушка в супермаркете очень их расхваливала, — и собиралась приготовить праздничный ужин. Рик обещал вернуться пораньше и провести вечер с ней. Такое в последнее время случалось нечасто, но миссис Уиддэл его не винила. Он молод, у него есть друзья. Особенно миссис Уиддэл нравился юноша, который заходил к Рику чаще остальных. Авель, кажется, так его звали. Очень приятный молодой человек, вежливый и улыбчивый.

Свет в окнах не горел, и миссис Уиддэл не стала звонить, рассудив, что Рик ещё не пришел. Она отперла дверь, отнесла пакеты на кухню. И тут же уронила их на пол, в ужасе зажав рот рукой.

Рик лежал возле стола, подтянув колени к груди, и тихо стонал. Он был еще в сознании, но говорить не мог. К тому времени, как приехала скорая, все было кончено.

Закончив с расспросами, Дэниэл оставил Ану успокаивать рыдающую женщину, а сам отправился обратно в хирургическое отделение. В коридоре его нагнал Йенс.

— Шелдон! — Юноша выглядел не на шутку встревоженным. Кэт с ним не было. — Что происходит? Мне сказали, с Риком что-то случилось...

— О, да, — не сбаывая шага, бросил Дэниэл. Сейчас ему было не до разъяснений. — Он мертв.

Йенс потрясенно замолчал и какое-то время шел за Шелдоном, глядя в пол.

— Мы не можем связаться с Авелем, — вдруг произнес он.

Дэниэл резко остановился, словно на стену налетел. Развернулся на каблуках и уставился на Йенса бешеным взглядом.

— Как долго? — отрывисто спросил он.

— Несколько часов.

Дэниэл рванул воротник, словно ему было нечем дышать.

Несколько часов до взрыва. Дэниэла прошиб холодный пот. «Почему именно сейчас? Какого черта вообще происходит?»

Йенс смотрел на него и молчал.

Когда из холла послышался шум, доктор Шелдон не удивился.

В другом конце коридора мелькнули санитары с носилками, из-за угла вынырнул крайне взволнованный Эйпхарт и быстрым шагом направился к ним.

— Авеля только что привезли, — сказал он и поспешно добавил, заметив, как Шелдон изменился в лице: — Ещё жив.

Авель был жив, но выглядел немногим лучше Рика. Его корчило и ломало, глаза закатились, на губах пузырилась розоватая пена. Шелдон стоял у стены и наблюдал, как санитары фиксируют тело ремнями, надевают на искаженное болью лицо дыхательную маску. Как постепенно утасуют под действием медикаментов спазмы и выравнивается пульс.

— Кто его привез? — спросил Шелдон у Аны. — Расспроси, потом с докладом ко мне. Вскрытием Рика пусть займется Эйпхарт.

Ана кивнула, но с места не сдвинулась. Она смотрела на Авеля абсолютно непроницаемым взглядом, но Дэниэл готов был держать пари, что это всего лишь маска. Пусть индиго и не отличались излишней эмоциональностью, бесчувственными они также не были.

— С ним все будет в порядке? — спросила Ана.

Шелдон покачал головой. Он знал, что Авель и Ана общались достаточно тесно, и, возможно, было бы лучше сказать ей что-нибудь обнадеживающее. Но внушать Ане ложную надежду казалось неправильным.

— Мы лишь временно стабилизировали его состояние, — произнес Шелдон. — Возможно, это слегка замедлит процесс... — он не договорил, но Ана всё поняла и так. В последний раз взглянув на Авеля, она вышла, аккуратно притворив за собой дверь.

Каина не было ни в холле, ни в приемной. Дежурная медсестра сказала Ане, что видела его у входа Центр.

Парень сидел на ступенях и плакал. На вопросы отвечал рассеянно, словно думал о чем-то другом. Да, Авель не мог дышать. Нет, вчера был в порядке. Нет, не знаю, не знаю, не знаю...

Доктора Шелдона Ана нашла в кабинете. Тот сидел за рабочим столом, и, казалось, был полностью погружен в свои мысли.

Анализы показали, что внезапная болезнь Рика и Авеля была вызвана вспыхнувшим в организме внутренним конфликтом. Шелдон стянул с себя халат и отшвырнул его в угол. Устало рухнул на стул.

Моделированием физического развития индиго в Центре занимались с особым тщанием. Благодаря довольно точным прогнозам, удалось

сгладить многие проблемные места. Увы, и здесь не обошлось без проколов. На основе наблюдений был сделан вывод, что половое созревание у индиго проходит иначе, чем у людей. Растянутое во времени, оно начнется позже и протекает гораздо более ровно. Никаких скачков, до этого момента все изменения происходили плавно, гены моан гасили свойственные человеческому организму рывки в развитии. Если верить прогнозам, даже самые старшие из индиго будут готовы к размножению не раньше, чем через несколько лет.

Именно это послужило камнем преткновения для большинства ученых, неспособных видеть дальше собственного носа. Научный совет Земли не желал признавать способность индиго к самовоспроизведению. Тогда, чуть больше восемнадцати лет назад, Дэниэл обил не один порог, доказывая этим придуркам, что индиго не просто жизнеспособны — в перспективе они могут стать полноценной, самодостаточной расой. Его выводы, основанные на полученной с Моана информации, называли скоропалительными. В корне неверными.

На заседании Научного совета Шелдона обозвали самонадеянным кретином. Сказали, что ни о какой новой расе не может быть и речи. «Ваши индиго непоправимо бесплодны, — сказали ему, — и выкладки, которые вы пытаетесь нам скормить, доказывают именно это!»

Из зала заседаний Дэниэл вышел с красным от ярости лицом.

Грант на исследования ему дали. В Научном совете было не принято отказывать в грантах молодым перспективным ученым. Зато существовала практика отказов от личного участия в исследованиях. Никто не собирался лететь с Шелдоном на Моан.

— Не принимай близко к сердцу, Дэн. — Джейк грохнул на стол две пивных кружки и уселся напротив. — Полетишь на Моан, а когда вернешься — вот тогда и утрешь нос напыщенным индюком из Совета.

Шелдон с мрачной решимостью придвинул к себе кружку, но пить не стал.

— Полетели со мной, — предложил он.

Джейк тяжело вздохнул. Он был знаком с Дэниэлом ещё с университетской скамьи, и не понаслышке знал, что в такие моменты тот всегда говорит на полном серьезе, и лучше не юлить.

— Дэн, ты пойми... — начал он.

Шелдон хмыкнул. Он смотрел на Джейка со злой усмешкой, словно наперед знал, что тот сейчас скажет.

— Нина... не поймет, — выдавил Джейк. Под прямым взглядом Шелдона он чувствовал себя неудобно. — Дэн, мы планируем пожениться в апреле! Я не могу ни с того ни с сего сорваться и улететь на другую планету!

— Ты забыл упомянуть, что работаешь в другой области, — Шелдон скривился, словно у него болел зуб. — Просто скажи, что тоже считаешь меня выжившим из ума самодуром.

— Это не так, — Джейк перегнулся через стол и с улыбкой похлопал Шелдона по плечу. — Возможно, ты действительно прав, и лет через тридцать человечеству придется признать, что индиго — не просто космических масштабов диковинка, но сейчас... — Джейк прервался, чтобы отхлебнуть пива, после чего продолжил, — сейчас, Дэниэл, факты решительно против тебя.

Шелдон смахнул его руку с плеча и со злостью оттолкнул от себя кружку. Пивная шапка колыхнулась и мыльной пеной сползла на стол.

— Да пошел ты, — без выражения произнес он. Джейк перестал улыбаться: таким он Дэна ещё не видел. В голосе звучала решимость — холодная, без намека на эмоции. — Я докажу, что я прав. И тебе, и мудакам из Совета.

«Такой и по трупам к цели пойдет», — раздраженно подумал Джейк.

— Я докажу, — повторил Шелдон. — Увидишь.

Вот и увидели. Выслушав доклад Аны, Шелдон откинулся на спинку стула и прикрыл ладонью глаза. Фактически, она не сказала ему ничего нового. Да что тут скажешь, всё ясно и так. То, от чего умер Рик, то, от чего умирал сейчас Авель... Дэниэл саданул кулаком по столу. Как мог он — самоуверенный дурак! — допустить такой промах?! Теперь очевидно, что у моан половое созревание замедлено лишь до определенного момента, после чего происходит резкий скачок. Впрочем, не удивительно: детей моан земляне не видели никогда, а информацией о собственной физиологии моане делились не слишком охотно.

Своим существованием индиго были обязаны уникальнейшему, шаткому равновесию, которое волей случая возникло при слиянии генов людей и моан. Это равновесие было нарушено: организм индиго попросту не успел среагировать на свойственный моанам — и унаследованный от них же — скачок. На определенном этапе развития работа некоторых желез внутренней секреции активизировалась. Организм захлебнулся в излишке гормонов, одни клетки-мишени «сошли с ума» из-за слишком интенсивной стимуляции, другие перестали функционировать от избытка гасящих активность веществ.

Возник дисбаланс, и довольно скоро процессы, запущенные неправильной работой эндокринной системы, привели к гибели Рика. И, если сыворотка не работает, Авель также обречен.

Что ставило Шелдона в тупик, так это абсолютная уверенность, что проморгать приближение скачка в Центре попросту не могли. Если бы даже случилось невероятное, и он сам проявил невнимательность, то оставался ещё Эйпхарт, да и не только он. Значит, что-то спровоцировало преждевременную активизацию желез.

Шелдон выпрямился и задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Ана, — позвал он, — скажи, ты не замечала ничего странного в поведении Рика и Авеля... скажем, за последние несколько дней?

— Они предлагали мне секс, — глядя на Шелдона своими ясными, словно погожее небо, глазами, сказала она. — Но мой организм ещё не готов, и мне пришлось отказать.

Дэниэл со стоном уронил голову на руки и рассмеялся.

— Только не говори, что потом эти оболтусы отправились искать приключений на стороне.

— Сомневаюсь, — Ана нахмурилась, — доктор Шелдон, вы же знаете, Авель довольно брезглив по отношению к человеческим девушкам...

— Однако это не помешало ему затащить в постель одну из них, — хмыкнул Шелдон.

Достав коммуникатор, он выбрал номер и нажал кнопку вызова.

Если его предположения верны, при условии своевременного вмешательства равновесие можно восстановить. Компенсировать дисбаланс введением в организм сыворотки на основе секретов человеческих желез. Соответствующие распоряжения Шелдон уже отдал. Оставалось лишь ждать — снова. И пусть нельзя было с уверенностью сказать, удастся ли спасти Авеля, одно было ясно: отрезать взрослеющих индиго от людей — значит обречь их на верную смерть.

Прозвучал сигнал соединения.

— Йенс, — сказал Шелдон в трубку, — слушай меня внимательно. Уничтожение куполов нельзя допустить.

4. Саар

Саару казалось, он простоял вечность, сжимая в руке коммуникатор.

Бухнуло, и на фоне темного неба расцвел первый фейерверк. Люди на площади ликовали, не подозревая, что вновь обрели завтрашний день.

Город-под-куполами не превратится в одно мгновение в братскую могилу. Не будет ничего — ни брызг армированного стекла, ни скрежета металлических конструкций, сминаемых мощным взрывом. Ни мертвых тел, ни агонии, ни смерти.

Возмездие отменяется — видимо, так распорядились Боги, возвращения которых так ждала Лиа. Боги не вернулись, но подарили им будущее.

Двадцать лет в ожидании этого дня. Обратный отсчет завершен, таймер на нуле. И — ничего.

Але будет разочарован. Саар усмехнулся.

В кабинете Джереми было темно; Саар, не глядя, сунул руку в ящик и достал носитель с записью, сделанной всего двенадцать часов назад — в другой жизни. Завтра она понадобится — нужно внести правки перед выпуском в эфир.

В лифте Саар на мгновение почувствовал головокружение. «Это все дыхательный аппарат, — подумал он. — Нужно заменить фильтры».

— Ну как вам фейерверк, мистер Саар? Наверное, вид с верхушки был хорош!

— Убийственно, — согласился тот. — До свидания, Бенджамин. Доброй ночи.
Выйдя на улицу, Саар поднес к уху коммуникатор.
— Здравствуй, Руфь. Не разбудил?
— Нет, я тебя жду. Ты где?
— Я еду домой.

5. Дэниэл

За годы пребывания на Моане Шелдон успел позабыть, какими утомительными могут быть заседания Научного совета. Как только председатель объявил перерыв, Шелдон поднялся и вышел из зала. Нестерпимо хотелось размять ноги. В холле он стянул с шеи галстук и закинул его в карман пиджака: от костюмов Дэниэл тоже отвык.

Ана покинула зал следом за ним. Она никогда не видела наземный город без куполов. Всё здесь было ей в диковинку: высокое небо над огромными массивами из бетона и пластика, широкие проспекты и пышные парки. Здание Совета располагалось на холме. Остановившись возле окна, Ана зачарованно смотрела на раскинувшийся внизу город. Дэниэл невольно улыбнулся, наблюдая за ней.

— Дэн! — окликнули сзади. — О боже, Дэн! Сколько лет, сколько зим!

Шелдон нахмурился, не сразу признав спешащего к ним человека. За годы, что они не виделись, Джейк слегка облысел и обзавелся брюшком; семейный человек, сразу видно.

Подойдя к ним, он крепко пожал Шелдону руку.

— Подумать только, ты здесь! — Джейк лучился восторгом. — А я уж было смирился, что никогда не увижу старого друга!

«Не допускал даже мысли, что я окажусь прав». С кривой усмешкой Шелдон ответил на рукопожатие.

— Ана, этого типа зовут Джейк, — сказал он. — Когда-то мы вместе учились.

— Юная леди! — перебил тот. — Вы ведь индиго? О, где мои восемнадцать лет?!

— В восемнадцать ты был прыщавым ботаником, — сухо заметил Дэниэл.

— И этот человек называет себя моим другом! — Джейк деланно рассмеялся. Шелдон скептически поднял бровь, но промолчал.

Ана, которой этот разговор был не особенно интересен, вежливо извинилась и отошла: пейзаж за окном занимал ее куда больше. В воздухе повисло напряжение.

— И всё же, Дэн, — Джейк продолжал улыбаться, но говорил абсолютно серьезно, — чего я действительно не ожидал, так это что ты откажешься от собственных слов и вернешься на Землю... не на коне.

Шелдон поморщился: Джейк был не первым, кто говорил ему об этом.

— Я ни от чего не отказался, — сказал он с раздражением. — Индиго — жизнеспособный вид...

— ...вот только они не могут пережить половое созревание. — Джейк закатил глаза. — Я читал твой доклад. По сути, это — твоя полная и безоговорочная капитуляция. Признай, Дэн.

— Ничего подобного.

Незадолго до отлета с Моана Дэниэла навестил Але.

— Вчера Совет Общины постановил, что возмездие не свершится, — сказал он и посмотрел на Шелдона в упор. Тот выдержал взгляд.

Слова Але его не удивили. Моане связаны по рукам и ногам, ведь индиго — их последняя надежда на продолжение рода. Ради индиго моане готовы на многое. Почти на всё.

— А как же древний закон? — спросил Шелдон с легким злорадством.

— Выживание расы превыше всего. — Але поджал губы. — В противном случае законы будет некому чтить.

Мысленно с ним согласившись, Шелдон поднялся и подошел к окну. За окном была ночь, единственный фонарь периодически гас, погружая улицу во тьму. В стекле отражался кабинет — стеллажи с папками, массивный письменный стол, обитые кожей кресла. Встретившись глазами с отражением Але, Шелдон произнес:

— Чистая случайность, что о предстоящем кризисе стало известно до того, как произошло непоправимое. — Але не ответил, и Шелдон продолжил: — Вам же нежелание делиться информацией о себе чуть было не погубило индиго.

Фонарь за окном несколько раз мигнул и снова погас. Отражение в стекле стало отчетливее, и у Дэниэла пробежал по спине холодок: Але улыбался.

— Если бы это случилось, — сказал моанин с расстановкой, — мы бы понесли наказание.

Гибель целой расы — единственно возможная кара за столь преступную беспечность. Они бы приняли эту участь как должное, понял Шелдон. От этой мысли ему стало не по себе.

— Мы ценим то, что принесло нам сотрудничество с людьми, — сказал Але.

«Но что вы будете делать, если со временем — нет, не *если* — *когда* потребность в сыворотке, а значит и в людях, исчезнет?» — подумал Дэниэл.

Это неизбежно, и вопрос лишь в том, как скоро сами моане придут к такому выводу. В любом случае, он, Дэниэл Шелдон, будет последним человеком, который откроет им на это глаза.

Джейк смотрел на Шелдона с нескрываемым скепсисом.

— Индиго — жизнеспособный вид, — повторил Шелдон. — Не сейчас, так через несколько поколений они смогут обходиться без нас. Со временем необходимость в сыворотке попросту отпадет.

— Если твои расчеты верны. — Джейк фыркнул.

Шелдон покачал головой.

— Они верны, — сказал он.

В этот момент прозвучал сигнал об окончании перерыва, и все потянулись в зал заседаний.

Шелдон придержал перед Аной дверь.

— Ни капельки не изменился, да? — бросил Джейк, проскальзывая следом за ней.

— Кто знает, — Дэниэл ухмыльнулся и тоже проследовал в зал.

6. Каин

Первый, на кого я наткнулся, выйдя из дому, был старый Том, продавец газет. Я кивнул ему, намереваясь пройти мимо, но он, конечно, не мог промолчать.

— Эй, Каин! — окликнул Том. — Как братишка?

— Нормально, — ответил я, останавливаясь возле киоска. Пару минут в запасе еще оставалось, можно и поболтать, черт с ним. Старик и правда переживает за Авеля.

— Ходит уже сам? — спросил Том.

— Пытается. Не очень получается пока, ну ничего. Доктор Шелдон говорит, что со временем все вернется в норму.

Доктор Шелдон заходил к нам перед отлетом на Землю. Разговаривал с Авелем, пытался его подбодрить. Брат был тогда еще совсем плох — зрение к нему не вернулось, он даже сидеть мог с трудом, не то что стоять. Я кормил его с ложечки, мыл, таскал на руках в туалет. Авель все больше молчал, говорить ему было тяжело, но я видел, как тяготит его моя забота. Он не привык к такому, понимаете. Он же всегда был сильным и самостоятельным, ни от кого не зависел. А тут — калека, беспомощный, слабый, и рядом только брат, который всегда его ненавидел.

Как подумаю об этом — вот честно, удавиться хочется. Я ведь хотел его убить в ту ночь. Я правда так думал.

Каждый раз, как об этом вспоминаю, сердце стынет, и не могу смотреть ему в глаза.

Авель провалялся в Центре Индиго неделю, а потом мне разрешили его забрать. Когда я привез его домой... Он такой был, никогда не забуду. Я его уложил в кровать, укутал одеялом, сел на пол, уткнулся носом в его руку и сидел всю ночь, дышать не мог, так мне было страшно и тоскливо. Авель спал, ему вкололи успокоительное, и доктор Шелдон сказал, что все будет хорошо — не сразу, со временем, — а сейчас надо просто ждать. Вот я и ждал, сидел там на полу, и ждал, когда руки перестанут дрожать и горло отпустит. Дальше было уже полегче, а в ту первую ночь я чуть с ума не сошел.

Сейчас Авель видит уже почти хорошо, может сам держать ложку — в правой руке, левая все еще скрюченная, он ее прячет на груди,

стыдится. Неделю назад начал потихоньку вставать. Я ему помогал, поддерживал под руку... а он так посмотрел на меня, захотелось на месте провалиться. И я сказал: «Братик, ну давай, все получится», а он... Он вдруг заплакал, и я так испугался — думал, ему больно, засуетился, усадил его, обнял, сказал: «Ну что ты, что ты, все же хорошо!» А он тогда от меня отстранился и сказал тихо-тихо: «Прости меня». И снова ткнулся носом в мою рубашку. Я аж обалдел. «За что простить?» — спрашиваю, а сам думаю: «Господи, знал бы ты, что я собирался сделать, как я перед тобой виноват».

Авель, наверное, думает, что мне в тягость о нем заботиться. А я рад, что хоть как-то могу искупить то зло, которое совершил. Хреновым я был старшим братом. Самым хреновым на свете.

Маме я так ни о чем и не написал. Пусть думает, что у нас все в порядке, незачем ее зря волновать. Мы лучше дождемся, когда Авель полностью поправится, и прилетим ее навестить. Авелю с каждым днем все лучше. И настроение у него поднимается, я же вижу: он стал чаще улыбаться, шутит, с удовольствием читает и смотрит стереофильмы. Я бросил работу в баре и провожу с братом все свободное время. И каждый раз, когда я возвращаюсь домой и вижу, как он рад моему приходу, на сердце теплеет, и я думаю, что, возможно, еще не поздно стать самым лучшим старшим братом.

Сидни заходит к нам почти каждый вечер. Я готовлю ужин на кухне, а она рассказывает Авелю, как прошел день. Брат смеется — язык у Сидни отлично подвешен, любая ерунда звучит забавно, а я стою над раковиной, чищу овощи и улыбаюсь, как дурак, потому что... Потому что все хорошо. А будет еще лучше.

Вчера вечером Сидни проскользнула на кухню вслед за мной, обняла меня сзади. И стояла так пару минут, прижимаясь к моей спине, а потом отстранилась, улыбнулась мне и вернулась в комнату к Авелю.

Когда Сидни уже уходила, я набрался смелости и пригласил ее на свидание. А она хихикнула и сказала: «Ну, я уж думала, ты никогда не догадаешься». И снова меня поцеловала. На этот раз по-настоящему.

В комнате меня ждал Авель. Который сказал примерно то же самое, что и Сидни. Я швырнул в него подушкой, но он с хохотом увернулся. Точнее, попытался.

Потом мы с ним играли в шахматы. У меня пока не очень хорошо получается, но Авель считает, что я делаю успехи. Я у него и на этот раз не выиграл — брат мне не поддается, говорит, что я должен победить честно. Зато я заметил, что у него почти все пальцы двигаются; он задумчиво вертел в левой руке сбитую пешку.

В общем, я вчера был самым счастливым жителем Нью-Ньюарка, точно вам говорю.

Попрощавшись с Томом, я свернул за угол, прошел два квартала

и остановился возле супермаркета. Если верить часам на фасаде соседнего здания, смена у Сидни должна была закончиться через четверть часа.

Но она появилась неожиданно — наверное отпросилась пораньше. Неслышно подкралась сзади и закрыла мне глаза руками.

— Привет, — сказал я, улыбаясь. И захлопал ресницами, щекоча ее ладони.

— Привет. — Сидни убрала руки. Я обернулся и обнял ее, а она привстала на цыпочки и поцеловала меня в уголок рта. — Как дела?

— Классно, — ответил я. И рассказал ей про Авеля и про его руку.

Мы перекусили в кафе, и я предложил пойти на стереофильм — вчера с Земли привезли новые записи, но Сидни сказала, что хочет прогуляться. Так что мы пошли в центр, ели мороженое у фонтана на главной площади, потом поднялись на телебашню — по выходным туда пускают экскурсии, но я раньше никак не мог собраться, а с Сидни все получается как-то запросто.

Нью-Ньюарк с такой высоты выглядел, как игрушечный город, а до купола, казалось, было рукой подать. У меня немного закружилась голова, и я отошел от края площадки.

— Эй, — окликнула Сидни.

Я обернулся. Она стояла у самого ограждения, чуть склонив голову набок. И я подумал не к месту: как же странно все иногда случается. Какие причудливые совпадения строят по кирпичику нашу жизнь. Что было бы, если бы Сидни не понравилась «Маргарита»? Или если бы она не попросила меня познакомить ее с братом? Или если бы я пошел в ту ночь на площадь вместе с остальными, а не отправился домой?

— О чем задумался? — Сидни подошла и взяла меня за руку.

— О тебе, — честно ответил я. — И об Авеле. И вообще обо всем сразу.

— Надо будет его сюда привести как-нибудь, — сказала Сидни. — Думаю, ему понравится.

Я хотел сказать, что она, наверное, права, но тут случилось еще одно совпадение: проходивший мимо паренек случайно толкнул Сидни, и мне пришлось подхватить ее на руки, чтобы она не упала.

Я вернулся домой около полуночи. Заглянул в комнату брата: Абель спал, уткнувшись носом в стиб локтя. Ну, то есть, это я думал, что он спит, потому что когда я уже собирался тихонько притворить за собой дверь, Абель меня окликнул.

— Не смей жениться, пока я не встану на ноги, — строго сказал он. — Это будет не по-братски.

Я хмыкнул и присел на край его кровати.

— Ты уж тогда выздоравливай поскорее, братец, потому что к тому все идет.

Абель сел в постели, взъерошил свои длинные волосы и улыбнулся.

— Приложу все усилия, — сказал он серьезно. — Дай мне еще месяца два.

Я вышел из его комнаты, прислонился спиной к стене и стоял так минут пять, глупо улыбаясь.

Наверное, завтра можно написать маме, подумал я.

АЛЕКСАНДР МЕШАЙКИН

ТЕХНОГЕН

1

Почему я?

Григорий иногда, во время шестичасового отдыха, задумывался над своей судьбой. Когда тело ныряло в короткий сон, сквозь память проносились целые пласты событий. События, сжигая нейроны, контактировали с чувствами. Тоска и вдохновение. Боль. Отчаяние. Лучшие моменты жизни. Моменты, которые никогда не осуществляются. Григорий не отдавал себе отчета, какие из воспоминаний реальны, а какие — выдуманы. Он не желал этой памяти.

Копаясь в груде сумбурных наслоений, он осторожно отсеивал лишнее. Григорий боялся ошибиться, но ошибки все равно появлялись. Долгосрочная память давала сбой, она невероятно много выдержала, эта память...

Почему именно я?

Ты — Григорий, — подсказывали электронные импульсы в мозгу. И, улыбаясь, бежали дальше.

Я — Григорий... — грезил человек. — Почему именно я?

Ты, — безапелляционно заявляли они, — Именно ты...

Семь часов утра.

Какой ужас, подумал Григорий, вставая с кровати.

За стеклопластиковыми окнами — осень. Собственно, не очень легко увидеть осень из окна сорок пятого этажа небоскреба, но Григорию не нужны внешние атрибуты для того, чтобы ощутить ее присутствие. Достаточно захватить взглядом край неба.

В комнате — полутьма. Григорий спал одетым — за последнюю неделю у него вошло в привычку спать одетым — и стремительно потянувшись, он вышел покурить на балкон. Никакие посторонние импульсы ему теперь не мешали, но, вынимая старую бензиновую зажигалку, Григорий на всякий случай переспросил у неба:

— Почему именно я?

А небо в ответ лишь хмурилось низкими тучами. Оно за пятнадцать лет привыкло к вопросам Григория. Разнообразием они не отличались.

Григорий сделал глубокую затяжку и сбил пепел на далекий асфальт мегаполиса. И пока пепел летел вниз, у человека еще оставалось время собрать крошки памяти и попробовать накормить ими свой ум.

Вообще, это — дурное дело, лучше просто стоять на балконе, наслаждаться попытками солнца пробить лучами броню неба и не задумываться. Не следует...

Григорий курил, подозрительно посматривая на свинцовые тучи.

Третье тысячелетие началось для него не очень радостно.

Во-первых, он потерял девушку. Собственно, здесь его вина была косвенной.

Когда страна Григория, которая уже пятнадцать лет делила саму себя между западом и востоком, нашла отвагу осуществить харакири и разорваться на два независимых государства, Оксана собрала пожитки и удрала со всеми родственниками от любимого, туда, где было лучше. До раскола всегда считалось, что лучше — на западе. Будто бы и люди свои — и уровень жизни выше. Красивый аргумент!

Западная часть и северная части основали Народную Республику Украину. Центр и восток стали просто Демократической Украиной. Крым прищвартовался к России. Никакой оригинальности. Сценарий событий был отработан еще век назад. Наверное, в этот раз он был разыгран окончательно. Мировая общественность ответила на эти события глобальным игнорированием. Украина со всеми своими пертурбациями уже сидела ей в печенках. Было бы на что обращать внимание! ООН теперь более занимали волны африканских восстаний, которые в начале двадцать первого века достигли катастрофической величины.

Григорий не согласился с таким решением.

Если потом кто-нибудь сказал бы ему, что все дальнейшие события и все неприятности, все его личные достижения и расплата за них, вытекли из этого несогласия, он, не колеблясь, застрелил бы умника со своего пистолета-пулемета с лазерным целеуказателем, производства Запорожского военного комплекса. То же самое он сделал бы в случае экивоков на то, что в душе любит свое государство.

Его государством когда-то была НДУ — независимая демократическая Украина. И родиной тоже была та же Украина. Теперь в их взаимоотношениях в сознании Григория намечались явные проблемы. Когда случился раскол, Григорию исполнилось девятнадцать лет, он был талантливым и романтичным парнем, желал стать научным работником, он мечтал — и Оксана была рядом с ним. Когда случился раскол, он находился в пике наивности.

На седьмой день после шокирующих результатов народного референдума, Григорий, сидя в кафе самообслуживания в Мариуполе и лакая томатный сок с водкой, осознал, что свою родину он любит больше, чем государство. А точнее говоря — менее к ней равнодушен. А еще он понял, что люди, которые действительно задумываются над разницей между одним и другим и делают нужные выводы, появятся на степных просторах растерзанной Украины очень скоро.

На западной ее части — возможно. На восточной, наверное, уже никогда. Об Оксане теперь и речь не шла...

До свинцовых туч над небоскребами Кировограда было еще очень далеко. И еще дальше было до пластов чужой памяти, которые появляются во сне.

Григорий решил ступить на новый путь.

Всему вина — водка, — размышлял он позже, — не следует пить водку с томатным соком, когда есть много возможностей для выбора. Не следует пить водку, когда, кажется, что потерял лучшее, что у тебя было.

До добра это не доведет. Или доведет — и это будет еще хуже!

2

Пепел не достиг асфальта. Озорник-ветер спрятал его в свой прозрачный карман и понес на север, к окраинам города, туда, где над промышленными корпусами гелиофабрики парили два аэростата службы стратосферной защиты.

Вдруг среди кварталов что-то бабахнуло, и до одного из аэростатов протянулась сияющая паутина, так выглядит молния, если за ней наблюдать в замедленном действии. Миг — и она исчезла. Аэростат сразу начал терять высоту.

Григорий как раз зевал.

Пятым, — меланхолично подумал он, смотря на медленное падение машины стратозащиты и стряхивая следующую порцию пепла за балкон. — За эту декаду мои заграничные друзья сбили пятый аэростат... Может он им на головы упадет?

Виноваты тут, конечно, какие-то местные агенты, но любому дураку было ясно, откуда ноги растут.

Григорий прикинул, что падение аэростата — наименьшая из возможных сегодняшних неприятностей.

Только он докурил и щелчком отбросил папиросу, как на запястье завибрировал браслет-коммутатор, и над балконом появилось изображение седого мужчины в безупречном черном костюме. Глаза его смотрели сурово и испытующе, и Григорию почему-то стало стыдно за свой мешковатый комбинезон из мимикрирующей ткани.

Григорий повернулся. Изображение должно было спроецироваться как раз напротив него, в сорока сантиметрах от лица, но вышло так, что старик видел Григория точь-в-точь в профиль.

Идиоты, — в очередной какой раз подумал он. — Круглый год бьются на решением этой проблемы — и все собаке под хвост! И зачем мне было стараться?..

— Техноген? — густые брови взлетели домиком.

— Ага, — ответил Григорий, снова зевая — Он самый.

— Минуту назад, боевики из экологического фронта сбили в Кировограде

один из аэростатов защиты воздуха, — доложил костюм. — Мы, в конце концов, должны принять решительные меры...

Григорий невесело улыбнулся. Экологический фронт, который всегда берет ответственность за подобные дела, уже пять лет финансировался предпринимателями западной Украины. Собственно и создан он был, чтобы мешать технологическому развитию востока. Конечно, кроме политических мотивов, здесь не последнюю скрипку играла банальная зависть, хоть Григорий немало усилий приложил, чтобы поднять с колен обе части когда-то единой страны. Понятие родины и государства до сих пор боролись в его уме.

И он имел возможности дать этой борьбе внешний выход.

— Принимайте, министр, — согласился со стариком Григорий. — Я здесь причем? Я же не президент... Кстати, я видел падение этого поста защиты. Хорошо падал, черт возьми!

Министр обороны поджал губы.

— Это твои аэростаты, — напомнил он.

— Мон, — снова согласился Григорий. — Здесь все мое... Но это не мои дети...

— К этим боевикам из фронта ты почему-то относишься и в самом деле как к своим детям, — в голосе старика появились нотки, говорившие о старой ссоре. — Твои люди их защищают... Может и среди активистов фронта есть твои люди... А? Есть? Отвечай!

— Могу ответить, — в третий раз согласился Григорий, — Но, дорогой Алексей, вам это задаст лишней головной боли. Погибшие есть?

Лицо старика пошло пятнами.

— Которые, к дьяволу, погибшие? — выругался он. — Как обычно нет! На аэростате лазерным импульсом был уничтожен киберблок контроля высоты. А также блоки связи и навигации. Оборудование тепловой стратозащиты не повреждено. Пост, как предусматривает программа, сделал вынужденную посадку. Среди экипажа и местного населения никто не погиб. Даже раненых нет. Ремонт аэростата отнимет три-четыре дня. Эти ребята, наверное, уже жаут, когда он снова поднимется в воздух.

Григорий кивнул. С той стороны мегаполиса, где упал аэростат, слышалось завывание сирен. Кто-то пробивался к нему по другому каналу коммутатора.

— Это хорошо, что нет погибших...

— Ну да! Хорошо... — старик дал выход эмоциям. — Около пятидесяти нападений на эти новые комбинаты синтетического питания. Уже двадцать нападений на фабрики холодного синтеза. Еще несколько сотен терактов на гелиостанциях. За два года! И что характерно — ни одного погибшего! Есть несколько десятков легкораненых, но они говорят, что сами виноваты. Очень осторожные террористы, ты так не считаешь?

— В эту неделю мне пришлось немного спать, — глухо произнес Григорий. — На меня было сделано три покушения.

— О... — брови старика взлетели вверх, но сильно обеспокоенным его назвать было нельзя. — Это что-то новенькое. Неужели ситуация вышла из-под твоего тотального контроля?

— Не знаю. И я не диктатор, не пронизируйте, Алексей.

— Конечно. А почему не сообщил? Отдел государственной безопасности только того и ждет!

— Зачем? Управляюсь сам...

— Конечно, управишься, — глаза собеседника Григория были похожи на две ледяных звездочки. — Ты же национальный герой! Техноген! Не диктатор — герой! Страны — по обе стороны Днепра — обязаны тебе много чем... И что? — температура в глазах Алексея упала еще на сотню градусов. Абсолютный ноль, а не глаза! — Среди террористов погибших нет?

Григорий раздумывал.

Он извлек из наплечного клапана комбинезона трубу с папиросами, закурил. Взглянул на тучи. Посоветовался с небом. От министра что-то скрывать было без толку. Все равно узнает! Удивительно, что еще не узнал... И будет снова жаловаться. Кроме постоянных официальных отношений, пять лет общения сделали их похожими на друзей. Григорий знал, что у Алексея была дочка, его ровесница. А вот сына у министра не было... Может в этом дело?

— Не совсем так, — в конце концов, ответил Техноген. — После второго нападения я стал таскать оружие. Последнего мальчика я застрелил из своего ПКЗ.

— Так это был ты... — выдохнул министр — и смолк на полуслове.

3

За пять минут до убийства третьего террориста разлад в душе национального героя достиг своего пика.

Спал он крепко, но пласты памяти все также появлялись из бездны сознания. Даже во сне Григорий понимал, что это — не его память, что барьеры мозга вот-вот готовы рухнуть перед внешним вмешательством. Он знал, кто в этом виноват. Он знал, что нужно делать.

Знал — и не мог найти у себя той последней капли решительности, чтобы сделать то, что сделать следует.

Выход был лишь один. Выход, за который он будет должен нести абсолютную ответственность.

Григорий, переворачиваясь на вторую сторону, застонал в подсознании: — Почему именно я?.. — и проснулся.

За три минуты до убийства.

Номер отеля в Донецке был обычным люксом.

После первого покушения Григорий часто ложился спать в одежде. Наверное, чувствовал себя более защищенным. Он чудом пережил взрыв карманной бомбы, подложенной ему в такой же гостиничный номер официантом, но не желал никакой охраны. Узнай об этом случае один его знакомый министр, в радиусе километра от Техногена крутила бы орда секретных сотрудников.

Этого он не мог допустить. Хватит ему и чужой памяти!

Второй раз его обстрелял подросток в Черкассах. Григорий получил ранение в плечо. Но и здесь его натура была против любой гласности. Еще несколько лет тому он сделал бы из этого шоу, к которым так расположенные украинцы и из НРУ, и из ДУ тоже. Он укрепил бы свои позиции. Сейчас же более его беспокоил тот факт, что его знают в лицо. Он думал, что за восемь лет, именно в то время когда он старался держаться подальше от прессы, его внешность позабылась.

Конечно, это было не так.

Он запомнил подростка. С помощью узкого штата преданных ему людей узнал, кто он такой. Выяснилось, что отец восемнадцатилетнего Сергея Громова погиб три года тому назад при аварии на заводе тепло-энергетических конструкций возле Киева. Конечно, это был его завод. Точнее говоря, он имел все рычаги управления его международной работой. И, собственно, то был первый завод в Народной Республике Украине, где на конвейер было поставлено производство промышленного оборудования с системами солнечного обеспечения.

Техноген умел обращаться с оружием. Григорию пришлось полгода пробыть в Руанде. Это была дань неистовой юности. Он ехал туда как талантливый аналитик, но стал снайпером.

После второго покушения Григорий решил, что оружие лишним не будет, и попросил доставить ему что-нибудь миниатюрное. Просьбу выполнили. Оружием оказалась новейшая разработка автоматизированного запорожского военного комплекса. Маленький пистолет-пулемет с безгильзовыми патронами и системой магнитного ускорения, весом всего в два килограмма. К нему полагалось два патековых магазина на пятьдесят патронов-шаров. Наверное, его люди решили, что большее количество, в серьезной ситуации все равно не поможет.

За полторы минуты до нападения Григорий, не вставая из кровати, зевнул и провел рукой по плавным контурам оружия. ПКЗ он оставил на ночь на тумбочке возле кровати. Также там лежала туба с папиросами и антикварная бензиновая зажигалка. Такими зажигалками в последние несколько лет пользовались лишь эксцентричные оригиналы. Но для Григория она была немалым куском памяти. Тогда, в Мариуполе, после отъезда Оксаны, он прикуривал именно от нее. Техноген потянулся и решил, что надо встать и пойти позавтракать.

За пять секунд до нападения, Григорий все-таки встал и потянулся к тубе и зажигалке.

Вдруг двери в номер слетели с петель, и на пороге номера появилась фигура в маске. Очередь шаров прошла кровать. Наверное, нападающий имел представление об его суточном расписании. Техноген жил в этом отеле уже четыре дня, стараясь управиться с сумбуром в голове. Он всегда имел однотипные привычки, и террорист знал, как ими воспользоваться.

Просто ему не повезло.

На что, а на реакцию и отсутствие решительности Григорий не жаловался. Никогда.

4

Они встретились с Алексеем Геннадиевичем после обеда.

Осень. Днепропетровск. Одна из загородных вилл высокопоставленного лица.

Площадка для гольфа была, наверное, наибольшей по левую сторону Днепра. Григорий прикинул, что с этим рельефом выиграть сегодня у друга ему не светит.

Министр настоял на встрече. Он мнил себя хорошим психоаналитиком. Может оно и в самом деле так, подумал Григорий, загоняя первый мяч в лунку.

Восемь ударов. Средний результат.

— Техноген, — начал Алексей сложный разговор. — Почему ты его убил? Неужели не было другого выхода?

Он ничего не хочет от меня, решил Григорий, во всяком случае, для себя лично. Считает, что мне нужно выговориться. Что время пришло. И не только в терракте вещь. Наверное, прав, сучий пес!

Министр называл Григория Техногеном, хоть прекрасно знал его настоящее имя. Сам Григорий себя так не называл никогда. Иногда министр звал его олигархом, Григорий скрипел зубами, но терпел.

— Выход, может, и был, — ответил он. — Но я его не нашел.

— Не искал, — министр начал новую партию.

— Это была случайность. Если у меня был бы время, я бы что-то придумал.

— Времени всегда не хватает. Ты защищаешь промышленных террористов, но не желаешь защищать их от себя самого.

Это — прелюдия, подумал Григорий, только прелюдия. Ерунда...

— Там все сделано правильно. Лучше я уступаю частицу капиталов и технологий.

— Конечно, лучше... — согласился Алексей. — Твои люди контролируют ситуацию. Они делают так, чтобы все терракты были бескровными. Они готовят в Народной Республике боевиков. Они готовят боевиков и здесь. Они планируют операции так, чтобы никто из них не попал в руки

ребят из охраны. Чтобы среди населения не было жертв. Красивое решение. Они собирают реакционную молодежь, дают выход их недовольству. Они организывают партии, дают выход недовольству среднего класса. Проводят и здесь и там какие-то законопроекты, направленные именно против твоей деятельности.

— Это не только моя деятельность, — возразил Григорий. — Это — развитие государства. Что в этом плохого. За девять лет мы обогнали японцев в электронной области. Страна стала вдвое меньше по площади, но экспорт превышает импорт. И каждый год показатели растут. Научеёмкие области дают три четверти национального дохода. Уровень экологического статуса улучшен и в Народной Украине — и у нас тоже. Мы имеем новейшую армию, одни из лучших отрядов антитеррористической борьбы...

— Ещё бы! — захохотал министр. — Им есть, где практиковаться... Эти ребята образцово-показательно хватают террористов. То есть, твои ребята обезвреживают твоих же террористов и тянут их в твои же тюрьмы, которые больше похожи на курорты Анталии. Они пользуются новейшим оружием, действующим на нервную систему — среди террористов нет погибших. Боевики специально тренированы — среди бойцов спецподразделений тоже нет погибших. И овцы сыты — и волки целы. Хе-хе...

— Общий уровень преступности не очень упал, — Григорий сделал очередной удар по мячу.

— Ты — идеалист, — улыбнулся министр. — Ужасно везучий, очень талантливый идеалист. Стараешься создать либеральную утопию. Сделать искусственных девочек для педофилов. Двадцать процентов — это не очень? Видел бы ты, что здесь творилось в девяностые...

— Я не видел. Я действовал так, как действовал. И почему-то нормальные люди мне не мешают.

— Они просто не знают, что с тобой делать. Государства запада — в отчаянии. Все их попытки повлиять на развитие нашей страны натыкаются на твою волшебную предусмотрительность. Если кто-то чем-нибудь угрожает, у него сразу начинаются внутренние проблемы...

— Может это — месть? — Григорий заглянул министру в глаза. Льда там не было. — За все прошлые века.

Алексей вздрогнул — и промазал клюшкой.

— Это и есть твоя цель? — осторожно спросил он.

— Нет, ты что, — уверил его Григорий. — Я просто пошутил.

— Может, ты просто не отдаёшь себе отчета? — будто сам себя спросил Алексей. — Я знаю твою тайну. У тебя есть твой собственный искусственный интеллект. Это он тебе помог в твоей экстравагантной кампании. И помогает сейчас. Может твоя машина имеет свои намерения? Может, ты только считаешь, что руководишь ею?

Началось, подумал Григорий, теперь он от своего не отступится.

— Распространенная мысль, — ответил Техноген — и загнал мяч в лунку. — Стереотип. И кстати, это — не машина.

— А что же? Приведение в электронных сетях? Я хоть и старый, но не сумасшедшей. Это твоя модернизированная воля. Универсальное средство. Твой путь к техногену.

— Что здесь скажешь? — Григорий развел руками. — Может и так.

— Ты не задумывался над этим?

— Задумывался. Не в этом дело. Мы имеем, то, что имеем. Если бы его не было — не было бы ничего.

— Тебе снятся сны.

Это было утверждение. И министр этого не скрывал.

Что-то многовато он знает, решил Григорий, наверное, я где-то был неосмотрителен...

— Всем снятся сны — что из того?

Теперь уже Алексей внимательно посмотрел ему в лицо.

— Это не твои сны, — сказал он, в конце концов. — Ты это понимаешь, герой?

Григорий отвел глаза вверх. Небо притворилось тутим на ухо.

— Вы следили за мной, — голос его задрожал. Он и не заметил, что перешел на «вы». Раньше такого не было.

— Да, — легко согласился пятидесятилетний министр. — Следил. Лично. И поверь мне, это было не легко при моем возрасте. Ты разговариваешь во сне. Что-то случается каждую ночь. Ты называешь это «чужая память». Очень уместное название.

— Я понял, — Григорий пришел в отчаянии. — Еще кто-то знает?..

— Нет! Я решил, что этот вопрос между нами двумя. Так правильно.

Григорий припомнил, где болевые точки министра. Дочурка. Больше родственников нет. Еще всякие бытовые мелочи. Алексей на самом деле был неплохим министром, лучшим за последние годы — серьезного компромата на него не существовало. Также Григорий припомнил, что министр имеет научную степень по психологии.

Настроения ему это не добавило.

— Конечно, правильно. И чего же вы хотите?

— Решение, конечно, за тобой. Но представь, чем мы заплатим за свое быстрое развитие, за весь этот техноген. Тебя проклянут.

— Проклянут? Что вы имеете в виду?

— Ты какой-то медленный. Несешь в себе спокойствие мудреца. Раньше ты был не таким. Твой разговор. Твои движения. Они изменились. Хоть может я и не прав...

— Не тяните кота за хвост, министр... Говорите прямо!

— Что будет, когда сны начнут сниться всем?

Григорий захохотал.

— Вы все-таки съехали с катушек! Как это возможно?

— Как? Так же, как и с тобой. Только позже. Будет катастрофа. И я даже не знаю, как ее назвать — техногенной, какой-то ли другой.

— Это все — ерунда. Я все контролирую.

— Ты застрелил террориста.

— Иначе он застрелил бы меня.

— Ты часто изменяешь поведение. От меланхолика до сангвиника. И дальше — туда, где нет названий.

— Это ничего не означает.

— Для меня — означает. Что-то творится с твоим мозгом. Ты сливаешься со своей таинственной машиной. И ее, и себя ты запрограммировал, чтобы достичь какого-то своего плана развития *родины*. Это — ненормально. И я даже знаю, что послужило мотивом.

Смотря на Алексея, Григорий пожалел, что оставил свой пистолет-пулемет в коттедже министра.

5

Шагая коридорами подземной лаборатории в пригороде Донецка, Григорий одновременно проходил весь свой путь серого кардинала. Наверное, теперь этот путь закончен, думал он. А все — Алексей, черт бы его побрал!

Сотрудники лаборатории здоровались с ним. Кто-то задавал вопросы. Люди кипели энергией, это, скорее всего, были наиболее дорогие специалисты в Украине. Они знали свое дело в совершенстве. Здесь собрались те, кто охраняет его тайну — абсолютно надежные, проверенные годами и его личной службой безопасности, главным начальником которой являлся сам Григорий и его искусственный интеллект.

Рассматривая развешанные на стенах объемные фотографии из прошлого, Техноген двигался в направлении центрального бункера. Воспоминания не давали ему покоя.

Я и в самом деле стал не таким, каким был в начале работы, думал он. — Григорий замер на секунду возле фотографии, где был показан запуск первого завода холодного ядерного синтеза возле Полтавы. Вообще-то это было первое серьезное предприятие, которое должно было работать полностью на государство — Но что здесь странного? Мы все изменяемся. И наше поведение изменяется тоже.

Григорий старался подобрать достойный аргумент для своего внутреннего спора с министром. Аргумента, который снял бы все вопросы, не было. Он к такому не привык.

Человек двинулся дальше, перебирая все воспоминания сизнова.

С детства Григорий любил сверхзадачи. Он был самым сообразительным в классе по математике. А в институте новейших технологий, куда он пошел получать магистра наук, даже иногда мог потягаться в эрудиции с лучшими профессорами. Он не считал себя вудеркиндом, его жизнь,

жизнь ребенка среднего класса общества, разрешала не обращать внимания на зависть других. Григорий желал что-то совершить с кибернетикой и информационными науками. Они казались ему несовершенными и его аналитические способности не могли с этим мириться.

Но все быстро изменилось.

Была любовь — и был развал страны. Потом была Руанда. Григорий числился тогда на военной кафедре и попросился добровольцем. Зачем это ему понадобилось, Техноген не понимал и сейчас. Но, как выяснилось, это было правильное решение. Семь месяцев на фронте закалили его ум, дали прочувствовать другие стороны жизни. Приблизительно через четыре месяца после отправки он не выдержал давления своей заносчивости и всеми правдами и не правдами втиснулся в интернациональную группу миротворцев. У него было замечательное зрение и, воспользовавшись этим преимуществом, Григорий стал снайпером. Вскоре на его руках появилась первая кровь. Но юноше везло, и он так никогда и не побывал в мясорубке. Ни одной своей жертвы он не увидел ближе, чем за километр.

Благодаря зрению и удаче, Григорий накопил немало денег. Они стали подпорой к той сверхзадаче, которую он поставил себе, когда возвратился.

За время его отсутствия ситуация в Украине стабилизировалась. Государство стало напоминать что-то цивилизованное. Сами люди тоже изменились, после раздела частей национальные нелады отошли на задний план, и в лицах прохожих на улицах и площадях городов читалась вера в будущее. Но Григорий желал иного. Он твердо решил осуществить свой мечту и превратить страну в передний край научно-исследовательской мысли и высоких технологий.

Широко пользуясь услугами подставных лиц, он начал строить свою империю. Деньги и слава его не волновали. Он думал, что первого всегда будет хватать, если не делать фатальных ошибок, другого же боялся как огня. Стать известным не входило в его план деятельности — но людям всегда нужно что-то конкретное, что-то живое, и за пять лет он создал образ Техногена. Это отвечало главной концепции и тешило заносчивость масс, которые на протяжении многих лет существовали в отсталой стране.

Григорий не сторонился жестокости, но решительно был против лишних жертв. Руанда научила его ценить человеческую жизнь. Техноген отдавал предпочтение информационной и технологической борьбе с внешними и внутренними врагами. Многие из мировых лидеров уважал его за это, а много кто считал слабаком, который не устоит долго на мировой арене. Григория это не беспокоило, он твердо шел к цели и не желал лишних компромиссов со своей совестью.

И в этом ему помогали аналитический ум и созданный им искусственный интеллект.

Началось все с трех небольших фирм, зарегистрированных на случайных людей с помощью юридической конторы. Специально выбор пал

на ту контору, которой грозило скорое закрытие — и в самом деле, несколько недель спустя владелец объявил предприятие банкротом. Григорий сделал так, чтобы после регистрации, сопровождающие внутренние документы сгорели при небольшом пожаре в офисе, а компьютерные файлы были уничтожены вирусом. Одновременно была сделана перерегистрация этих фирм на лицо, которое в ближайшее время попало в автомобильную катастрофу.

Никто не погиб, но потерпевший человек два месяца пролежала в больнице за границей. Позже особый отдел национальной безопасности выяснил, что больница почему-то находилась в новой стране — Либеральной Руанде, а все затраты взял на себя некоторый Григорий Коваленко, дальний родственник. Этот момент вызвал определенные подозрения, но совсем не те, которых надо было бояться. И вдобавок время было уже потеряно.

Прошло полгода. Талантливо воспользовавшись законами, лично подбирая нужных людей, Григорий создал целую корпорацию, в состав которой входило более десятка фирм, которые прошли аналогичный эволюционный путь. Корпорация занималась научно-производственной деятельностью в энергоотрасли, имела дьявольски надежную систему охраны своих тайн и совсем не пользовалась иностранными инвестициями. Широко проводя внедрение новейших технологий, Григорий сделал так, чтобы руководить ее деятельностью было возможно без личного присутствия. Прошло шесть лет после развала, а Григорию было лишь двадцать пять.

Но он создал искусственный интеллект, незаменимого помощника во всех делах. Сплавляя осторожность и демонстративность, Григорий получил в распоряжение в Харькове одно из множества необычных зданий, которые еще остались от социалистической эпохи. Этот дом имел два этажа и что было важнее — двухуровневый подвал с бомбоубежищем. Недолго думая, Григорий сделал это место собственным кибернетическим центром. А для прикрытия открыл в нем несколько предприятий, имеющих отношение к компьютерам. Игровой клуб. Филиал фонда информационно-социологических исследований — это тоже была подчиненная ему организация, которая активно сотрудничала с африканскими государствами. Фирму, которая занималась импортом и перепродажей охранных систем разного профиля. Еще какие-то мелочи.

6

Далее подошла очередь банка.

Здесь как раз и пригодилась серьезная помощь искусственного интеллекта. Собственно Григорий совсем не сразу понял, что получил больше, чем желал. Ему требовалась оригинальная аналитически-прогностическая программа, которой мог бы непосредственно пользоваться один человек.

Но Григорий недаром сам являлся уникальным аналитиком. Он решил, что, во-первых, будущее чудо должно иметь в виду, что ему нужно будет

добывать информацию именно для него, Григория, и делать так, чтобы основные приоритеты оставались, даже когда он сам будет о них забывать. Во-вторых, он желал максимума контроля — и вместе с тем наибольших возможностей для общения. Этот искусственный интеллект должен был стать эдаким всевидящим секретарем с правом подписи, которого можно отправить на пенсию одним щелчком пальцев. Должен был стать промышленным шпионом и террористом. Надеждой для Украины.

Григорий создавал его лично, понадеявшись лишь на свой ум. Особенно важной частью был интерфейс, который сам был должен выбирать из списка приоритетов те области, о которых следовало бы сообщать в определенное время.

Наверное, Григорий имел право на десяток патентов, и это его ни капли не волновало. Он пошагово шел к цели.

Я перестарался, думал Техноген, спускаясь по ступенькам, вложил в машину большую часть души, чем было нужно. И если Алексей прав, негативные результаты еще впереди...

После организации банка, будущий серый кардинал чувствовал в себе силы заняться политической борьбой. Страна уже была готова к нововведениям, а новый помощник Григория беспрерывно находил деньги и рекомендации.

Прошел еще год. Григорий имел уже три собственных фонда связанных с экологической защитой, крупную юридическую фирму и еще одну корпорацию, которая специализировалась на строительстве с применением новейших стройматериалов. Организации широко использовали меценатство, помогали всем и вся, особенно ученым и вообще научным проектам разной направленности — благо денег хватало. Григорий удовлетворялся небольшим коттеджем в Харькове. О нем кто-то что-то знал, но пресса считала Григория не заслуживающим особого внимания. До сих пор ему это целиком нравилось, но пришло время брать власть в свои руки.

Григорий разработал новый план.

Он создал технократическую и вместе с тем проэкологическую партию. Понимая, что его ум и возможности подвластного ему искусственного интеллекта не безграничны, Григорий довольно быстро направил деятельность ТЭП на отбор потенциальных идейных соучастников. Потом он продвигал их в правительственный аппарат. Наверное, у него самого был неплохой шанс стать президентом, но он боялся, что увязнет в политических склоках, и потому оставлял всю эту игру партийным товарищам.

Способы, которые он применял, выводили большинство этих людей из равновесия. Это был новый вид тоталитаризма. Он давал деньги и власть, но требовал сохранять верность основным догматам партии. Взяточники и ханжи исчезали с его дороги, или находились под умным контролем. С помощью методов нейро-лингвистического программирования, он старался насадить технократично-экологический тип мышления важнейшим

для него лицам. Но, понимая, что абсолютный тоталитаризм и автократия некогда не доводят до добра, старался не переусердствовать. Люди, считал Григорий, все равно предатели по своей сути. И безразлично, существуют они в цивилизованной стране или в государстве третьего мира. Нам все равно чего-то будет не хватать — или ненависти, или счастья.

Здесь серый кардинал, конечно, не ошибался.

И — самое главное — организации и масс-медиа постоянно проводили агитацию среди населения в духе патриотизма. Неустанно критикуя старые предрассудки, Григорий старался доказать обычному населению, что за технически развитой и экологически чистой Украиной — будущее. И теперь он начал прилагать нечеловеческие усилия, чтобы демонстративно превратить все эти замечательные тезисы в жизнь.

Количественный уровень его достижений перешел в качественный. Подвластные корпорациям научно-исследовательские структуры, которые за это время многократно увеличили свой потенциал, сделали-таки технический прорыв, и по окончании шести лет его возвращения из Руанды в Миргороде был открыт первый завод холодного ядерного синтеза.

Григорий перенес свой кибернетический центр в подземный бункер. Искусственному интеллекту требовалось больше мощностей.

Уделяя огромное внимание экологической безопасности и экологически чистому производству, он продемонстрировал миргородский комплекс всему миру. И даже тем странам, которым было абсолютно начхать на все научные исследования скопом.

С легкой руки печати его нарекли Техногеном. А после того, как он провел небывалую кампанию «Скажем чистой энергии — да!» и открыл сразу три геотермоэлектростанции, обеспечивая дешевой энергией четверть страны, президент присвоил ему статус национального героя.

Григорий показал кривую улыбку видеокамерам — и навсегда исчез из эфира.

Но плоды его деятельности ширились. Подземный бункер для размещения модернизированного искусственного интеллекта углубили еще на два этажа. Теперь у него даже появилось лицо и что-то похожее на абстракцию в общении. Если кто-то из ученых, обслуживающих проект, и имел какие-то подозрения или неприятные чувства, Григорий об этом ничего не знал.

И где-то полгода назад в его сны начала приходить чужая память.

7

Григорий не желал обвинять в этом своего главного помощника. Предъявлять обвинение ему, то же самое, что предъявлять обвинение себе самому, когда не желает что-то припомнить собственный ум. Но слова министра напугали его. Раньше Григорий никогда не задумывался, куда пропадает эта память, когда он просыпается. И потому пришел в изумление, когда, заходя в помещение, где располагался главный интерфейс,

увидел перед внутренним взглядом очередь быстрых картинок. В ушах прозвучала и исчезла какофония звуков.

Будто бы это было на заднем плане, но разум что-то защемило. Техноген не уловил, что несли в себе картинки и звуки, но несколько шагов спустя человек понял, что это было что-то *родное* ему. Что-то, что он пережил.

Это открытие Григорино не понравилось. Он попробовал снова вызвать картинки в памяти.

Ничего.

Пустота.

Григорий осмотрел огромный зал. Он здесь не был уже три месяца. Несколько человек в комбинезонах колдовали над пультами, в воздухе потрескивало что-то невидимое. Ученые не обратили на прищельца внимания. Григорий подошел к техникам и попросил выйти.

Ученые внимательно посмотрели на него, но возражать не стали. Вообще мало кто из этих ребят имел непосредственный контакт с искусственным интеллектом в прямом разговоре, иные даже не догадывались, что такое возможно.

Техноген уместился на одном с удобных кресел перед широким экраном.

Ну что, попробуем разобраться, подумал он, может...

— Интеллект, — сказал Григорий. Он не давал своему помощнику ни названий, ни имен. Иногда лишь звал обормотом. Все же в некоторых вещах Григорий оставался консерватором. — Включись. Ты мне нужен.

На экране появилось лицо. Оно имело вид маски розового оттенка. Сейчас по маске пробегали разноцветные вспышки. Раньше такого не было, подумал Григорий, может приказать техникам, чтобы установили проекционный блок?

Проекционные блоки Григорий не любил.

— Как дела? — спросил он. Последний год интеллект учился отвечать на подобный вопрос. Иногда у него это выходило.

Но то, что произошло дальше, попыткой Григорий бы не назвал.

Маска вдруг превратилась в голову. Карие глаза. Короткий темный волос. Резкие скулы.

— Как дела... — повторило лицо.

Слушая синтезированный голос, Григорий несколько секунд раздумывал, — что здесь не так?

Перед его глазами вновь пронеслась очередь картинок, и Техноген понял, в чем дело.

С плоского экрана на него смотрел он сам.

Человеку стало не по себе.

— Ты — Григорий, — донесся голос из динамиков. — Техноген...

Григорий вдруг окончательно понял, что имел в виду его друг Алексей. Может, его единственный настоящий друг. Он следил, он хотел предупредить, о том, о чем лишь догадывался.

И у него была дочурка... Кажется, ее тоже Оксаной зовут... — почему-то вдруг вспомнил Григорий.

И о чем я думаю?

— Да, я — Григорий! — твердо сказал Григорий. Он старался сохранять спокойствие, в конце концов, это было его детище, и оно ему подчинялось.

— Как у тебя дела?

— Ты — Григорий, — прозвучало из динамиков. — Техноген... Почему именно ты?

— Отключись, — попросил национальный герой, маленький мальчик Григорий, который когда-то любил сверхзадачи. — Отключись!!!

Ничего не произошло. Интеллект смотрел на него его же глазами.

Так и бывает, подумал серый кардинал, решаешь одну проблему, а на этом месте появляется множество других. Ну и что делать?

— Ты, — сказал интеллект тоном ниже. — Я. Ты... Техноген...

Григорий закрыл глаза.

АЛЕКСАНДР ГРИГОРОВ

ЧЕЛОВЕК-НЕЧЕЛОВЕК

Аспиранта Никиту Тихомирова проглотил маршрутный автобус. Пережевывал, отнимая плату за проезд, протолкнул по проходу между сиденьями и переварил на галерке. Так и осел Тихомиров в желудке у чудовища — придавленный щекой к стеклу: маленький, робкий и скукоженный. В таком унижительном положении заведенные с утра пассажиры запросто могли пнуть несимпатичную бактерию, невесть как попавшую в автобусный организм.

Еще и возле окна уселся, тварь дрожащая.

Видела бы его сейчас Тоня Сторонько, наверняка изменила бы свое отношение.

Автобус тем временем поглощал новую порцию с привычным утренним аппетитом. Когда еда полезла горлом, скрипнула дверь, и перекошенный на правую сторону монстр отправился в путь, едва не задев брюхом асфальт.

Преломленные стеклом лучи апрельского солнца мигом нагрели лицо Тихомирова. Наверное, так себя чувствует бутерброд в микроволновой печи.

И еще: он забыл дома наушники — и тут же был наказан.

Две девушки на сиденьях впереди, словно по команде, достали телефоны и принялись наперебой рассказывать «как клево мы вчера оттянулись в клубешнике» и «какой козел этот Павлик, а я — дура, потому что с ним связалась». Стоящие в проходе бабушки (льготникам принципиально не уступали места) тоже скучали недолго. Сначала одна толкнула другую, потом обе извинились, и пошло: цены невозможные, демократы продали страну, вы посмотрите, какой порядок в Китае — знакомая звонила, рассказывала.

Никита достал телефон и открыл читалку, пытаясь скрыться в тексте от радиационного фона автобусных событий.

Какой там...

Спереди донеслось бабское визжание. Смеялись подростки, перемежая рассказ жирной матерщиной. Справа заиграла бессмысленная по мотиву и беспощадная по смыслу музыка — кто-то хотел поделиться ею с окружающими через внешний динамик.

Ситуация напоминала Тихомирову ад, по которому он путешествует, проезжая все девять кругов до конечной.

Когда автобус сделал остановку и прошипел передней дверью, по салону пошло шевеление. Как бульдозер по свалке, по проходу двигался молодой человек в черном спортивном костюме с красными вставками. Стал, осмотрелся, заметил Никиту и подмигнул. Тихомиров не узнал спортсмена, но вежливость заставила кивнуть в ответ.

Вновь поглощенный автобусом пассажир сначала попросил ребят на передней площадке выражаться скромнее. Те обложили моралиста лихо и витиевато. Спортсмен ненадолго исчез за спинами, а когда вернулся, спереди слышались сдавленные стоны.

— Вот так с ними и надо, — одобрили поступок старушки, — как в Китае!

Бабушкам тоже досталось. Молодой человек обернулся на звук и с ясностью мысли, несовместимой со спортивным костюмом, произнес:

— А вам, уважаемые, если так нравится Китай, взяли бы и ехали туда. Или обсуждали бы эту тему там, где никто не слышит. Что-на, забыли сталинских стукачей? — Спортсмен говорил гладко, но немного в нос. — Честное слово, лучше бы героям сериалов косточки перемывали.

Не успели старушки собраться с умственными силами и выдать тираду в ответ, как наглец вновь выкинул штуку, от которой они онемели.

— А вы, красавицы, чего расселись? — Это он девушкам с телефонами. — Ну-ка, уступили старшим место! И хватит, именно, рассказывать всему автобусу о нижнем белье. Нам это типа неинтересно. Лучше так же громко поведаете, что вы в последний раз читали, кроме глянцевого журналов и смс. Ничего? То-то, мая. Поэтому стойте и молчите. Десять минут без телефона потерпеть не можете.

Открыв рты и повинувшись неведомой силе, девушки встали. Бабушки садиться не спешили — мало ли что им грозит, если усядутся. Салон притих, словно в ожидании — кого следующего постигнет кара в спортивном костюме? В тишине пурпшала шины, скрипели тяги и хрипел динамик у меломана-эксгибициониста.

— Мужчина, — сказал спортсмен и похлопал слушателя по плечу, — отчего вы навязываете мне именно этот стиль музыки? Поверьте, у нас разные вкусы.

Из-под длинной челки послышалось невразумительное бурчание.

— Я понимаю ваше желание показать продвинутость, — успокоил патлатого спортсмен, — но будет лучше, если вы-на будете слушать музыку вот так...

Человек в спортивном костюме схватил сидящего за руку, в которой был телефон, и резко поднес ее к уху слушателя. Меломан вскрикнул, а потом завопил, но спортсмен не спешил отпускать его. А когда дал слушателю свободу, тот еще долго не мог убрать трубку — на щеке остался красный след, по контуру аппарата.

Автобус приехал на конечную, двери открылись, но выходить никто не рванулся.

— Ну, чего встали, мля, обыватели-гегемоны? — с озорством выкрикнул красно-черный. — Давайте выходить! Вам еще в метро предстоит показать, какое вы быдло.

Эти слова пассажиры восприняли с радостью. Вывались на волю и, пригибаясь, как под пулями, засеменили в метро.

Тихомиров вышел последним. Человек в спортивном костюме ждал у подножки.

— Ну что, пошли? — предложил он.

— Пошли, — ответил Никита.

Спортсмен вел себя спокойно. Они зашли в метро и сели на лавочку в ожидании поезда. Рядом стояли те самые девицы из маршрутки — с телефонами. Они, казалось, забыли о произошедшем, и появление спортсмена их не смутило.

— Здорово ты их там, в автобусе, — нарушил Никита неловкое молчание.

Спортсмен с укоризной во взгляде рассматривал окружающих.

— Вообще-то это не я, а ты.

Тихомиров не успел осмыслить фразу — подошла электричка. Вновь пришлось проявить ловкость, чтобы превратиться в пищу железного зверя, а не стать отрыжкой. Спортсмен вошел внутрь без суеты и непостижимым образом проник в середину вагона, где было свободнее. Никита плелся за красно-черной спиной, как катер за ледаколом.

— Чего молчишь? — спросил спортсмен, когда поезд тронулся.

— Не люблю разговаривать в транспорте, — ответил Никита и включил читалку.

— Я знаю, — ответил красно-черный, — но сейчас нас никто не слышит.

Он говорил тихо, непривычно для гулкого метро. Тем не менее, Никита все слышал, будто ему шептали на ухо.

— Ты тоже не ори, — продолжил спортсмен, словно прочитав мысли, — главное, чтобы сам себя слышал.

Никита опустил взгляд и заметил, что на сидении развалился неопрятный подвыпивший мужчина. Даже в толчее, садиться рядом никто не собирался.

Спортсмен схватил пьяного за грудки, поднял и понес к двери, тем же чудесным образом преодолевая плотность толпы. На станции дал алкашу пинка, тот вылетел на перрон и кубарем закатился под лавку.

— Продолжим-на, — сказал спортсмен, когда вернулся.

Пассажиры заняли освободившееся место.

— Ты сказал, что это я геройствовал в автобусе, — Тихомиров говорил одними губами. — Но я просто сидел, по законам логики, я не мог одновременно...

— Все дело в том, кто я и кто ты, — прервал красно-черный.

— И кто ты?

Спортсмен усмехнулся и невзначай поправил вышитую на груди эмблему. Такой марки Никита раньше не видел — буква-логотип: толи «эн», толи «эйч».

— Я — супергерой, — без патетики ответил спортсмен.
— Человек-Нечеловек.

«Доучился», — подумал Тихомиров. В последнее время он и вправду пересаживал за компьютером, готовясь к защите кандидатской диссертации.

— В смысле — супергерой?

— Да в прямом. Есть Человек-Паук, Человек-Летучая Мышь, Человек-Кошка. А я — Человек-Нечеловек. Между прочим, очень завидное качество. Что непонятно, мля?

«Все понятно, — подумалось Тихомирову, — так подвинулся рассудком. И как не вовремя — накануне защиты...».

Нечеловек прочитал растерянность в глазах Никиты и счел нужным пояснить:

— Я делаю то, что хотелось бы тебе, и чего сам ты никогда не сделаешь.

На следующей станции вагон почти опустел, и Тихомиров с Нечеловеком присели. Слева от спортсмена сидели две модные болтушки. Одна из них повернулась к Нечеловеку спиной и чуть наклонилась к подруге — пояс джинсов отошел от талии, и на свет явились салатного цвета трусики.

— Так бывает, — продолжал Нечеловек, — умному не хватает здоровья, сильному — эрудиции, старому — молодости...

Он заметил нижнее белье соседки, потянулся рукой и хлестко щелкнул резинкой трусиков по спине болтушки.

—...застенчивым — смелости.

Девушка повернулась, посмотрела почему-то на Никиту, но тот сидел слишком далеко и потому был вне подозрений. На спортсмена пострадавшая не обратила внимания.

— А настоящее имя у тебя есть? — спросил Тихомиров, наблюдая, как болтушка целомудренно подтягивает джинсы.

— Конечно есть. Тебя как зовут?

— Никита.

— Значит, я — Неникита, — спортсмен задумался, — а лучше — Аникита! Пожали руки — вот и познакомились.

— То есть, по закону аналогии, ты — мой личный супергерой?

— Ну именно!

— Разве так может быть? Я думал — супергерои, они общие.

— Ничего похожего. Бэтмен — это персональный герой Брюса Уэйна. А то, что он истребляет Джокера там, или Мистера Фриза якобы на благо общества — личное дело обладателя. Мог бы висеть себе вниз головой и горя не знать.

Тихомиров и Нечеловек вышли из метро и направились к институту.

— А почему ты раньше не являлся? — спросил Никита так, чтобы прохожие не подумали, что он разговаривает сам с собой.

— Ждал, пока созрешь. У каждого человека есть такая черта, после которой ему просто необходим Нечеловек. У тебя это случилось в автобусе. Типа Рубикон.

— То есть, ты делаешь то, чего я боюсь?

— То, что ты считаешь правильным и оправдываешь средства достижения цели.

По тротуару шел дородный мужчина с породистой собакой. Она села под деревом и надела кучу.

— А можешь ткнуть его носом в дерьмо? — Вроде и попросил, и приказал Тихомиров.

— Нет, так нельзя — просто ткнуть. Ты аргументируй. Или не трогай человека.

Тихомиров остановился, отошел от людского потока и закурил. Привычка эта привязалась недавно — как дань свободе, отнятой родителями в школе, и финансовой самостоятельности, забранной ими же в институте. Лишь в аспирантуре Тихомиров стал подрабатывать и даже снял однокомнатную квартиру в панельном доме рядом с институтским общежитием.

Нечеловек прислонился к стене рядом с хозяином.

— Все очень просто, — пуская дым, рассуждал Никита. — За оправдание в общественном месте наказывают — чтобы было чисто. Собачье дерьмо в этом плане ничем не отличается от человеческого. Животное не виновато — оно заложник варварской традиции держать собаку в городской квартире. Но собаку я и не прошу наказывать. Я хотел сунуть мордой хозяина в это безобразие. Он ведь отвечает за питомца, не так ли?

— Пожалуйся в милицию, — вяло парировал Нечеловек.

— А то ты не знаешь, что они ответят. И потом, по закону Ома: зачем мне тогда нужен супермен — лишний резистор в цепи?

Аникита скривился, оттолкнулся от стены и подошел к поводью. Тихомиров наблюдал за сценой со спины Нечеловека, и потому увидел только, как собачник вдруг согнулся пополам, упал на колени и уткнулся лицом в теплую кучу.

Справедливость восторжествовала, но Тихомирову стало не по себе — шел человек, гулял с собакой, а тут такая неприятность по его, Никитину, велению. Впрочем, он давно мечтал об этом — во дворе шагу некуда ступить, все загажено.

Надо сказать Нечеловеку о «Москвиче» соседа Карпушкина. Ставит, гад, прямо перед подъездом — к двери не пройдешь.

С этими мыслями Тихомиров не заметил, как дошел до института. Нечеловек между тем куда-то исчез.

«И хорошо, — решил Никита, — не хватало мне прослыть сумасшедшим».

В кабинете заведующего кафедрой Василия Евсеевича Податливого пахло деньгами. Запах, который посетители ошибочно принимали за смесь затхлости, бумажной пыли и смрада гниющего дерматина, в действительности был именно запахом денег. Обставь рабочее место современной техникой, отделай стены венецианской штукатуркой и вставь стеклопакеты — вмиг объявят взяточником. Лучше сэкономить на удобстве, чем объясняться и делиться.

— Таблицы, схемы, диаграммы и графики у вас, Тихомиров, таксыть, хорошие, — подвел итог Василий Евсеевич, отодвигая ноутбук. Компьютеров он боялся, как прихода КРУ, и потому относился с презрением. — Оппоненты в курсе, отзыв ведущей организации есть, автореферат на руках. Защищаетесь завтра, пойдете вторым.

Тихомиров принялся складывать ноутбук, а Василий Евсеевич взял пожелтевший от налета графин и налил из него в треснувший стакан. Над столом мелькнули потертые рукава засаленного темно-синего пиджака. Прихотливостью в одежде заведующий тоже не отличался — опять же, вынужденно.

— Жаль, Тихомиров, что вы после защиты у нас не остаетесь...

Податливый задумался, считая в уме, насколько именно в денежном эквиваленте ему жаль. Впрочем, заведующий и слова-то такого не знал — «эквивалент». Просто прикинул потери на сборах с аспирантов.

— Да я уже рассказывал: меня берут в международный исследовательский центр только с ученой степенью. В институте хорошо, но в материальном плане, сами понимаете, условия не ахти. Приходится выбирать по закону наименьшего сопротивления.

— Не спорю, не спорю, — Податливый допил из стакана и махнул рукой. — Вам, молодым, все деньги давай. А так, чтобы ради науки...

Тихомиров сдержал смех. Василий Евсеевич в институте слыл отменным дельцом и безграмотным преподавателем. Он путал сопромат с САПРом, интеграл — с интерференцией и молибден — с молебном. Что, между прочим, не мешало ему использовать эти слова в произвольном смысле, к месту и не совсем. Зато каждый год на его кафедре делался капитальный ремонт, и обновлялись ненавистные компьютеры. В науке распределения материальных средств и направления финансовых потоков Податливому равных не было.

— Тут еще вот какое дело, — промямлил заведующий, улучив момент. — Вы же понимаете, что после защиты в столовой состоится маленький фуршет — для комиссии, оппонентов, гостей, таксыть... — Василий Евсеевич нашел точку под столом и не отрывал от нее глаз. — В эту честь надо собрать с соискателей по тысяче.

Тихомиров чуть не выронил сумку.

— Так мы же сбрасывались на фуршет неделю назад. По полторы тысячи с каждого, Фесюк ходил в столовую, договаривался.

Удивлению Василия Евсеевича не было предела. Что за непонятливый народ пошел? Сами сбрасываются, сами договариваются...

— Я в курсе, — Податливый нашелся мгновенно, хотя ни черта он не был в курсе. — Но количество гостей изменилось, к нам приедут люди из области, да и продукты сейчас дорожают сами знаете как — не утонишься.

Никита почувствовал себя тлей — более ничтожной, чем та, которая сидела в автобусе у окна. Он, Тихомиров, пять лет учился на «отлично», три года отпахал в аспирантуре, ведя практику в неудобное для других преподавателей время, ишачил на стороне, чтобы не помереть с голоду. А вот эта замечательная сволочь с одной извилиной в голове отбирает деньги на ровном месте. И попробуй, не отдай — прахом пустит многолетние усилия. Шепнет проректору, и завернут диссертацию на доработку.

Тысячу Тихомиров с собой взял, и была она, слава богу, не последней. Но до чего же мерзок этот Податливый! И главное — ничего с ним не сделаешь.

«Чтоб ты подавился», — подумал Тихомиров, отсчитывая требуемую сумму.

Когда аспирант вышел из кабинета, Василий Евсеевич сгреб со стола деньги и вприпрыжку направился к сейфу. Открыл дверцу, положил купюры и сделал шаг назад — рассматривал в прорези железного ящика, как в раме, милую душе картину.

А в дверях тем временем стоял новый посетитель и с улыбкой наблюдал за наблюдающим. Говорят, весьма изысканное удовольствие.

Тихомиров был уже возле выходной вертушки, когда на втором этаже зашумело. По лестнице в холл слетел Витя Фесюк, размахивая телефоном:

— Там Податливый по коридору бежал... я заснял! За рот держится, а изо рта — деньги во все стороны! Он — в туалет, там закрыто. — Фесюк прыснул. — Туалет-то преподавательский, а Евсевич ключ забыл! Его прямо перед дверью и вырвало бумажками! Там как раз первый курс аудиторно ждал, и все — с телефонами. В сеть выложат — вот смеху будет! Чего ты такой заторможенный? Не понял юмора, что ли?

Тихомиров понял. Оттого и не смеялся.

Он рванул бегом на второй этаж, на лестнице столкнулся с Аникитой.

— Твоя работа? — спросил через сбитое дыхание Тихомиров, показывая в направлении туалета. Там кружком стояла толпа, оцетинившаяся вытянутыми руками с телефонами.

— Моя? — Нечеловек развел руками. — Скорее — твоя. Я оценил идею — достаточно остроумно. И с оправданием никаких вопросов — поделом старому жмоту.

Податливый вырвался из окружения и спешил в кабинет, собирая на ходу купюры. Никита хотел скрыться, но ему стало до того смешно, что он уткнулся в перила и не смог сделать шагу. За спиной Податливого звучал

дружный гогот. Прикрываясь ноутбуком, Тихомиров сползал вниз по лестнице, пока шеф не заметил его.

— Вы мне ответите за эту выходку! — Пригрозил Василий Евсеевич, от переживания забыв вставить неизменное «таксыть». — Я вам устрою!

И прощуршал потрепанными брюками к обшарпанной двери кабинета.

Тихомиров стоял на ступеньках, раскрыв рот. Только что Податливый пугал совсем не аспиранта, а молодого человека в черно-красном спортивном костюме.

—...меня видит только тот, у которого есть супергерой, — вещал Аникита, выпивая вслед за Тихомировым пятую рюмку. — Он может перепутать меня с обычным человеком, если не заметит буквы «Н».

Спортсмен ударил себя по вышитой на груди эмблеме.

Сидели в студенческом кафе — рядом с домом Тихомирова. Вокруг разлегся спальный район, пробудившийся к вечеру, вопреки названию. События дня навалились тяжким грузом, и сбросить его Никита собирался с помощью спиртного.

Налили по следующей.

— Мне теперь постоянно смотреть на твою рожу? — Спросил Тихомиров сквозь икоту.

— И чем тебе плохая рожа? — Рассуждал спортсмен. Водка его, кажется, не брала. — Кому ты нужен, кроме меня?

Никита поднес рюмку ко рту, и замер в размышлении. Чего вдруг его понесло пьянствовать? Никогда ведь не любил этого. Хотел порой сорваться, но представлял себя подшофе, вспоминал школьные ощущения и отказывался.

— Кому я нужен? — Тихомиров опять задумался. — Маме нужен, папе... о! Тоньке Сторонько нужен!

Нечеловек вышел из ступора, в который вводит пьяный треп, и приободрился:

— Что за птичка?

Тоня учится на пятом курсе в группе, где Тихомиров ведет практику. Маленькая, тихая отличница, затюканная глупыми однокашниками, всегда сидит на первой парте, слева от Никиты. Смотрит внимательно большими и добрыми глазами. Само собой, с аккуратностью ведет конспект. Не сказать, что красивая, но что-то таинственное и потому волнующее в ней есть.

Тихомиров в жизни бы не подумал, что у него появилась воздыхательница — эту новость принес Фесюк. Он со студентками вел себя менее церемонно, они и нашептали.

— Так я не понял, — уточнил Нечеловек, — она тебе нравится?

Что тут ответить, если женское внимание обходило Тихомирова десятой дорогой? В школе девчонки подсаживались только чтобы списать, в институте Никита учился в мужском коллективе, на студенческие вечеринки его не звали.

— У нее ноги некрасивые! — резюмировал Тихомиров. — Она потому и ходит в длинной юбке или джинсах. По закону подобия геометрических фигур. А фигура у нее — тьфу! — тощая какая-то...

Аникита похлопал его по плечу:

— Да ты, брат, переборчив. Не боишься обломаться? С твоими-то внешними данными? А то гляди, принцесса может так и не явиться!

Тихомиров хотел возмутиться, и даже встал для этого во весь небольшой рост, но тут как раз появилась принцесса. Она сидела через два столика, а теперь встала и подошла к Никите.

— У вас не занято? — промурлыкала она и поправила мини-юбку.

Все что ниже и выше Тихомиров оценил на «отлично» подогретым алко-голем и потому быстрым взглядом. И хотя Никите не нравились татуировки на женском теле, он закрыл глаза на рисунок, украшающий предплечье незнакомки. Что-то очень похожее на иероглиф или букву в замысловатых вензелях.

Тихомиров был великолепен — во всяком случае, так казалось ему самому. Он цитировал классиков, сыпал научными знаниями и рассказывал анекдоты. Представлял себя большим и сильным, но при этом начитанным и остроумным мачо с громадным опытом. Незнакомка слушала, раскрыв рот. Смеялась ровно тогда, когда было уместно. Исчерпав запас денег и коронных тем, Никита подошел к аппарату караоке и специально для очаровательной дамы (вон за тем столиком) исполнил популярную до заезженности песню.

Дама аплодировала стоя.

После закрытия кафе они вышли на свежий воздух, и Никита предложил незнакомке зайти к нему в гости.

— У меня есть хорошая подборка фильмов, — он подмигнул и обнял девушку за талию, — серия «Дискавери Наука» об американских космических кораблях!

Девушка оказалась не против побывать в космосе.

Утро светило в окно, как следователь лампой. Заставило вспомнить Тихомирова то, что он делал вечером. Подследственный лежал в постели и невнятно мычал — отпирался или действительно ничего не помнил.

Ноздри защекотал приятный съестной запах. На кухне кто-то гремел посудой.

Никита осторожно выбрался из комнаты и заглянул за угол. Спрятался обратно, переводя дыхание. Возле холодильника хлопотала Тоня Сторонько — в его, Тихомирова, рубашке. Кроме рубашки на ней ничего не было.

— Ты уже встал? — спросила Тоня, которая, как любая женщина, чувствует пробуждение любимого мужчины на расстоянии. — Умывайся и садись завтракать.

Тихомиров пополз по стене обратно в комнату. Под одеялом лежал кто-то еще — продолговатый и дышащий бугор.

— Доброе утро, — через зевоту поздоровался Нечеловек, — веселая выдалась ночь?

Никита сел на пол. Несмотря на расцвет весны за окном и окончательную победу тепла над сыростью, линолеум оказался холодным. С похмелья случается так, что человек понимает — накануне перешел границу дозволенного. Тихомиров чувствовал себя дерзким контрабандистом — он не только внахалку пересек эту границу, но еще и пронес на ту сторону много запретного. Его обязательно поймают и накажут.

— Это что же... — сипел хозяин, — с кем же я вчера?

Нечеловек откинул одеяло и с хрустом потянулся.

— Ты — с ней, — Аникита махнул в сторону кухни, — а я — с ней, — он обрисовал в воздухе женскую фигурку и показал ладонями размер груди.

Отравленный организм отказался воспринимать информацию. Тихомиров помотал головой, повторил про себя, шевеля губами «ты — с ней, я — с ней», и улегся на пол. Висок коснулся холоденького — сразу полегчало.

— Ну чего ты не понял? — Донеслось сверху. — Думал, ты один хочешь быть таким, каким быть боишься? Она — тоже человек. И у нее есть комплексы.

— М-м-м...

— А насчет незнакомки — извини: человеку — человеческое, супергерою — супергеройское. Никакого смешения видов!

Нечеловек поднял хозяина и отнес в ванную. Там Никита худо-бедно справился сам и вышел к столу почти мыслящим индивидом.

— Садись быстрее, — пролепетала Тоня, нарезаая хлеб, — у тебя же сегодня защита.

«Худшее воспоминание этого утра», — пронеслось у Тихомирова в голове.

Тоня подошла сзади, обняла его и поцеловала в шею. Мир заиграл красками, а в мыслях появилось много других образов, кроме бутылки пива.

— Всю ночь шумели, бесстыжие, — проворчала соседка Зинаида Степановна, провожая Тихомирова взглядом из окна.

Первым защищался Фесюк. Тихомиров не пошел в зал — готовился к выходу в подсобке за кулисами. Поедаемый тошнотой, головной болью и жаждой, в десятый раз повторял доклад и с каждым проходом все больше переживал. Через несколько минут он будет защищать дело всей прошлой жизни и, вполне возможно, жизни будущей. Впрочем, за последние сутки с ним случилось то, что поставило под удар стройность прежнего мировоззрения, и тем сильнее запутало Тихомирова в непроглядной паутине бытия.

— Для защиты кандидатской диссертации вызывается Никита Тихомиров, — сказали в микрофон, и аспирант вышел на сцену пред светлы очи комиссии.

Волнение исчезло с первыми словами. Тихомиров докладывал четко и ясно, с изяществом перемещаясь от стендов с графиками к экрану проектора и обратно к трибуне. Импровизировал и даже сделал ироничное замечание сам себе со стороны воображаемого скептика. Настолько вошел в раж, что забыл о похмелье и раздвоении на человека и Нечеловека. Почувствовал себя звездой эстрады на сольном концерте, но вспомнил вчерашнее караоке и спустился на землю.

Комиссия с умилением кивала в такт Тихомировскому ритму, а председатель начал заполнять аттестационные документы КТН. Податливый, как обычно, молчал — вопросы на защитах не его конек, он и тему вряд ли запомнил. Считал, наверное, что-то в уме, благо с арифметикой у него порядок.

Ответы на вопросы комиссии и оппонентов дались Тихомирову легко. В теме он купался, как профессиональный пловец в бассейне, а узкая специфика работы не подразумевала особых знаний со стороны вопрошавших. И когда председатель произнес: «На этом, пожалуй, закончим», из первого ряда раздался незнакомый голос:

— А поясните, будьте любезны, почему у вас в самом начале, в третьей формуле, коэффициент равен именно десяти?

Тихомиров рассмотрел задающего вопрос — пожилой мужчина с профессорской бородкой, в очках, возник рядом с Податливым из ниоткуда. Честное слово, минуту назад его не было. Никита посмотрел в зал — там сидела восхищенная Тоня — и прошелся глазами по комиссии. Никто не собирался отменять вопрос, наоборот — ждали ответа.

Формула простая — закон Вебера—Фехнера для силы ощущения от раздражителя:

$$L=10\lg(I/I_0).$$

Выражение используется у Тихомирова на этапе обоснования выбора темы «Снижение шума в аппаратах пневмопривода» и воспринимается как аксиома, каждый компонент которой знаком еще с НИРСа. Спустя пять лет объяснять, что в формуле зачем — даже неприлично. Равно, как и то, что единица измерения шума — децибел.

Никита знал, почему там стоит множитель 10. Но не мог вспомнить.

Это все равно, что спросить, почему Земля — круглая. Всем ясно почему, но попробуй объяснить в двух словах.

— Коэффициент равен десяти, потому что логарифм десятичный, — ответил Тихомиров, обливаясь потом.

Его накрыла волна паники и страха. Похоже на девятый вал — видишь его, понимаешь силу, и осознаешь, что бежать бессмысленно. Такое чувство Никита испытывал в школе — в себе уверен, но знания учителя кажутся подавляющими: все равно раздавит, как бы хорошо ни отвечал.

— Неточно, — прокряхтел незнакомец и помахал крючковатым пальцем. Теперь на Тихомирова упали все похмельные гири разом. Перед глазами расплылось, пролетели в голове слова из доклада, появилось встревоженное лицо Тони.

— Нечеловек... — прошептал Никита. Супермен появился по левую руку. — Помоги!

Аникита посмотрел на развешенные плакаты и пожал плечами:

— А чем я тебе помогу? Интеллект — твоя сила, я могу разве что бороду дедушке отриховать. И то — если он мне по пути не задаст вопрос, от которого я потеряюсь в глубинах сознания. Он ведь супергерой, от Василия Евсеевича. Какой-нибудь человек-профессор — страшно умный. Страшно.

Тихомиров увидел, как Податливый жмет дедушке руку: спасибо, мол, за работу.

— Что поделать, — прокашлявшись, сказал председатель комиссии, — такой великолепный доклад вы, Тихомиров, подготовили, и на таком простом вопросе запнулись... Придется отложить вашу защиту — азы нужно освежить в памяти.

Никита пропустил разящий прямой удар, но держался на ногах. Бормочущего, его отвели за кулисы, дали стакан воды и усадили на стул в подсобке. Голова шла кругом.

Дверь раскрылась, в проеме появился человек-профессор. Подошел к обессиленному Никите, склонился, ткнул пальцем в щеку и сказал пронизывающим до мурашек голосом:

— Величина в децибелах — это 10 десятичных логарифмов отношения энергетических величин. Это надо знать...

Профессор наклонился к самому лицу. На Тихомирова снизошел противный запах из стариковского рта. На лацкане штопанного пиджака блестел значок. Сначала Никита принял его за герб какого-то вуза, но сейчас рассмотрел стилизованную книгу с буквой «Н».

Старикан находился для Тихомирова в фокусе, остальной мир вертелся киношным спецэффектом — размытым и плывущим фоном.

— И что с того?! — закричал Никита, подаваясь вперед. Но оторваться от стула не получилось. — Что это меняет? Причем здесь формула?! Ведь совсем не в ней суть!!!

Похоже на кошмарный сон, от которого пробудиться нет сил.

— А суть в то-ом, — просипел дед и продолжил голосом Податливого, — что нечего ставить под сомнение слова преподавателя! А то случится беда-а. По закону по-одлости.

Медленными движениями Профессор достал из кармана мел и что-то нарисовал на лбу Тихомирова. Он противился, вертел головой, однако обессилил против чужого Нечеловека.

— Во-от твои деньги, — Старик сунул за пазуху Никите тысячу. — Купи на них килограмм децибел!

И Профессор разразился жутким хохотом, махая руками и показывая гнилые зубы.

В бреду Никита сорвался и побежал, не разбирая дороги. Очнулся в сквере за институтом. На лужайке играли дети, судачили на лавочках мамыши. К Тихомирову подбежала девочка. Она держала в руках большую куклу — пластмассовые ноги почти касались земли.

— Смотри, Клава, — сказала девочка кукле, — у дяди на лбу нарисована буква. Знаешь, как она называется?

Игрушка промолчала, за нее ответил Аникита:

— Иди, маленькая, к маме. Клава устала, ей нужно отдохнуть.

Девочка поскакала к маминой скамейке. Нечеловек тронул Тихомирова за руку:

— Как ты, старина, живой?

Никита смотрел вслед девочке и пытался понять, кому тяжелее: ребенку, который говорит с безответной игрушкой, или кукле — знающей, но немой.

Они дополняют друг друга, иначе неинтересно жить.

— У детей тоже есть супергерои? — Спросил Тихомиров, наблюдая, как девочка отвинчивает Клавино ногу.

— Что ты! Дети — жестокий народец. И с мотивацией у них плохо. Кошек мучают ради забавы, за косички дергают просто так... для супергероев это не аргумент. Но и обижать детей мы не можем. То ли дело взрослые, — Нечеловек вытер со лба хозяина букву, — все то же, но как осмысленно!

Разрезая телом воздух, словно ложкой кисель, Тихомиров встал и побрел никуда.

— Я буду всегда видеть двойников?

— Пока у тебя есть двойник — всегда.

— И как мне от тебя избавиться?

— Менять мир самому. Начиная с себя.

Вокруг пестрели картинки — одна страннее другой.

На перекрестке стоят два авто, попавшие в аварию. Водители сошлись грудь в грудь. За спинами нечеловеки спорят по-своему: бьют стекла битами и скачут на крышах.

Два милиционера пытаются поднять пьяницу и требуют документы, а супермен избивает забудыгу дубинкой. Или нет, этот, с дубинкой — третий милиционер?

Супермены нарочно сбивают на перекрестках пешеходов, идущих на красный; оставляют родителей на произвол судьбы; грабят обвесивших продавцов; бьют неверных жен; стреляют в наглых иностранцев...

Ибо так устроен их мир, где каждому должно воздаться по заслугам.

Перед Никитой падает молодой мужчина в военной форме. Он только что вылетел из маршрутки на полном ходу и держит в руках пенсионное

удостоверение. На левой груди, рядом с орденами, висит медалька в виде буквы «Н».

— Я тебе покажу, фашистская рожа! — Кричит парень в след автобусу и достает из-за пояса лимонку.

Маршрутка останавливается на светофоре, солдат бросает гранату под колеса. Взрыв.

Никита отворачивается.

— Дай мне куртку, — просит он своего Нечеловека, — дай, я верну.

Застегивает змейку красно-черной мастерки и ощущает невиданную силу в руках. Идет прямо к мужчине в военной форме.

— Прошу прощения, служивый! Так вопросы не решают.

Солдатик достает пистолет и целит в сторону горящего автобуса. Потом поворачивает дуло на Тихомирова.

— Я — человек военный, — говорит солдат, — выполняю приказ. Других способов решать вопросы не знаю.

Он присматривается к Никите, оценивает сочетание мастерки с отутюженными брюками, и тверже перехватывает рукоять.

— Слу-ушай, а это не ты ли размышлял над тем, что нынче в транспорте катаются только ветераны, пересидевшие войну в тылу?

— Он, он, — подгавкивает давешний собачник, тыкнувший в дерьмо. Только теперь он стройный, в бальном костюме. На пряжке ремня сияет большая «Н». — Он и собак бродячих хотел пострелять!

— А еще по ночам шумит! — добавляет девушка в пышном парике, коротком платье и туфлях на платформе. Пряжки на туфлях сделаны любопытно: две длинные вертикальные палочки, между ними — короткая горизонтальная.

Кольцо супергероев вокруг Тихомирова сужается. Бежать бы, но солдатик держит на прицеле. Приходится отступать, двигая за собой живое окружение.

— Насчет шума я согласен, Зинаида Степановна... или как вас там? — оправдывается Никита, прижавшись к холодной стенке киоска. — И насчет собаки, наверное, неправ. Да, у меня возникали мысли о лжеветеранах, но ведь тогда у меня не было супергероя! Я всего лишь думал, но ничего не делал!

— Во-первых, не Зинаида Степановна, а Красотка-Нелли... — модница поправляет искусственную прическу.

— А во-вторых, — вмешивается солдат, — не думал бы, так и Нечеловек у тебя не появился бы. Ты хотел наказывать и получил возможность. А теперь — мы тебя накажем!

Он взводит курок и кладет палец на спуск. Получает удар сзади — от Аникиты.

Нечеловеческий круг рвется, Тихомиров бежит вглубь района — спотыкаясь и падая.

Никита пришел в себя на лавочке возле своего подъезда. На улице смеркалось. Весенние запахи умиротворяли и пьянили. Хотелось лечь на нагретую за день землю и уснуть. Так, чтобы никто не трогал — по обе стороны сознания.

Возле «Москвича» Карпушкина, с той стороны машины, сутился какой-то тип. Он посветил фонариком в салоне и ударил по стеклу — осколки упали без звука.

Никита привстал.

«Наконец-то Карпушкин поймет, что машину нужно ставить на платную стоянку».

Вор вытащил магнитофон, смахнул с курточки стекло, и заметил свидетеля.

— Чего смотришь, сопля? — Рывкнул вор на Никиту. — Слово скажешь — убью!

Развернулся и, оглядываясь, быстро пошел вдоль дома. Тихомиров думал — звать Аникиту или нет? Если позовет — опять придется смотреть на нечеловеческий хлам. Не позовет — вор уйдет безнаказанным.

«Ну так Карпушкин получит по заслугам!»

«Ну так завтра этот ворюга обчистит твою квартиру».

Ноги понесли Тихомирова так, что тело разогналось и на полной скорости сбilo преступника с ног.

— Милиция!!! — закричала Зинаида Степановна. Она наблюдала за двором из окна.

Неужели Тихомиров понравился Красотке-Нелли?

Увы — обдумать это Никите не пришлось — удар по голове оборвал течение мыслей и ход времени.

Через три месяца аспирант Никита Тихомиров снова стоял на заклание маршрутному автобусу. В сумке, помимо ноутбука, болтались нарезанные Тоней бутерброды.

И наушники Никита не забыл.

Из милиции в институт прислали благодарность за помощь в поимке рецидивиста, и председатель комиссии разрешил Тихомирову защищать кандидатскую вместе с «осенним призывом». Тем более что и в первый раз работа оставила хорошее впечатление. Если бы не досадная ошибка имени Вебера—Фехнера...

Никита отлеживался в больнице, когда Тоня принесла новость о том, что Податливый ушел на пенсию. Говорили, крайняя защита диссертаций отняла у старого бойца науки последние творческие силы. Он поселился в шикарном загородном доме, который купил на честно заработанные за многие годы служения техническим музам деньги.

После травмы Человек-Нечеловек к Никите не являлся. Да Тихомиров и не звал.

Сидячего места в автобусе не хватило. Никита ухватился за поручень рядом с девушкой, у которой из-под плаща выпирал круглый животик.

— Молодой человек, — обратился Никита к раскинувшемуся на сиденье бородатому крепышу, — будьте добры, уступите даме место.

Сурло посмотрело с презрением. Хмыкнуло и нехотя встало, удивляясь, что повинуетя никчемному сопляку, у которого из мужских достоинств — лишь нос.

Беременная улыбнулась Никите и тоненько сказала: «Спасибо».

С чувством восстановленной справедливости Никита уставился в окно. Думал, как хорошо творить добро своими руками.

И еще размышлял, почему Тоня прячет красивые ноги под длинной юбкой или джинсами. И почему она перестала быть для него тощей и стала стройной?

«Честное слово, женюсь, — пообещал себе Никита, — по закону «Об актах гражданского состояния»».

МАРК ЛИМАРЕНКО

«FIREWALL»

«...All in all you are just
another freak in front of the wall...»

Almost «Pink Floyd».

Джинсы нужно обязательно скомкать и бросить на пол. Вот так, бесформенным мешком от Armani, прямо в угол. Футболка.... Куда бы ее? На люстру? Почему бы и нет! Где только не оказываются вещи, когда их срываешь и разбрасываешь в прелюдии к страстному сексу? Носки.... Ну эту деталь туалета лучше не афишировать. Они, конечно, чистые, но все равно как-то неэстетично.... Под кровать... Трусы.... Нет, трусы пока оставим и быстро снимем, когда все окончится.... Ну вот, дорогая, я готов...

Макс уселся на пол, прислонился спиной к стене и закурил. По опыту он знал, что ждать придется никак не менее пятнадцати минут, как раз хватит, чтобы пролистать свежий номер «Тестостерона». За стеной пронзительно, во все ускоряющемся темпе, закрипела кровать (продавец, сволочь, содрал лишнюю тысячу за «беспумный ортопедический пружинный матрас от ведущего производителя»). Послышалось прерывистое сопение (опять сбился — делать вдох надо резко и глубоко, а вот выдыхать расслабленно) и приглушенные женские стоны.

Макс страдальчески поморщился. Судя по тональности, Машка снова губу закусил. Хотя бы не до крови, а то потом полчаса у зеркала с помадой провозится. Все-таки в том, что касается макияжа, каждая женщина художник. Причем каждая вторая — абстракционист. Ладно, это будет потом. А сейчас чего там у нас пишут в «авторитетном журнале для мужчин ведущих активный образ жизни»? «Доктор, у меня «это», или как закадрить медсестру», «Разгибай и властвуй. Советы бывалого мачо», «Один раз — не водолаз. Техника эротического дайвинга».... Креативно.... Но не то.... Вот если бы что-нибудь вроде: «Суперкайло. Эффективный способ уничтожения мистических преград» или «Двенадцать ударов лбом. Пособие для начинающих стеноломов». И чтоб прочесть, попробовать и разнести эту чертову стену к одноименной матери! А может действительно? Встать, разогнаться да лбом в нее родимую, так чтоб искры из глаз и золотые майорские звездочки вокруг головы? Так ведь пробовал уже. И не раз. Стоит, зараза, издевается...

Макс вперил в стену ненавидящий взгляд и смачно плюнул в сторону добротного сооружения из красного облицовочного кирпича (на этот раз стена, по какой-то своей прихоти, выглядела именно так). Плевков угодил прямо в наклеенное на стене печатное объявление: «Лечение идиотизма за один сеанс методом доктора Достоевского». Ниже маленькими корявыми буквами было приписано от руки: «Просьба на это объявление не плевать».

Издавается... Она всегда издается.... Кирпичная, деревянная, железобетонная... Разная по виду, но одинаковая по сути. Стена. Неодолимая преграда между ним и единственной девушкой, которую он по-настоящему любит... Кажется... Да нет, он уверен... Стал бы он терпеть все это ради обычной проходной «метелки»? Чем-то зацепила его Машка. Чем-то не поддающимся анализу, но, тем не менее, незримо поселившемся в его безмятежной до этого душе. «Бабочки в моем животе»... Ну что-то в этом роде... Наглотался наш воробышек бабочек под завязку, да на последнюю и залип... И ведь никогда не любил блондинок, да и студенток сторонился. А тут раз и защелкнулся на шее строгий ошейник романтических отношений. Ожидание «под фонарем», традиционная красная роза на длиннющей колючей проволоке стебля, ароматный кофе в маленьких уютных кофейнях, трогательные до слез прогулки «за ручку» под Луной, сладкое томление в ожидании поцелуя и робкое предложение жить вместе. А дальше....

Дальше всегда появляется стена. А потом она внезапно растворяется в воздухе и Машка утомленная долгим и продуктивным сексом (уж этого у него не отнять!) томно протягивает к нему руки и с обезоруживающей нежностью мурлычет: «Максик-котик, ты просто прелесть». И вот тут, как бы Машка не обижалась, главное снова ее не поцеловать. Потому что тогда придется курить еще пятнадцать минут. А это вредно для здоровья...

— Максик-котик, ты просто прелесть...

Черт! Прочь остатки одежды, взъерошим волосы, задышим загнанным мустангом...

— Спасибо, родная, ты тоже...

— Ты куда вскочил? Иди я тебя поцелую... Или устал?

— Ты же знаешь, с тобой я не устаю...

Ну не может он отказать Машке. Почти никогда не может... Да и кроме того, чем черт не шутит? А вдруг на этот раз...

Вот они, ее губы... Пухлые. Красные без всякой помады. Влажные от многократных поцелуев... Нижняя действительно прокушена до крови... Они все ближе, ближе... Еще немного и...

Макс с размаху уперся лбом в холодную стену. Отступил назад, потянулся за сигаретой. Шершавая, разделенная на две половины полосами зеленой облупившейся краски и грязно-серой побелки, на фоне его евро-ремонта стена выглядела как американская виза в паспорте Бен Ладена, и живо напомнила Максу его эпические походы в женское общежитие

Мединститута. И действительно, прямо на уровне глаз стену украшала размашистая надпись, выполненная аэрозольным баллончиком:

«Не ходите в гости к Оле — тренируйте силу воли».

Правильно, именно с Оли все и началось...

***

Оленька Кормильцева и, как всегда добавлял про себя Макс, Поильцева. Миловидная и хлебосольная деваха из маленького зауральского городка, когда-то коптившего бесчисленными трубами оборонных заводов равнодушное, как лицо китайца, небо Азии, а теперь буйно пьянствующего приторговывая этих же заводов узлами и механизмами. Где ты сейчас? Бредёшь участковым врачом по заснеженным улочкам своего Горноуральска или Нижнезаводска? Наполняешь в столичной пластической клинике ботексом-латексом увядающие прелести рублевских и псевдо-рублевских жен? Ты знаешь, не так уж это и важно... Важно то, что без тебя Макс никогда не придумал бы свой персональный «файервол».

Для тогдашнего Макса — нищего, полутолодного, тощего как жердь и вечно неуверенного в себе студента-первокурсника твое благосклонное отношение значило почти все. В среде таких же застенчивых и сексуально озабоченных павианов-сокурсников это отношение поднимало его статус до немыслимо высокого уровня умудренного постельным опытом альфасамца. Как приятно было, отсидев положенные пары, завалиться в твою теплую, как-то по-деревенски уютную комнатку, получить прямо на горячей сковороде роскошную яичницу с зеленым лучком и театрально терзаясь своим «альфонсизмом» попросить денег на бутылку светлого чешского пивка. А потом валяться на панцирной кровати с подложенными под пуховую перину досками, курить, стряхивая пепел в жестянку из-под дешевого кофе, купленные тобой сигареты и слушать, слушать, слушать твои бесконечные разговоры ни о чем.

Впрочем, слушать было приятно только днем. По ночам ты превращалась в монотонно бубнящего секс-инструктора, постоянно поправляя, направляя и поучая, заставляя следить за осанкой, и дыханием (да-да, делать вдох надо резко и глубоко, а вот выдыхать расслабленно!), а в самый неподходящий момент могла неожиданно расхохотаться и пересказать услышанный накануне «чумовой» анекдот... Но наистрашнейшим кошмаром этих ночных утех был Вопрос. Риторический Вопрос, на который ты, тем не менее, всегда хотела получить ответ: «Ты меня любишь? Ну скажи, скажи...». Да, черт подери, люблю! Если ты имеешь в виду процесс, а не чувство. Вот прямо сейчас люблю тебя, отчаянно стараясь сохранять осанку и правильный ритм дыхания. А ты отвлекаешь меня постоянной болтовней и дурацкими вопросами! Я так не могу больше, слышишь! Вот «долюблю» последний раз и уйду... Хотя куда? Обратно в голодную стаю неудачников? Нет уж... потерплю... Тем более, что если немного

отвлечься от происходящего, представить что между тобой и мной существует стена, надежная преграда с отличной звукоизоляцией... Извини, что ты сказала? А ну конечно, конечно люблю...

Без малого год он потратил на то, чтобы довести технику «ментального файрвола» до абсолюта, но результаты превзошли даже самые смелые ожидания. Теперь, стоило ему только пожелать, надежная стена отгораживала его от Олькиной болтовни, пропуская сквозь себя только то, что он хотел слышать, и намертво отсекая неудобное. Более того, выяснилось, что пребывая «за стеной», он, тем не менее, умудрялся поддерживать беседу и даже каким-то образом правильно отвечать на все задаваемые вопросы. Еще одним неожиданным, но крайне полезным побочным эффектом оказалось то, что теперь Макс умел пролонгировать (любимое Олькино словечко, которое она смачно произносила с ударением на последний слог) их утех сколько угодно долго, до тех пор, пока не снимет защиту. Вновь приобретенная покладистость вкупе с абсолютной неутомимостью автоматически перевели его из категории «забавный мальчик» в разряд «мужчина мечты», а счастливая Ольга всего за месяц умудрилась раззвонить об этом по всему институту. Вскоре женское общежитие № 16 представляло собой его личный гарем, посещаемый по тщательно составленному (а кто из мужчин не маньяк, ну хотя бы на йоту?) и педантично корректируемому расписанию. А еще спустя время, новоиспеченный султан, оценив свои почти безграничные возможности, направил хищные взоры на коренное женское население столицы и, как недовольно бурчала его бабушка, «окончательно вышел в тираж». Кстати о тираже... тираж нужно как-то поднимать... Иначе «Тестостерон» их окончательно подомнет...

— Макс... Ма-ак! Ну ты чего, уснул?, — Машка довольной кошкой выгнула спинку на простынях.

— Нет, просто задумался... Мне статью редакторскую писать надо... А то тираж падает, а давление у шефа растет...

— Ну ничего, напишешь ... Ты же у меня у-мный... И к тому же самый главный редактор... Все, мне на пары пора... А то я два дня уже не появлялась...

Машка решительно вскочила, на манер римского патриция завернулась в простыню и, воздев руку, картаво провозгласила:

— «Учиться, учиться и еще раз учиться»!

Вот и идея для статьи — «Парторгии. Сексуальные похождения вождя мирового пролетариата». Керенский в женском платье бежит на свидание к первому большевистскому диктатору... Вполне может выстрелить, кстати... А если добавить мистической лабуды вроде того, что сторож Мавзолея стал свидетелем спонтанной утренней... Нет, перебор... К тому же, кажется, что-то похожее уже было у одного классика-современника, мастера интеллектуального романа... Лучше запустим старую заготовку: «Соблазнение сигарой. Длиннее, толще, вкуснее»... Что-нибудь по старику Фрейду...

Плюс исследования, ну допустим американских, ученых по поводу количества успешных мужиков среди любителей кубинских сигар... И заодно подкатиться к производителю — пусть раскошеляется за рекламу...

— Максик, я пошла... Проводишь?

— Момент!

Одетая и накрашенная Машка уже стоит в дверях.

— Я ненадолго... Только научусь чему-нибудь и сразу обратно!

— Ок. Я дома...

Целомудренный поцелуй неожиданно затянулся, грозя утратить невинность, и на горизонте немедленно замаячил призрак стены.

— Макс, я тут подумала... Может в универе и сегодня без меня обойдутся?

Стена стремительно переходила барьер между вымыслом и реальностью, собираясь превратиться в глухой библиотечный стеллаж с плотно пригнанными друг к другу кирпичиками-томами. Если немного напрячь зрение, на ближайшем из них уже можно было прочесть название — «С. И. Нехорошко. Андрогены и их влияние на образование кожного сала».

— Так, иди учись! Мне все-таки иногда и работать нужно!

Дверь с грохотом захлопнулась перед слегка обиженной Машкиной мордашкой. Дверь... Дверь — это ничего страшного... Хочу открыл, хочу — закрыл... А вот со стеной и Машкой такие фокусы не проходят... Ни-ког-да...

***

Словосочетание «кожное сало» назойливой пчелой повертелось в мозгу и вылетело наружу, оставив в мыслях образ высокого, но как-то по-женски сложенного супер-мега-гига идола отечественной попсы с глянцево блестящей откормленной ряской, и свиным пяточком вместо носа. Да, растратила «поп-див» на кожное сало весь андроген, на вторичные половые признаки уже не хватило...

А еще вспомнился слоган, с которого молодой редактор Макс начал стремительное восхождение по карьерной лестнице мужского журнала «Андроген» — злейшего конкурента уже упомянутого «Тестостерона»: «Андроген — эрекция твоего успеха!».

Слоган, по правде говоря, идиотский и Макс до сих пор стыдно и за себя, не постеснявшегося принести эту дрянь шефу, и за шефа с восторгом эту дрянь утвердившего и, особенно, за толпу болванов с удвоенной силой принявших покупать журнал с этой абсурдной сентенцией на обложке. Но ничего не попишешь — «пипл хавает». Пресловутый «пипл» последнее время вообще «хавает» все подряд, лишь бы на упаковке была красивая и бросающаяся надпись... А посему открывай ноутбук и пиши что угодно, чуть ли не бессистемно колотя по клавишам... Не важно что именно ты пишешь, не важно пишешь ли это ты или кто-то другой... Главное чтобы в тексте в определенном пипнотическом порядке мелькали знакомые

слова... «Престиж»... «Статус»... «Haute Couture»... «Претенциозный»... «Культовый»...

Внезапно им грубо овладела щемящая пустота абсолютного одиночества... Мир, словно твердую желтую горошину из перезревшего стручка, вычленил из себя личность Макса и противопоставил себя ей. Несчастное и ничего не понимающее эго забарахталось в чернильном вакууме, беспомощно раскинуло вокруг себя хилые щупальца мыслей, но тщетно — опереться было решительно не на что. Мир стоял за надежной стеной отчуждения и равнодушно рассматривал элементарную макс-частицу лихорадочно пытающуюся осознать себя и свое место в механике этого мира и с каждой секундой все отчетливее понимающую свою в нем ненужность и чужеродность. Пальцы Макса дернулись и неуверенно застучали по клавиатуре, черными крючками шрифта пытаясь зацепиться за ослепительную белизну непознаваемого:

Бесцельно прожитые дни
Сложились в год,
что прочь уйдя
Оставил мне мешок забот
и мертвый груз календаря...

Приступ рефлексии окончился так же неожиданно, как спиртное на свадьбе. Макс недоуменно посмотрел на дисплей и одну за другой пожрал новорожденные строчки «бекспейсом». Перед ним снова лежал чистый лист, настоятельно ожидавший новой редакторской статьи. Крепкая коричневая сигарилла, глоток маслянистого янтарного коньяка и первые бетонные блоки бесконечных «стилей», «статусов» и «сексуальностей» стали ловко складываться в лабиринт манерных рассуждений ни о чем. А мысли... Мысли ничем не связанные с рутинной механической работой мозжечка и пальцев мутным дождевым потоком потекли дальше...

С Машкой он познакомился в рамках выданного самому себе редакционного задания, которое должно было закончиться очередным пособием для метросексуальноозабоченных читателей «Андрогена» — «Девушка, я первый раз в трамвае, или Как знакомиться в общественном транспорте».

Битком набитая муниципальная колымага выбивала лихую чечетку от Пушкинской до ЦПКО им. «Мать его» Горького. Макс, зажатый с двух сторон колхозного вида теткой и мускулистым пролетарием в волосатой кепке, отчаянно тряся, цепляясь за поручень и размышляя о том, что его «Фаренгейт» не лучшим образом сочетается с запахом нафталина от ондатрового воротника на пальто тетки, и уж совсем не коррелирует с визуально наблюдаемыми облаками перегара, с каждым натужным выдохом исторгаемыми хмурым работягой.

Со стороны получившаяся скульптурная композиция до боли напоминала знаменитую работу скульптора Веры Мухиной «Рабочий и колхозница». С той только разницей что между железобетонными бедрами

вышеперечисленных персонажей отчаянно барахтался стильно одетый черноглазый щеголь, пытающийся разрушить вечный союз серпа и молота холеной ручонкой в дорогих часах «Patek Philippe».

Симпатичную блондинку в красной дугой курточке Макс заметил еще на входе и теперь прилагал все возможные усилия, чтобы пробиться к ней поближе. Неожиданное торможение раскачало монолит тел и Макс, ужом выскользнув из тисков соцреализма, приблизился к Машке на расстояние броска.

— Девушка, я смертельно устал от общественного транспорта, поэтому собираюсь выйти на следующей остановке и угнать первый попавшийся «Фольксваген Touareg» белого цвета... К сожалению, для этого преступного деяния мне позарез необходим подельник...

Машка окинула его взглядом, дружелюбно улыбнулась и с удовольствием приняла правила игры:

— И вы решили толкнуть невинную девушку на скользкий путь преступлений?

— Да это мой план... Но вы ничем не рискуете! Во-первых, даже если нас поймают любой судья мужского пола, безусловно, вынесет вам оправдательный приговор просто за красивые глаза, а во-вторых — эту машину я собираюсь угнать сам у себя...

— Что ж это за кража?

— О! Между прочим, это самая тяжелая кража в мире... Ведь я отношусь к себе с любовью и уважением, а воровать у горячо любимого и уважаемого тобой человека ужасно трудно... Но ради вас, я готов пойти на эту жертву!

— И какую роль вы отводите мне в своих преступных планах?

— Минут пять постоите на «стреме», а потом составите мне компанию в одном уютном ресторанчике, где я обычно обмываю удачно завершенные дела... Ну как? Согласны?

— Только если по пути мы заскочим в Национальный университет. Я недавно выпотрошила тамошнюю библиотеку, и теперь меня как всякого преступника тянет на место преступления.

— Именно поэтому я обычно предпочитаю творить беззакония на теплых пляжах субтропических морей... Ладно, пора пробиваться к выходу... Мы, кажется, уже подъезжаем...

Охмуреж удался на славу. Тщательно вымытый, отполированный и заранее припаркованный на остановке «Touareg» вызвал у Машки восхищенный вздох, поток отточенных и не одну неделю сочинявшихся остроумий заставил ее от души хохотать, ужин при свечах с тщательно подобранными блюдами и напитками настроил на романтическое продолжение, а безумная и утомительная, благодаря включенному «файрволу», ночь убедила, что продолжение это не было ошибкой.

Дальше последовала еще одна стандартная процедура — утренний кофе в постель, выданное с кислой физиономией сообщение о немедленном

отлете к черту на рога, заведомо лживое обещание как-нибудь позвонить, прощание в дверях и полтора часа рутинной работы над статьей.

Однако в этот раз господин главный редактор влип. Статья откровенно не заладилась, самолет в Черторожье отменили по причине отсутствия там хотя бы какого-нибудь аэропорта, единожды услышанный Машкин телефон услужливо всплыл в до этого уверенно шагавшей к склерозу памяти и через пять с лишним часов он уже стоял у главного входа универа, сжимая в руках длинную красную розу...

***

Их роман развивался пошло и стремительно. Вторая неделя ознаменовалась настоятельной просьбой Машки посетить двухкомнатную хрущевку ее родителей в отдаленном спальном районе, где вечных непересыхающих луж было на порядок больше чем спящих в них алкоголиков. Некоторые лужи согласно меткому экспромту (вот уж редкость-то для записного мачо) Макса были настолько основательны, что их пора было наносить на карту мира.

Смотрины прошли бурно. Машкин отец, отставной майор-летчик, немедленно заподозрил Макса в еврействе, перешел к позиционной обороне и капитулировал только после того как псевдо-сионист выставил на шаткий кухонный столик бутылку коллекционного армянского коньяка. Большая часть благородного напитка немедленно переключивалась в два двухсотграммовых «гранчака», которые были опустошены до дна единственным (и в случае Макса геронческим) глотком, а за распитием остатков Макс получил разрешение перевезти Машку к себе и родительское благословение в виде извлеченной с антресолей полуторалитровой баклаги бог знает на чем настоянного этилового спирта.

Несколькими часами позже, бережно укладывая нетерпеливо постанывающую Машку на пахнущие дорогим стиральным порошком шелковые простыни, Макс решил что «файервол» сегодня неуместен. Он хотел касаться ее, ощущать ее запах, слышать жаркое дыхание... К черту пролонгацию! В конце концов, армянский коньяк и майорское ракетное топливо справятся с этой задачей ничуть не хуже... А если она вдруг задаст Вопрос... Что ж, тогда можно будет на минутку спрятаться за непроницаемой стеной и переждать...

Он жадно поцеловал Машку в земляничные губы и небрежно пожелал, чтобы стена не появлялась... Затем пожелал, чтобы стена исчезла... После чего настойчиво пожелал, чтобы подпирающий потолок штабель водочных ящиков провалился в тартарары и открыл ему доступ к вожделенному Машкиному телу.... Затем вытащил из ближайшего ящика полную бутылку с яркой этикеткой «Vodka Stenoff» и, все еще продолжая желать, побрел на кухню за стаканом.

Водка оказалась неплохой, и что самое главное — реальной. Такой же реальной, как и стена. На осознание этих фактов у Макса ушло

полбутылки. Остальную «Стеновку» он допил в ходе безуспешных попыток разобрать или разрушить неожиданное препятствие. Как оказалось, трюк с вытащенной из ящика бутылкой удался ему лишь один раз — все остальные мероприятия направленные на то, чтобы хоть каким-то образом нарушить целостность штабеля потерпели полное и сокрушительное поражение.

Предельный сюрреализм ситуации дополнялся доносящимися из-за стены звуками. Там, без всякого сомнения, полным ходом шли любовнее утех. Громкие Машкины стоны и страстный мужской шепот, в котором он с ужасом узнавал собственный голос не оставляли в этом ни малейших сомнений. Однако все попытки докричаться до Машки и себя (?) тоже прошли впустую — в отношении звуковых волн стена оказалась классическим ниппелем. Собрав все имевшиеся в доме инструменты, Макс бился о стену, словно настырная муха, в крохотном сознании которой никак не укладывается факт существования прозрачных, но в то же время непреодолимых препятствий, и продолжал это занятие до тех пор, пока звуки за стеной не стихли, уступив место тихому женскому посапыванию и раскатистому мужскому храпу. Инстинкт самосохранения в предчувствии неминуемой белой горячки принял меры, и Макс, как настоящий бессарабский гастарбайтер, уснул прямо под стеной, укрывшись ковром и подложив под щеку оказавшийся абсолютно неэффективным молоток. Через пару минут Машка, изрядно нахохотавшись над этой неординарной инсталляцией и списав все на неумение пить с военными, с грехом пополам перетащила безжизненное тело в кровать.

Похмелье выдалось сказочным. Физические и моральные муки, которые испытывал Макс, не шли ни в какое сравнение с любыми, даже самыми талантливыми, художественными описаниями подобных состояний и по интенсивности приближались к их общей совокупности. Невыносимые страдания скрашивала лишь мысль о том, что вчерашний бред со взбесившимся файерволом не более чем последствия острой алкогольной интоксикации. Скрашивала, правда, не долго:

— Что, маленький мой, голова болит?

— Не могу с уверенностью сказать, что этот помятый медный котел с брагой является моей головой, но да... Эта штуковина действительно побаливает... В общем, доктор, в сложившихся обстоятельствах я бы не отказался от смертельной инъекции...

— Ни в коем случае! Современная медицина решительно против эвтаназии и предпочитает, чтобы безнадежные больные умирали не тогда, когда им это вздумается, а после долгих и дорогостоящих врачебных мероприятий!

— Ах, так? И что же вы собираетесь мне прописать?

— Пожалуй, начнем с искусственного дыхания... Рот в рот...

Стена возникла как раз в тот момент, когда доктор Машка решила совместить искусственное дыхание с лечебным массажем. Дрожащий от возбуждения Макс лежал на роскошной двуспальной кровати и обреченно разглядывал разделенную ее пополам стену, покрытую задрипанным отечественным кафелем и увешанную типографскими плакатами медицинского содержания. На одном из них была изображена симпатичная и очень похожая на Машку медсестричка в коротеньком белом халате. В левой руке улыбающаяся эскулаппа держала огромную резиновую грушу, а правой указывала на выполненную пронзительным агитационным шрифтом подпись: «Своевременно используя очистительные клизмы, ты заботишься о чистоте нижнего отдела толстого кишечника».

За стеной громко закришела кровать.

— Надо будет сменить матрас, а то с такими делами я вообще с катушек съеду...

Макс отвернулся от стены, накрыл голову подушкой и забылся тревожным похмельным сном.

***

Последующие месяцы Макс провел в активном «стеноборчестве». Окончательно убедившись в полнейшей неуязвимости «файрвола» для лобовых кавалерийских наскоков, он перешел к планомерной осаде и испробовал на нем весь арсенал своей хитрости. Венцом дьявольских ухищрений стало приглашение Машки на природу, с последующим увлечением ее в стоящий посреди огромного колхозного поля свежескошенный стог сена. Наградой за труды стала пятнадцатиминутная прогулка вдоль трехметрового забора из не струганных занозистых досок, кольцом опоясавшего злополучную гору фуража, и прочтение дурацкого стихика неизвестно кем вырезанного в древесине перочинным ножом:

Купила мама коника
А коник без ноги
Как трудно нынче фермерам
Ги-ги-ги-ги-ги-ги!

Через неделю настырный Макс повторил свою попытку, вооружившись на этот раз альпинистским крюком и мотком прочной веревки. Увы, хотя крюк цеплялся за верхний край забора без всяких проблем, он немедленно срывался с него, стоило горе-альпинисту только подумать о начале восхождения. Утешало только то, что Машка по всем косвенным признакам провела время весело и осталась непомерно довольной подобным сексуальным приключением.

Озверевший от невозможности добраться до ее соблазнительного тела Макс перенес фронт борьбы в астральную плоскость, по четверть часа простаивал, впериw взгляд в разнообразные инкарнации «файрвола», и горько сожалел о том, что его взгляды лишены не только возможности

убивать неудобных гомо сапиенсов, но и разрушать некстати появляющиеся препятствия. Стена же существенно поднаторела в изощренном садизме, научившись распознавать намерения Макса раньше него самого и позволяя целовать гладить и обнимать Машку только до того момента когда его мысли не начинали двигаться в направлении постели.

Все это было еще более обидно, если учитывать тот факт, что с другими женщинами стена никаких аномалий не выказывала. Появлялась когда нужно, исчезала по малейшему желанию и выглядела такой, какой и была придумана — добротной стеной студии звукозаписи с толстенными панелями из белого пористого известняка, украшенная огромным постером «Pink Floyd» и подписью «Deaf, dumb, and blind!».

Отчаявшийся Макс ударился было в загулы, но через неделю прекратил. Как наркоман, прочно присевший на качественные тяжелые наркотики, он жаждал обладать только одной женщиной и не получал ни малейшего удовлетворения от разнообразных низкопробных суррогатов. В результате вся сексуальная жизнь Макса свелась к тщательной симуляции постпостельной усталости и мучительным фантазиям на тему, что же именно вытворяет с Машкой его «застенное» alter ego когда...

Щелчок замка, как умелый рыбак унылого усатого карпа, выдернул его из воспоминаний о печальном прошлом в не менее трагичное настоящее. Машка с занятий вернулась, пойдем, встретим...

— Привет труженикам пубертатного пера! Как статья?

— Что?... А... Кажется готова... Есть будущее?

— Буду, но потом... А сейчас... Макси, я так соскучилась!

Подхватив свою драгоценность на руки и не спеша как солидный, хотя и несколько косолапый дракон уволочем в сокровищницу. Вот так с размаху на кровать, теперь убийственный взгляд голодного самца и прыгаем следом... Интересно, какой будет стена на этот раз? Ну правильно, читает мои мысли и выстраивает ассоциативные цепочки... Зараза...

Макс привалился спиной к огромному гранитному валу вместе с парой десятков своих собратьев составляющему толстенную крепостную стену средневекового замка и отличающемуся от них только надписью «Сэр Ланселот — гоблин» выполненной готическим шрифтом при помощи копоты от факела. Давай трудись Макс-2, счастливый обладатель незаслуженной возможности наслаждаться любовью моей девушки. Целуй ее, шепчи на ушко прекрасную чушь... А мне... Никогда не думал что скажу это, но мне достаточно уже того, что она счастлива с тобой... Или со мной... Нет все-таки с тобой и ты это заслужил! Благородный рыцарь Ланселот, который принимал на себя все то, от чего я так старательно прятался... И если она вздумает задать тебе Вопрос, уверен у тебя хватит смелости ответить на него за нас двоих!

Скрип и стоны неожиданно стихли, и в оглушительной тишине серебряными колокольчиками прозвучал осторожный голос Машки:

— Макс, ты меня любишь?

Два идентичных по тембру голоса, одновременно прозвучав по разные стороны стены, честно и без дешевой патетики ответили:

— Больше жизни, котенок...

Объемная радужная реальность выцвела и сплюснулась, превращаясь в блеклый двухмерный задник провинциального театра, до боли раздражающий глаза своей выпяченной ненатуральностью. Серая каменная кладка стены сменилась беспорядочным нагромождением пыльного папье-маше склеенного бесталанным бутафором из вороха использованных салфеток, а затем вспыхнула холодным белым пламенем и вместе с этой метаморфозой понятия «здесь» и «там» внезапно перестали существовать. Сжавшиеся до размеров протона половинки личности Макса снова повисли в пустоте безвременья, но на этот раз одна из них знала дорогу, а потому, отчаянно преодолевая чудовищное притяжение черного Ничто устремилась прямоком сквозь огненную преграду:

— Макс, ты весь дрожишь... Не заболел?

— Когда-нибудь я все-все тебе расскажу, малыш, а теперь задай мне свой вопрос снова...

— Ты решил изменить ответ?

— Ни за что! Просто мне захотелось ответить на него еще раз...

— Макс, ты меня любишь?

— Больше жизни, котенок... Больше жизни...

***

На вершине высокой ослепительно белой башни дул пронзительный северный ветер. Обнимая себя руками в тщетных попытках защититься от холода, Машка смотрела вниз. На теплой залитой солнцем лужайке микроскопический рыцарь в сияющих латах обнимал счастливую принцессу Марию. По опыту она знала, что теперь придется торчать здесь не менее пятнадцати минут. Ну не может она отказать Максу. Почти никогда не может... Да и кроме того, чем черт не шутит? А вдруг на этот раз...

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

АКВАРЕТТО СО ЛЬДОМ

С самого первого дня проходная чем-то напоминала Роману зону досмотра в крупном международном аэропорту после свершившегося теракта. Ровный строй железных арок детекторов, длинный ряд рентгеновских установок, утреннее число вооруженной охраны, хищные прицелы многочисленных камер и презумпция виновности каждого из присутствующих.

— Следующий, — равнодушно повторял Роман, стоя за аркой детектора, и подкреплял свои команды легким движением опущенного к полу автомата.

Проверка выходящих из «опреснителя» рабочих давно уже стала формальностью; жесткая система наблюдения, многочисленные видеокамеры, весовые детекторы, рентгены и охрана с правом применения боевого оружия в случае нарушении режима давно отучили рабочих рисковать, пытаясь вынести воду за пределы комбината. За те два месяца, что Роман провел на пропускном пункте, не случилось ни одного ЧП; изредка ловили за вынос, да и то — тихо, мирно, без скандала и по мелочи, сто-двести миллилитров.

Впрочем, вскоре ситуация могла измениться — власти не зря опасались волнений: шестую неделю держалась рекордно высокая температура, потребность в воде увеличивалась, а дневная норма оставалась прежней. Доведенные жаждой до отчаяния, рабочие могли начать рисковать, считая, что терять им нечего.

Роман внимательно наблюдал за тянущейся к его детектору очередью. Рабочие «опреснителя» казались похожими друг на друга: одинаковое выражение усталости на лицах, одинаковая форма темно-серого цвета, плотно облегающая тело — если захочешь вынести что-либо с комбината, в такой одежде на себе ничего не спрячешь. Не скрывала эта форма и достоинства фигуры — разглядывание хорошеньких работниц было одним из немногих развлечений охранников.

В соседней очереди мелькнуло знакомое лицо. Роман встрепенулся и окликнул стоявшего неподалеку охранника:

— Никита!

— Чего тебе? — отозвался тот, не оглядываясь, и повел дулом автомата, пропуская к выходу очередного рабочего.

— Никит, поменяйся со мной.

Невысокий рыжий парень приподнялся на цыпочки и вытянул шею. Углядев затянутую в серый комбинезон девушку с забранными в тугой хвост волнистыми выгоревшими волосами, понимающе усмехнулся и, пожав плечами, согласно кивнул:

— Ну, давай.

Пожалуй, у каждого из охранников имелся свой круг «любимцев» — рабочих «опреснителя», чьи лица они почему-то запомнили, кому улыбались, с кем здоровались или даже перебрасывались несколькими ничего не значащими словами.

Роман ими тоже обзавелся; к одной же, высокой худенькой девушке с золотистыми бровями и прозрачными светло-серыми глазами, питал особую слабость. И, хотя на все свои приветствия он не получил ни слова в ответ, Роман продолжал ей улыбаться и старался попасть именно к тому пропускному пункту, через который она проходила. Ребята об этом знали и не лишали его удовольствия лишний раз бросить пару слов приглянувшейся работнице.

— Следующий, следующий, — повторял Роман, ожидая, когда же очередь дойдет до девушки.

Впрочем, нетерпение никак не повлияло на профессиональную наблюдательность.

— Стоять! — коротко приказал он рабочему, уже шагнувшему было забрать свою сумку. Еще раз посмотрел на цифры детектора и указал очерченный на полу, за рентгеновской стойкой, желтый круг. — Встаньте в центр. Ноги на ширину плеч, руки в стороны, — Он перекинул автомат за спину и, как положено по инструкции, поднял руки, показав ладони с тыльной стороны: — Сейчас я проведу личный досмотр.

Проверив рабочего, Роман разрешил тому забрать сумку и позвал сидящего за отгороженной от пропускных пунктов станцией охранника:

— Антон, посмотри его показатели за последние несколько дней.

— Это — случайная выборка, или ты его по подозрению выдернул? — вполголоса осведомился подошедший Антон, покосившись на вжавшего от испуга шею в плечи рабочего.

— Детектор показывает слишком высокий процент, — пояснил Роман. — Возможно, он пил.

Выявление незаконно пьющих на рабочем месте входило в число задач гидрохраны. Именно потому на проходную поставили весовые детекторы: они проверяли содержание воды в организме. Повышенный процент автоматически ставил работника под подозрение.

— Следующий! — скомандовал Роман, заняв свою позицию напротив арки. — Следующий!.. Следующий!.. Проходите, — это он сказал уже девушке, пригласив ее взмахом руки, а не дулом автомата.

Та, упорно избегая взгляда охранника, прошмыгнула сквозь детектор и повернулась к резиновой ленте рентгена, дожидаясь, когда появится ее сумка.

Сидящий за экраном просвечивающей установки Серёга, коренастый уса́тый мужик лет сорока, ухмыльнулся, глянув на Романа, и остановил ленту, делая вид, что рассматривает содержимое сумки.

Роман шагнул к девушке и на секунду замялся, в который раз пытаясь сообразить, как же лучше завязать разговор. Не нашел ничего лучше, чем улыбнуться и деланно свойски, словно у давней знакомой, осведомиться:

— Жарковато сегодня, да?

Девушка вздрогнула и бросила на него быстрый взгляд. Повернулась спиной и пробормотала:

— Жарко.

Роман успел заметить испуг в прозрачных серых глазах и с досадой вздохнул. Гидрохранников неизменно воспринимали как врагов. Хотя какой он им враг, в самом-то деле? Он — наёмный работник, как и остальные, просто выполняет несколько другие функции. И льгот ему никаких не полагается, его дневная норма — три литра питьевой воды третьей категории очистки, как и у всех. Разве что в очереди за ней стоять не надо.

Когда Роман решил идти в гидрохрану, он не думал о том, что пересекает линию, которой люди отделяют себя от «них». У него была благородная, как и положено наивной юности, Цель — обеспечить каждому положенную норму питьевой воды. И тогда у него еще были друзья, для которых Ромка остался Ромкой даже в синей форме.

Какое-то время он считал, что здравомыслящие люди не могут не понимать: гидрохрана создана для их же блага, ведь если бы государство не контролировало расход питьевой воды, то ее давно бы уже не осталось. И что синяя форма не мешает людям видеть в нем человека, а не служащего гидрохраны.

Роман ошибался. Стоило лишь кому-либо узнать, что он гидрохранник — и Роман словно наткнулся на невидимую стену, отторгающую его от мира: он по одну, а все остальные — по другую сторону. На Романа смотрели, но видели не его. Видели его синюю форму. Видели государство, которое взяло под жесткий контроль все пресные источники, которое строго дозировало выдачу воды и не давало вволю напиться.

Вот и эта девушка тоже...

Впрочем, десять лет службы стесали с Романа неуместную сентиментальность — он уже давно привык к испугу в глазах людей и к вынужденному одиночеству, которое обеспечила ему форма гидрохраны.

Сидевший у экрана рентгена Серёга едва заметно пожал плечами, словно извиняясь, и нажал на кнопку. Лента тихо зашелестела; из-под резиновой бахромы камеры показался черный рюкзачок. Девушка быстро его схватила и заторопилась к выходу.

— Приятного вечера, — запоздало бросил ей вслед Роман. Поправил автомат и повернулся к арке детектора: — Следующий!

* * *

На следующий день горячее солнце продолжало жарить всё также безжалостно, как и предыдущие полтора месяца. Вымораживающим камерам «опреснителя» не хватало мощностей, и потому по всему комбинату отключили кондиционеры. Роман взмок буквально через час после начала своей смены.

— Следующий!.. Следующий!..

Полученная накануне дневная норма питьевой воды израсходовалась, как обычно, быстро. Полтора литра — приготовить еду, поллитра — заварить чай. Остальное Роман просто выпил. Брать на работу пришлось из собственных запасов, которые, впрочем, подходили к концу: от купленных на прошлой неделе двадцати литров питьевой воды осталось всего четыре. Пятьдесят литров воды второй категории очистки — постирать, помыть овощи-фрукты, почистить зубы — тоже заканчивались.

Тугой хвост волнистых выгоревших волос Роман заметил, едва только девушка вышла из цеховых помещений в проходную. В этот раз она встала в очередь к самой крайней арке детектора, через четыре пропускных пункта от него.

— Леш, я перемещусь, ладно? — незамедлительно обратился он к напарнику и прошел к крайней арке. Один из двоих охранников, стоявших там, без слов направился на его прежнюю позицию.

— Ну, и долго ты еще будешь с ней здороваться? — сразу же понял причину его маневров Никита. Перевесил поудобнее автомат через плечо и, краем глаза наблюдая за проходящим под аркой рабочим, продолжил: — Пора бы уже переходить к активным действиям... Следующий!

— Не учите меня жить, — добродушно отмахнулся от него Роман. — Сам как-нибудь разберусь.

Арка соседнего детектора беззвучно вспыхнула желтым — повышенный процент содержания воды.

— Стоять, — скомандовал безусый парнишка в новехонькой синей форме, приподнимая автомат.

Лысый плотный мужик лет сорока пяти замер было на месте, затравленный оглянулся, а затем вдруг отчаянно метнулся к выходу.

— Стой, стрелять буду! — тонким голосом выкрикнул охранник. Совсем еще зеленый — выкрикнул, вместо того, чтобы применить оружие, хотя все основания были.

Роман вздохнул и потянулся к парализатору — рабочему хватит и этого. Прицелился, нажал на курок — и мужик рухнул, словно кто-то поставил ему подножку.

В считанные секунды появился начальник гидрохраны «опреснителя»; рабочего бесцеремонно подняли с пола и, расстегнув облегающую спцовку, обнаружили приклеенный к животу большой тонкий пластиковый пакет, наполненный водой.

— Жара страшная... Дочкам нормы не хватает, а денег на воду нет, — всхлипывал мужчина, когда двое охранников волокли его, вяло повисшего у них на руках, к выходу, — Они же маленькие, не понимают, соленую воду из-под крана пьют... — донеслось с улицы прежде, чем тяжело захлопнулись металлические двери.

Гидрохрана восстанавливала порядок в проходной; рабочие выстраивались к аркам детекторов, прошедшие проверку редкой серой цепочкой потянулись к выходу.

До девушки очередь дошла почти полчаса спустя.

Рыжий Никита осклабился и демонстративно отступил в сторону. Роман приготовил улыбку и шагнул вперед, собираясь на этот раз спросить имя.

И промолчал.

Уперся взглядом в туго обтянутую эластичной тканью грудь. Конечно, там было на что посмотреть, но причина его внимания на это раз объяснялась не понятным мужским интересом.

Грудь девушки за столько встреч Роман успел давно и хорошо рассмотреть. И был абсолютно уверен, что еще вчера та была как минимум на размер меньше...

Миг сомнения длился до бесконечности. Усилием воли Роман положил ему конец.

— Пройдите в центр, пожалуйста, — деревянным голосом попросил он и указал на желтый круг за рентгеном.

Девушка вскинула на него прозрачные глаза и тут же отвела взгляд.

— Ноги на ширину плеч, руки в стороны, — продолжил он, механически перекидывая автомат за спину и показывая тыльные стороны кистей: — Сейчас я проведу личный досмотр.

Краем глаза он заметил, как Никита поднял вверх большой палец и одобрительно закивал головой, словно говоря: вот это я понимаю, давно надо было так познакомиться.

Как положено по инструкции, Роман провел ладонями по спине, ногам и рукам девушки — быстро, формально. Затем медленно, чуть нажимая, провел тыльной стороной ладони — сначала по груди, затем, еще медленнее, под ней. Под эластичной материей формы отчетливо прощупывалась не упругая мягкость тела, а текучая мягкость воды.

Роман задержал руки под грудью, большими пальцами нащупал края жестких полос, герметично закрывающих каждый пластиковый пакетик, уложенный в чашечки бюстгалтера. Миллиграмм двести в каждом, не меньше.

Девушка стояла с безучастно опущенной головой и разведенными в сторону руками; она знала, что ждёт её за вынос воды. На миг Роман

почувствовал себя почти палачом. Девушка медленно подняла взгляд на охранника. Несколько долгих секунд тот смотрел прямо в прозрачные серые глаза; все звуки проходной стихли, только оглушающе громко, отдаваясь частыми толчками в его пальцах, билось ее сердце...

Наконец, Роман убрал руки с груди девушки и тихо произнес, отворачиваясь:

— Свободны.

* * *

Пол вагона метро монотонно покачивался; мутное стекло отражало отмеченные одинаковой печатью усталости и оттого похожие друг на друга лица пассажиров. После двенадцатичасовой смены в раскаленной проходной «опреснителя» прохлада подземки казалась райским блаженством.

Десятилитровая канистра с питьевой водой приятно оттягивала руку. В который уже раз Роман подумал о том, что бы он делал, не получай он так прилично в гидрохране — ведь только на положенную норму в три литра протянуть сложно. Собственно, Роман вообще с трудом представлял себе, как выкручиваются на трех литрах те же рабочие «опреснителя», с их более чем скромными зарплатами.

Хотя — чего тут представлять, выкручиваются. И тот мужик, которого он сегодня подстрелил. И та девушка, которую он должен был бы сегодня задержать, но почему-то отпустил... Почему? Пожалел? Тогда всех жалеть надо. У одних — маленькие дети, у других — старики-родители, у третьих — родня из ближней заграницы, без гражданства и, следовательно, без права на воду... Только вот если разрешить каждому взять чуть больше положенного, скоро, совсем скоро воды не останется вообще...

Кто-то из пассажиров прибавил громкость, и с экранов в голове и хвосте вагона раздался четкий голос диктора, читающего новости:

— Продолжается бурение Поволжской сверхглубокой скважины. На сегодняшний день отметка составляет десять тысяч семьсот метров. Представители Гидразведки отказываются от комментариев. Из неофициальных источников стало известно, что до сих пор структура извлеченной породы не дает надежды на то, что в районе бурения будут найдены артезианские воды... Сегодня вновь произошло вооруженное столкновение на финско-карельской границе. Число жертв уточняется. На охрану Ладожского озера, одного из последних невысохших пресноводных озер Европы, было направлено семь подразделений гидрохраны, а также четыре батальона сухопутных войск, включая один танковый и один мотострелковый. В Архангельской, Ленинградской и Вологодской областях уже появились первые беженцы из Карелии. Напоминаем, что в соответствии с положением Женевского договора о водных ресурсах, нарушение международных соглашений о водоразделе дает пострадавшему государству право применять для защиты военную силу...

Стоявший справа мужик процедил сквозь зубы ругательство.

— Вот только очередной войны нам не хватало, — подхватила сидевшая на скамье пенсионерка, прижимая к себе драгоценный бидон с водой.

Ее справедливое замечание не вызвало отклика среди пассажиров, они продолжали безучастно пялиться в никуда. Никому не хотелось думать о войне — жизнь и без того не радовала. Перенаселение, парниковый эффект, изменение климата и разрушительная деятельность человека все-таки привели к тому, что запас пресной воды, традиционно считавшейся возобновляемым ресурсом, катастрофически истощился: люди расходовали во много раз быстрее, чем пополнялись природные запасы. Бытовые опреснители взлетели в цене до небес, промышленные не справлялись со спросом. И случилось то, что в своё время вызывало снисходительную усмешку скептиков, уверенных, что этого не произойдет, пока в Арктике остаются льды, — начались войны за воду...

Несмотря на довольно поздний час, вагоны метро шли битком. И, когда подъехали к его станции, мощный поток пассажиров буквально вытолкнул Романа на платформу.

В толчее он едва не сбил с ног какую-то девушку.

— Извините.

— Ничего страшного, — отозвалась та.

Роман не сразу узнал ее — в легком цветном сарафане, с рассыпавшимися по плечам выгоревшими волосами, она мало походила на зажатую, настороженную работницу «опреснителя», опускающую глаза в пол под хищными прицелами камер и пристальными взглядами охранников.

Зато девушка узнала Романа почти сразу, едва лишь встретив его взгляд. Узнала, несмотря на отсутствие формы, и в испуге отшатнулась, прижав к губам ладонь.

Роман молчал; девушка, как загипнотизированная, смотрела на него не отрываясь. Пауза затягивалась.

— Тебя как звать-то? — спросил он наконец.

— Юля, — едва слышно ответила она.

— Юля, — повторил он и замолчал, не зная, что сказать дальше.

Поезд уехал в глубину черного тоннеля, поток пассажиров схлынул, под желтым светом старинных люстр на опустевшем граните платформы осталось только двое.

— Недалеко живешь? — словно решив для себя что-то, спросил Роман.

Юля кивнула и отвела взгляд.

— Тебя проводить?

Девушка тяжело вздохнула и пожала плечами, словно говоря: «А у меня есть выбор?» Потом медленно подняла на него на него глаза, и Роман, отчетливо разглядев в прозрачной серой глубине обреченность, в сердцах плюнул — да уж, удачный он момент выбрал.

Сказать, что она неправильно его поняла? Что он не то имел ввиду? Что он ничего не ждет от нее за то, что отпустил сегодня на проходной?

Все приходящие на ум слова казались громоздкими, неловкими и бессмысленными.

Роман, глядя на девушку сверху вниз, слегка покачал головой; уголок губ дернулся в кривой ухмылке, предназначенной не ей, а ему самому.

— Эх, ты... Ну, тогда до завтра, — сказал он, круто развернулся и зашагал к эскалатору.

* * *

Прошла неделя. Жара не спадала.

Юля уже не пыталась избежать встреч с Романом.

— У меня скоро смена заканчивается... Может, сходим куда-нибудь? — предложил он однажды.

Не глядя на него, девушка продиктовала номер телефона. Не видя выражения ее глаз, Роман так и не понял, почему она согласилась.

Несколько часов спустя, сидя за столиком уличного кафе на медленно остывающем в сумерках проспекте, по односложным ответам и безразличному выражению глаз, упорно смотрящих мимо него, Роман убедился в своих подозрениях — девушка пришла потому, что после инцидента на проходной просто боялась отказать.

— Юля, посмотри на меня, — не выдержав, попросил Роман. — Я уже давно хотел пригласить тебя куда-нибудь сходить, да только всё как-то... всё как-то не мог собраться. Я понимаю, что выбрал не самый удачный момент, но... но так уж вышло... В общем, если хочешь — иди домой, не надо со мной здесь сидеть.

— Почему ты тогда меня отпустил? — подняла на него глаза девушка.

— Потому что ты мне нравишься, — честно ответил Роман.

Юля откинулась на спинку стула и с вызовом уставилась на охранника:

— У меня дома маленький ребенок, его дневная норма — всего два литра. А что такое два литра в этой жаре? Так что я ничуть не раскаиваюсь!

Роман повертел в руках белоснежную салфетку.

— А что, кроме кражи, других способов нет?

— Ну, почему же, — все так же с вызовом ответила Юля. — Начиная с третьей недели каждого месяца, когда вся моя зарплата уже потрачена на воду, я могу выходить на панель. Говорят, с одного клиента берут по пол литра.

— Я имел ввиду — помочь совсем некому?

— Совсем, — деланная бравада слетела с девушки.

— Выпьешь? — мягко предложил охранник.

— А давай! — как-то отчаянно тряхнула копной выгоревших волос Юля.

— Два ваших фирменных — акваретто со льдом, пожалуйста, — обратился Роман к официанту.

Хорошо вышколенный, тот ничем не выдал своего удивления, и уже через пару минут на столе оказались высокие, запотевшие хрустальные фужеры, в которых, погружённые в обжигающе-холодную чистую воду, тихо потрескивали крупные кристаллы прозрачного льда. Напиток богов... и богачей.

Оторопевшая, Юля взглянула на своего спутника так, словно увидела в первый раз.

— Спасибо, — наконец, тихо произнесла она: — Роман, как ты оказался в гидрохране?

— Как все, — пожал плечами он. — Пришел в рекрутский центр...

— Да нет, — перебила его Юля. — Почему? Почему ты пошел туда? Ты не похож на...

— На мерзавца и подонка? — закончил Роман за нее и покачал головой. — Тебе, может, в это сложно поверить, но гидрохрана состоит вовсе не из таких.

— Я знала только таких, — едва слышно возразила девушка.

— Да никого ты не знала, — махнул рукой Роман. — Откуда ты могла знать? Стоит только человеку одеть форму — и всё, он для всех как-будто умирает. А почему? Работа как работа.

— Работа против людей.

В ответ Роман лишь вздохнул — эту стену ему не разрушить и не преодолеть. Медленно сделал глоток ледяного акваретто и неожиданно для себя впервые в жизни захотел вдруг что-то объяснить.

— Мой отец погиб в войне за Байкал, — тихо начал Роман. — Мама не успела его даже похоронить, бежала со мной за Урал. Потом мы оказались в Подмоскowie. Через несколько лет водонапорную башню района захватила вооруженная банда, и раздача питьевой воды прекратилась. Гидрохрану тогда всю стянули на оборону Можайского водохранилища, помочь было некому. Когда же, наконец, охранники приехали и выбили бандитов из башни, мы все уже больше двух недель пили неочищенную воду из рвов, что остались после торфяных разработок. Многие подхватили инфекцию; моя мама тоже заразилась дизентерией и умерла от осложнения. Тогда-то я и решил пойти в гидрохрану. Хотел, чтобы то, что случилось в нашем поселке, больше нигде и никогда не повторилось. Хотел, чтобы каждый получал причитающуюся ему норму воды. Хотел... хотел помогать людям, — закончил он и криво усмехнулся.

«Хотел помогать людям — но почему-то стал их врагом», — невысказанная фраза комом стояла у него в горле.

Юля же сосредоточенно смотрела мимо него и молчала.

В ступившихся сумерках зажглись уличные фонари, на землю легли четкие тени их столбов. Одна из теней упала на столик, ровно посередине — словно стремилась обозначить границу между двумя сидящими за ним...

* * *

Шедшая из крана вода была откровенно соленой; водоподготовка не справлялась с объемами потребления и из пяти стадий очистки — осветления, умягчения, обессоливания, удаления газов и улучшения органолептических свойств, едва ли прогоняла воду через две.

«Опреснители» перешли на круглосуточный режим работы. Вымораживающие камеры гудели от напряжения. Были срочно приведены в действие все резервные установки обратного осмоса и запущены находящиеся на ремонте «испарители».

Невыносимая жара держалась уже почти два месяца. Улицы города словно тяжело переболели оспой — так густо они покрылись ямами и резервуарами, вырытыми в надежде на осадки. Люди продолжали копать новые, а имеющиеся углубляли и выстилали готовые гидроупорными материалами... Вот только безжалостно ясное небо не давало ни малейшей надежды на дождь.

Власти настоятельно рекомендовали как можно меньше двигаться и призывали людей не дышать через рот, чтобы уменьшить потерю влаги организмом. Дневную норму не повысили. Не потому, что не хотели, а потому, что раздавать было нечего — осадков не выпадало три месяца, все резервуары чистой воды давно опустели, а уровень в водохранилищах стремительно понижался.

Гидрохрана была переведена в состояние боевой готовности.

Город медленно заполняли жажда, паника и отчаяние.

Еще никогда за десять лет службы, даже когда он привозил воду в обезвоженные районы, даже когда оборонял источники от обезумевших от жажды людей, Роман не видел столько ненависти в обращенных на него взглядах.

— В цехах говорят, что власти скоро перестанут выдавать и эти три литра, так что, пока не поздно, нужно захватить оставшиеся в городе источники, — рассказала ему Юля однажды вечером, через несколько дней после встречи в кафе.

Она впервые пригласила его к себе домой; они сидели за столом на крошечной кухне и пили чай — Роман принес с собой два литра воды; ребенок мирно спал в соседней комнате, сжимая в руке пустую бутылочку.

— А что будет, если в городе начнутся беспорядки? Вы перекроете доступ ко всем источникам?

— Не мы, — поправил ее Роман. — Гидрохрана не принимает таких решений, она их лишь исполняет.

— Если дело дойдет до уличных боев, для людей не будет иметь значения, что вы — просто исполнители, — девушка вздохнула и тихо призналась: — Я боюсь.

— Чего ты боишься? Все будет в порядке, воду выдавать не перестанут, поверь мне, — с уверенностью, которой он сам не испытывал, сказал Роман, — Правда, и норму не увеличат. Если сейчас прибавить хотя бы по литру, вот тогда воды не хватит.

— И этого тоже... Но я куда больше боюсь войны.

— Не будет никакой войны — зря я, что ли, в гидрохране служу?

Юля не поддержала шутку.

— Мне страшно.

Роман взял ее за руку и, словно решив для себя что-то очень важное, предельно серьезно произнёс:

— Не бойся. Вы больше не одни.

* * *

Сирена взывала в проходной «опреснителя» так внезапно, что Роман вздрогнул и непроизвольно схватился за автомат.

Ослепительно-красным вспыхнули огни тревоги.

— Рабочие захватили камеру конденсации, — объявил появившийся в проходной начальник гидрохраны, плотный черноволосый майор, на ходу застегивая бронежилет.

Роман похолодел — именно там работала Юля. Успела ли она выйти до захвата?

— Вы трое — берёте снайперки — и на крыши напротив окон камеры, — быстро раздавал приказы майор. — Все, у кого есть боевой опыт — со мной. Остальные — очистить оба дистилляционных цеха, заблокировать все выходы, оцепить периметр, вызвать подкрепление.

Требования рабочих оказались предсказуемы:

— Повысьте нам дневную норму.

— Мы не уполномочены принимать такие решения. Немедленно разблокируйте двери и прекратите беспорядки, — неслось им в ответ через громкоговоритель.

— Значит, приведите сюда тех, кто уполномочен. Иначе мы выльем воду из всех цистерн.

— Там сейчас вся дневная норма комбината, — паниковал невысокий усатый администратор «опреснителя», отчаянно заламывая руки. — А наша дневная норма — это половина пресной воды, которую должны раздать сегодня в городе... Вы же понимаете, что произойдёт, если... когда люди не получают воду? Беспорядки! Уличные бои! Война!

— Сколько в цеху человек? — отмахиваясь от него, как от назойливой мухи, спрашивал по рации у снайперов майор. — Сколько требуется времени для того, чтобы отвинтить крышки цистерн? — тряс он ошалевшего администратора. — Что значит — примерно полминуты? Мне до секунд знать надо, я тут, мать вашу, штурм планирую или что? — в ярости кричал он и поворачивался к охранникам. — Готовность к захвату — шесть минут! Двадцать секунд — на взятие помещения под контроль! Снайперы — снимаете каждого, кто приблизится к крышкам цистерн. Бойцы, стрелять на поражение в любого, кто не в горизонтальном положении!

Роман прикусил губу. Далеко не все рабочие, находящиеся в камере — бунтовщики. Но говорить это начальнику гидрохраны бесполезно. Что такое — полсотни жизней против пятнадцати тысяч тонн пресной воды? Да он и сам понимал: это ничто по сравнению с тысячами, десятками тысяч жертв, которые появятся, если не получивший дневной нормы город взорвется уличными беспорядками...

Позиции заняты, предохранители с оружия сняты.

— Готовность три... два... один... Пошли!

Направленный взрыв снес забаррикадированные ворота конденсационной камеры. В поднявшейся пыли рабочие в своих серых костюмах были почти неразличимы.

— Всем лежать, руки на голову!

Пули щелкали по стенам и полу.

Перепутанные рабочие бестолково носились по помещению.

— Огонь на поражение! — орал стоящий прямо за плечом Романа майор.

В бетонной пыли и беспорядочном мельтешении тел Роман только водил автоматом из стороны в сторону, выглядывая копну выгоревших волос, пока, наконец, не увидел.

— Юля! — закричал он, срывая голос. — Юлька, ложись!

Кажется, девушка расслышала его. Обернулась, ища глазами.

— Стрелять! — надрывался майор, не глядя поливая автоматной очередь камеру. — Стрелять, мать твою! — подскочил он к Роману. — Стрелять по всем стоящим! — и, вскинув оружие, направил его в сторону рабочих, там, где стояла Юля.

Роман не размышлял ни секунды. Коротким движением выбил автомат из рук майора, подбежал к Юле и повалил ее на пол.

— Лежи, не поднимайся, — приказал он. — Заползи под цистерны и лежи. Ни в коем случае не вставай.

...Оседала поднятая взрывом пыль. Вдалеке истошно вопили сирены спешащей на место происшествия подмоги. Надрывались рации. Матерились охранники. Стонали раненые рабочие.

Майор поднялся с пола, подобрал автомат, отряхнулся. Подозвал к себе несколько охранников и кивнул на Романа. Тот спокойно протянул оружие. Сожалений не было — Роман знал, на что шёл и что его ждёт.

* * *

Наталья Петровна поставила на землю полное ведро, надела резиновые перчатки и с тяжелым вздохом оглядела бетонную площадку перед мрачным восьмизэтажным зданием. Сколько их не гоняй, как ни следи за территорией, всё равно пробираются, всё равно мазюкают. А людям потом отмывать.

Уборщица обычно не читала меловые послания, оставленные содержащимся в центре особо строгого режима преступникам. А что там читать

— всё одно и то же: «Пахан, мы тебя ждем», «Димон, крепись, осталось немного», «Серый, гад, выйдешь — урою»...

Однако, с недавних пор в самом углу бетонной плиты стало появляться новое послание. Она смывала его каждое утро, но на следующий день надпись снова была там — будто периметр тюрьмы вовсе и не охранялся от посторонних визитёров. Наверное, поначалу неведомый писмописец оставлял и имя, но, убедившись, что привлек внимание адресата, имя писать перестал, и теперь надпись читалась просто: «Ты больше не один».

Наталя Петровна вздохнула, окунула тряпку в ведро с солёной водой и, наклонившись, принялась оттирать меловое послание.

Она не знала, что каждый день из узкого окна на восьмом этаже наблюдал за тем, как пропадают под ее тряпкой эти буквы, один заключенный. Он терпеливо дожидался, когда послание полностью исчезало с бетонной плиты, и только тогда отходил от окна. Садился на скрипучую железную койку, рассеянно скользил взглядом по грязным стенам и улыбался...

ОКСАНА УСТИНОВА

МУСОРЩИКИ

Ненавижу, когда в лоб упирается кончик ствола розы с паралитиком. Но еще больше ненавижу, когда эта роза в руках любимой девушки.

Алика держала цветок, что я подарил, на вытянутой руке, и в упор смотрела мне в глаза. Серая сталь раскосых глаз обдавала холодом, и я решительно ничего не понимал.

— Отдавай кубик, — жестко сказала она, резко убирая свободной рукой выбившуюся прядь роскошных тёмно-рыжих волос.

Я не узнавал её. Чудесный романтический ужин завершился прогулкой на дикую планету Лего-2. Мы предвкушали волшебную ночь среди настоящих первозданных деревьев, и я был самым счастливым человеком. Но едва мы спустились с катера, как вдруг...

— Что с тобой? — сказал я и попытался прикоснуться к ней, но она еще сильнее напрягла руку и угрожающе тряхнула розой.

Мне вовсе не хотелось испытать не себе действие паралитика. Лоб покрылся испариной, и я подумал, что это какой-то страшный сон.

— Кубик! — прикрикнула она.

— Давай поговорим! Я не понимаю, что могло случиться! Но если ты подумала, что я хочу тебя обидеть...

Алика засмеялась. Я очень любил её серебристый смех, но сейчас я впервые подумал, что совсем не знаю её.

Дрожащей рукой я прикоснулся к инфокубику, что висел у меня на шейной цепочке и активировал его:

— Хорошо, забирай. Только какой в этом смысл?

Это и вправду было странно. Инфокубик реагирует только на палец живого владельца. Но даже если перевести все деньги со счетов, уничтожить документы, стереть медицинские данные, то достаточно прийти в любой инфоцентр и восстановить всё за пару минут. Ведь информация о ДНК хранится не только на кубике владельца, но и в центральной базе данных.

— Вот, забирай. У меня скромные сбережения. Хотя я и работал у Корнеров много лет, разбогатеть мне не удалось, — сказал я, протягивая ей кубик.

В её глазах на мгновение мелькнуло сомнение, но тут же исчезло. Кончик розы быстрым уколом ужалил лоб.

Я упал на колени и скорчился от боли. Будь проклят тот оптимизатор, который придумал добавлять яд в розы, якобы для женской самозащиты! Я знал, что яд безопасен для здоровья и всего лишь парализует на некоторое время. Но, проклятые, я не думал, что это так больно!

***

Ночи на Лего-2 тёмные, звездные и холодные. Я отметил это, когда лежал без движения на остывшем грунте. Клацая зубами от холода, я с трудом сел. Затёкшее тело ныло, и каждое движение давалось с трудом.

Медленно согнул ноги в коленях и два раза дернул хлястики кроссовок. Подошвы с внутренней стороны завибрировали, заходили ходуном, массируя ступни. От носков медленно разливалось тепло.

Я закрыл глаза. Жаль, что куртка с подогревом осталась на катере, а футболка что болталась на мне, умеет только охлаждать. При воспоминании о вчерашнем событии в груди засадило.

На шее не было привычной цепочки с инфокубиком. Вспомнил, как меня парализовало, я упал на грунт и увидел мигающие огни улетающего катера. Но думать об этом, находясь на незнакомой планете без вещей холодной ночью — не самое верное занятие.

Глаза привыкли к темноте, кровоснабжение в ногах почти восстановилось. Я отключил массаж в кроссовках и поднялся.

Странно, но в ярком мерцании звезд я не увидел обещанных деревьев. А то, что я поначалу принял за стенки природного кратера, на дне которого ютилась взлётно-посадочная площадка, оказалось чем-то другим. Геометрия рельефа говорила скорее о его неприродном происхождении.

Я зашагал к краю кратера и, подойдя ближе, задрал голову. От удивления я застыл на месте. Такой большой свалки я не видел никогда в жизни. Медленно обходя кратер по периметру, я рассматривал вещи. Чего тут только не было! Ящики и прозрачные контейнеры разных размеров, битком набитые барахлом, мебель, разнообразная техника и машины громоздились тут и там.

Наконец я добрался до единственного прохода в стене кратера и шагнул внутрь. В лабиринте из нескольких улиц я не нашел указателей, поэтому пошел наугад. Хотелось есть, и я вспомнил, что в кармане брюк у меня лежит унифрукт, прихваченный из ресторана.

Я опустил руку в карман и извлёк белый шарик. Покрутив в руках, повернув к себе этикеткой-капсулой. К сожалению, не слишком калорийная еда. При тусклом свете звезд я рассмотрел этикетку с мелкими изображениями различных фруктов, и нажал на секцию банана. Как только модифицирующий раствор попал внутрь — шарик в руках слегка задрожал, вытянулся, пожелтел и огрубел банановой корочкой. Оторвав шкурку, я с аппетитом вгрызлся в сочную мякоть. Покончив с бананом, я отшвырнул шкурку и двинулся дальше.

Выхода с этой свалки не наблюдалось, и отчаяние почти овладело мной, как вдруг я услышал странный звук, похожий на кашель.

— Эй! Кто тут? — крикнул я в надежде, что меня найдут.

Кашель оборвался. Я пошел в то место, откуда предположительно доносился звук.

— Ау!

Я повернул за угол и вздрогнул от неожиданности. На меня смотрело странное животное. Оно отдалённо напоминало крысу, а его размеры огромной собаки мгновенно вселяли ужас. Тварь ощерилась, оголив рядок плотных клыков, и прыгнула. Я упал и откатился в сторону. Зверь промахнулся и ударился об угол металлического ящика, торчащего из завала в том месте, где я только что стоял. Тварь взвизгнула, а я вскочил и побежал изо всех сил.

Неуклюжее животное, к счастью, не обладало скоростью собаки, но терпеливо преследовало меня. Силы заканчивались. Повернув за очередной поворот, я поскользнулся, и, падая, увидел, что тварь бросилась на меня. В полёте её пронзил тонкий светящийся луч, и она с визгом отлетела в сторону.

Отдышавшись, я медленно приподнялся и посмотрел туда, откуда скользнул луч. Там стоял человек. В одной руке он держал лазерный пистолет, которым целился в меня. В другой руке дрожащим пламенем чадил факел. Смуглое морщинистое лицо, русые волосы до плеч. Подозрительный взгляд буравил меня и не предвещал ничего хорошего.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга.

— Кто такой? — спросил он.

— Меня зовут Виктор, — сказал я, вставая и отряхивая брюки.

— Стоять! — протянул он и дёрнул пистолетом. Незнакомец явно не спешил представляться. — Что тебе нужно в моих владениях?

— Абсолютно ничего, — поспешил я уверить его. — Я пытаюсь выбраться из этого лабиринта, чтобы найти какой-нибудь инфоцентр.

Незнакомец опустил пистолет.

— Как ты тут оказался?

Я выдохнул. Кажется, опасность миновала. Я понятия не имел, откуда он раздобыл оружие в эпоху его тотального запрета.

— Меня привезли сюда на катере и выбросили, — честно ответил я.

Незнакомец понимающе покачал головой.

— Рыжая?

Я онемел.

Он подошел и протянул руку.

— Роз. Так меня зовут.

Я пожал его руку.

— Очень приятно. Но Роз, откуда ты...

— Подержи! — он перебил меня и сунул мне в руки факел. — Надо гурта забрать.

Роз подошел к трупу твари, что гналась за мной. Скинул со спины рюкзак, и, распахнув его, быстрым движением кинул туда труп.

— Пошли, — ответил он. — На этой планете нет инфоцентров. Ты что-нибудь слышал о планетах-мусорках?

***

Мы вошли в хижину Роза. При свете дрожащего в прозрачной миске огонька я рассматривал небольшую комнату. Интерьер потряс бы воображение даже самого сумасшедшего дизайнера. Деревянный шкаф доплётных времён, парящий стол, массивный белый стул в коринском стиле и небольшая без лишних деталей кубическая воздушная кровать. На полу лежал древний, в ярких сине-голубых узорах, пушистый ковёр. Все это относилось к разным стилям и даже эпохам и совершенно не сочеталось. Но как ни странно, комната всё-таки излучала уют.

— Сейчас сообразим ужин. Гурта зажарю завтра. Попробуешь — пальчики оближешь. Похоже на кролика, только вкуснее. А сейчас будем есть консервы. Извини, но я не ждал гостей, — сказал Роз.

Вскоре на столе дымилась варёная картошка, отдельно на нескольких тарелках лежали сардины и лобстеры. В центре стола стояла бутылка водки. Дольками нарезанные помидоры источали аромат, и я сглотнул.

Роз усадил меня на стул, а сам придвинул ящик, стоящий в углу. Разлив по стаканам водку, он уселся.

— Ну, за знакомство! — сказал он, и мы чокнулись.

Водка обожгла горло, но после холода как раз то, что нужно.

Я с жадностью набросился на еду, а Роз украдкой наблюдал за мной. Потом подлил водки в стаканы и сказал:

— А я тебя знаю. Ты младший Корнер. Да?

От удивления вилака застыла у меня в руках.

— Я не Корнер. Я только работал в его корпорации. А с чего ты это взял?

— Да ладно тебе, к чему скрывать? Я хоть и торчу на этой планете уже двенадцать лет, но памяти не лишился. Я хорошо помню Корнеров, особенно твоего отца. Мы с ним дружили. Ты, конечно, не помнишь меня?

— Да нет же! Ты что-то путаешь. Я работал у Корнера в корпорации советником по оптимизации. Сопровождал шефа на переговорах и нас часто видели вместе. Но я ему не родственник.

— Нет? — изумлённо протянул Роз. — Но ты видел младшего Корнера?

— Ни разу, — ответил я.

— Это потрясающе! — заявил Роз и захохотал. — За это стоит выпить!

Его реакция меня, мягко говоря, удивила. Но я поднял стакан.

Роз подцепил вилакой дольку помидора, обмакнул в соль и отправил в рот. Прожевал, он сказал:

— Дело в том, что ты как две капли воды похож на сына Корнера.

Я задумался. Это походило на правду. Корнер относился ко мне лучше, чем к остальным сотрудникам. И я никогда не понимал почему.

А Роз добавил:

— Значит, эта бестия промахнулась! Она приняла тебя за сына миллионера, хотела сорвать жирный куш и промахнулась! — он торжествовал.

Боль от недавнего события снова подкатила к горлу. Я смотрел на Роза, и не мог поверить своей догадке.

— Ты об Алике?

В уголках его глаз вспыхнула искра злости:

— Двенадцать лет!

Это не укладывалось в голове.

— Наливай, — просто сказал я. Хотелось напиться до поросычьего визга, чтобы выгравить из сознания этот кошмар. Мне это удалось.

Я смутно помню, как Роз свалил меня на кровать, и сказал, что продолжит охоту на гуртов. Он вышел из хижины, а я провалился в сон.

***

Сутки на Лего-2 длятся сорок часов, поэтому я успел хорошо выспаться, и еще застать утро. Мы пили кофе, и я рассматривал хижину. Роз собрал её из контейнерных листов, а вместо окон использовал круглые дверцы от автомобилей, найденных на свалке. К счастью, на этой планете не бывает сильных холодов, как пояснил Роз.

— Я расчистил место и построил хижину, но осталась проблема с водой, — рассказывал Роз. — Ручным способом я пробивал колодец целый год. До этого приходилось пить консервированный компот и пиво. С мытьём и вовсе приходилось туго. Но с появлением воды я зажил. Даже засадил огород и сад. Помидоры ты вчера уже пробовал. А вот и яблоки! — он протянул мне желтый с красным бочком плод. На его лице светилась гордость.

Я покрутил яблоко в руках в поисках этикетки-капсулы. Никогда прежде я не видел перевозданного плода. Роз заметил моё удивление.

— Да, это настоящее яблоко. Вообще, огород отнимает почти всё моё время. И честно говоря, мне это нравится! Осталась только одна серьёзная проблема. Электричество.

Я не разделял его восторгов. По его словам, на этой свалке было абсолютно всё. Но! Каждая вещь обладала только одной функцией. Когда произошла тотальная революция многофункциональности, такие вещи выбрасывались, даже не доходя до магазинов.

Я пребывал в унынии. Пользоваться простыми вещами я не умел и не хотел уметь. Я привык пить пиво, которое одновременно лечит почки, а заодно и печень и при этом не теряет вкусовых качеств. Я привык спать на подушке, которая по щелчку делает массаж головы и рассказывает обучающие сказки на ночь. Я любил мыться в душе, который омолаживает кожу, и расчесываться расческой, укладывающей волосы

и предупреждающей седины. Уже давно никто не помнил вещей, имеющих меньше трёх назначений.

К тому же, моя профессия заключалась именно в поиске таких идей. На этой планете я стану абсолютным мусором, никому не нужным, и ни на что не годным.

Роз будто прочитал мои мысли.

— Значит, ты оптимизатор?

Я молча кивнул и отхлебнул кофе. Колодезную воду Роз вскипятил на костре за хижинкой. Напиток получился вкусным. Я понимал, что это чистый кофе, даже не снижающий холестерин. Но меня это не волновало. Сейчас я не отказался бы даже от яда.

— Оптимизация — это тупик цивилизации, — вдруг заявил Роз. — Знаешь, как говорили древние? Не складывай все яйца в одну корзину.

Он встал и поковылял в ящике с хламом.

— Это я вот в этой штуке прочитал, — добавил он, явно гордясь собой. В руках он держал настоящую бумажную книгу.

Это меня заинтересовало. Я полистал книгу древних пословиц и быстро спросил:

— А другие книги есть?

Роз кивнул на полку:

— Всё что мне нужно — тут. В основном по садово-огородным делам. Но я знаю, где раздобыть еще.

После завтрака мы двинулись в путь. Неожиданно палило солнце, и я порадовался, что на мне футболка с охлаждением. Роз выдал мне бейсболку. Улицы лабиринта, сделанные Розом за много лет, закончились, и мы оказались в тупике. Перед нами возвышалась стена из ржавых контейнеров. Наверху виднелись металлические балки, возможно служившие деталями для строительства.

— Дальше придётся лезть, — сказал Роз, скидывая рюкзак.

Он извлёк крюк с верёвкой на конце. Раскрутив, швырнул его вверх. Подергал веревку и удовлетворённо хмыкнул. Схватившись за неё двумя руками, он начал ловко взбираться вверх, отталкиваясь от стены ногами.

— Залезай, — крикнул он мне сверху.

Я схватился за верёвку и попытался подняться, но у меня не получалось отталкиваться ногами от стены. Промахнувшись, я больно ударился бедром об угол торчащего деревянного ящика.

— Вот тюфяк! — засмеялся сверху Роз.

Несмотря на обиду, я понимал, что он прав. Я болтался на конце верёвки как тушка гурта над коптильней.

— Держись! — крикнул мне Роз и потянул веревку.

Его физическая форма удивляла меня. А ведь за двенадцать лет он не принял ни грамма стимулирующего омолаживающего средства.

Взобравшись вверх, я увидел торчащую вышку с лестницей. Возможно,

когда-то до подпространственных переходов, она служила маяком и чудом сохранилась.

— Маленькая экскурсия, — сказал Роз и кивнул на вышку.

И мы полезли наверх. На верхушке маяка я осмотрелся. Зрелище, открывшееся мне, поражало. Отсюда и до самого горизонта простиралась серая равнина свалки. Лабиринт Роза казался маленьким муравейником в бесконечном поле.

— Теперь ты понимаешь, почему отсюда нет выхода? Вряд ли сюда кто-то прилетит на экскурсию.

Роз с сожалением смотрел на меня. Последние надежды на быстрое возвращение рухнули. Но в груди всё еще теплилась надежда что-нибудь придумать, и я надеялся на это.

К полудню мы добрались до огромной свалки книг. В этом бумажном море мы барахтались до вечера. Я отбирал нужные книги, а Роз упаковывал их в рюкзаки. Физика, механика, радиотехника, старые журналы с описанием самоделок и даже толстый медицинский справочник — всё это я отыскивал с трудом. На обратном пути мы выбрали мне необходимую одежду и притащили вторую кровать. К вечеру усталые, но довольные приползли домой.

За ужином Роз расспрашивал меня о жизни на обитаемых планетах.

— Значит, в вопросах бессмертия за двенадцать лет так никуда и не продвинулись? — спросил он, поддевая вилкой ветчину из банки.

— Нет, — ответил я. — Хотя старение победили полностью. Но, по-прежнему, доживая до определённого возраста, люди умирают. Просто так, во сне, например.

— Это просто счастье для вселенной, — сказал Роз.

И, видя моё изумление, пояснил:

— Иначе вселенная превратилась бы вот в такую же свалку. Когда пятьсот лет назад произошла революция консервантов, никто не подозревал, в какие проблемы это выльется. Пришлось забить непортящимся и неразлагающимся мусором несколько сотен планет со стандартной для людей гравитацией. А ведь эти планеты вполне пригодны для жизни! Но мусор, к счастью, не выбирает, разлагаться ему или нет. С бессмертием проблем бы возникло куда больше. Особенно, если учесть, что люди разучились отказывать себе в прихотях.

— А зачем? — сказал я. — Глупо ограничивать себя в комфорте, когда можно этого не делать. Ресурсы вселенной безграничны, а мы просто используем это!

Роз затянулся сигаретой и, напористо выпустив дым, сказал:

— Знаешь, в чем наша проблема? Мир погряз в роскоши. Этот Многофункциональный Оптимизированный Мир слишком зависит от умных вещей. А основная масса людей превратилась в бесхребетных дохляков, не желающих совершенствоваться. Вот взять меня. Я был просто

богатым бездельником, ничего не знающим и не умеющим. И, только оказавшись тут, без денег и цивилизации, я почувствовал вкус настоящей жизни!

***

Потянулись месяцы, похожие друг на друга как братья близнецы. Роз возился в огороде или охотился на гуртов, которых он научился отлавливать с помощью лассо. Теперь он сажал их в клетку, стоящую во дворе. Я изучал книги и журналы и вскоре начал мастерить ветряную электростанцию.

Каждый день мы с Розом выбирались на поиски нужных материалов и деталей. Иногда я ходил один, и научился отлично лазать по завалам. Мышцы окрепли и я, пожалуй, мог бы блеснуть фигурой на пляжах курортных планет. Вечерами мы развлекались пальбой по банкам из старинных лазерных пистолетов с двух рук.

И, наконец, наступил долгожданный день, когда электростанция заработала. Над хижиной красовалась целая ферма из ветряных насосов. Благо, ветров на Лего-2 хватало. К этому времени мы с Розом раздобыли всё, чего нам не хватало: осветительные приборы, электрическую печку, проигрыватель, телевизор, диски, старые фильмы, и даже уличный фонарь! Роз притащил откуда-то картину с подсветкой, на которой была изображена одна единственная роза цвета фуксии. Я поморщился и категорически отверг этот сомнительный шедевр. Но Роз не сдавался и водрузил чудовище прямо над обеденным столом.

Отмечали событие, устроив барбекю во дворе хижины. Под песни Элвиса Пресли пили пиво. Болтать не хотелось.

— Скучаешь по ней? — вдруг спросил Роз.

Я быстро взглянул на него. Но не увидел ни тени иронии на его лице.

— Я скучаю не по ней. Я скучаю по той девушке, маску которой она носила.

Помолчали. Роз откупорил еще бутылку пива.

— Ё-хо! — воскликнул он и швырнул пустую бутылку за хижину. — Вот это мне нравится! На планете мусора невозможно намусорить.

Гулко глотнув пива, он добавил:

— Значит, ты всё еще не можешь её забыть. А я не скучаю. А вот бабёнку потискать я бы не отказался, — он усмехнулся. — Честно говоря, это единственное чего мне не хватает для полного счастья.

Вечеринка удалась. Мы пили вредное пиво, ели вредные чипсы и курили табак. Слава консервантам!

***

Ночью я проснулся от странного шума. Спросонья я не сразу понял, что это шум двигателя катера. Я вскочил как ошпаренный, и подбежал к кровати Роза.

— Роз! Роз! — расталкивал я спящего приятеля. — Кто-то летит!

Мы выскочили наружу, в глаза ударил свет огней катера. Он висел прямо над нами, угрожая снести хижину.

— Эй, куда прёшь, придурок! — заорал Роз.

Катер приземлился в пяти метрах от хижины, свернув наш уличный фонарь. Когда приходят непрошенные гости, оставлять пистолет в хижине — опрометчивый поступок. К сожалению, я понял это поздно. Дверь катера отъехала, и наружу вывалилось трое гостей с внушительными пушками в руках.

— Который из них? — спросил центральный рослый здоровяк стоящего справа светловолосого молодца.

Тот переводил взгляд с Роза на меня и обратно. Усилием воли я подавил зарождающуюся панику. Адреналин заставил мысли крутиться с бешеной скоростью. Я шарил взглядом по сторонам. Где-то должен лежать второй пистолет. Я точно помнил, что забыл убрать его в хижину. Есть! Пистолет лежал в двух метрах от меня, под стулом для барбекю.

— Этот! — ткнул молодец пальцем в сторону Роза.

— Тогда убейте второго, — приказал здоровяк.

Третий коренастый темноволосый бандит поднял пушку в мою сторону. Вдруг Роз громко завопил, глядя на меня:

— Шеф, что им надо?!

Рука коренастого бандита дрогнула, и он в сомнении посмотрел на здоровяка. Этого мгновенья мне хватило, чтобы прыгнуть в сторону, прокатиться и схватить пистолет. Метким выстрелом я опрокинул коренастого и метнулся в обратную сторону. Стул разлетелся искрами щепок от выстрела светловолосого.

Роз юркнул в хижину, а я пальнул в блондина, опередив того на долю секунды. Главарь выстрелил вслед Розу, но, сообразив, что он в меньшинстве, метнулся обратно в катер.

Оценив обстановку, я отскочил от рванувшего с места катера. Я едва не сгорел от его взлёта!

Когда наступила тишина, я встал и, покачиваясь, пошел в хижину. Роз лежал на полу без движения, в боку зияла рана, которая сильно кровоточила и порядочно залила пол.

Такого ужаса я не испытывал никогда. Острая боль пронзила грудь, и я кинулся к нему.

— Роз! — заорал я.

Руки тряслись, и я никак не мог сообразить, что делать. Я схватил полотенце и как мог перевязал Роза, потом осторожно переложил его на кровать.

Больше всего я сейчас благодарил судьбу, что в том контейнере с книгами нашел толстый медицинский справочник и не поленился его взять. Схватив книгу, я судорожно искал сведения. В результате стало понятно, что если почка не задета, то у Роза есть все шансы выжить.

В ящике с лекарствами нашелся пистолет для уколов, обезболивающее в ампулах и пенициллин.

К утру Роз пришел в себя. Всё это время я сидел около него и ждал. Когда он открыл глаза, то долго смотрел на любимую картину с розой. Блеклая подсветка мерно освещала полотно. И тогда он сказал:

— Знаешь, что самое плохое в многофункциональном уютном мире?

— Знаю, ты уже говорил. Люди разучились стремиться к цели.

— Нет, не это, — он закашлялся, и я схватил его за руку.

— Самое обидное, что люди разучились ценить красоту простых вещей.

Я молчал. Плевать я хотел на весь мир. Потому что меня волновал только Роз.

— Они вернуться. Они знают, что мы вооружены и подготовятся.

— Я встречу их, — успокоил я его.

— Времени мало.

— Ты забыл? Я — оптимизатор, — ответил я.

Не знаю, успокоило ли это Роза, но он уснул.

***

Я не знал, сколько у меня времени, поэтому действовал как можно быстрее. Самое главное — закрыть территорию с хижиной от прямой посадки катера. Мин с электронной начинкой, которые заметят сканеры их катера, у меня имелось только три. Я равномерно распределил их по двору. Теперь катер сможет сесть только на посадочной площадке. А оттуда один выход — в лабиринт.

Две мощных пушки, снятые с убитых бандитов, и датчик движения в заданном радиусе — неплохое подспорье. Но этого недостаточно.

Два дня я занимался лабиринтом, продумывая тактику. Первую идею (заминировать лабиринт) отмёл сразу. Взрыв перекроет путь выжившим бандитам, и они просто улетят обратно. Вместе с катером.

Подготовка шла полным ходом, но больше всего меня радовало, что Роз идёт на поправку. Рана оказалась неглубокой, а лекарства и лечебный бинт, который я раздобыл, делали своё дело.

Когда датчики показали прибытие гостей, я заканчивал ужинать. Я врубил музыку на полную мощность и взобрался на крышу хижины.

Прибывших было пятеро. Я четко видел перемещающиеся красные точки на дисплее датчика. Они двинулись в лабиринт. Я наблюдал, как точки приближаются к лазерной ниточке. Точки замерли. Конечно, господа, конечно! Никто не сомневался в ваших способностях! А вернее, в способностях ваших датчиков. Обезвредить нить не трудно. Тем более, что она ничего не активирует. Вот только кто ж знал, что остановка на этом месте накапливает тяжесть на основании педали, которая активирует падение тяжелого контейнера сверху? Упс! Конечно он просто съехал, возможно, даже случайно, но одной точкой стало меньше.

Четыре точки двигались дальше. Снова лазерная ниточка. Решили обойти? Умное решение. А вот провалиться в яму с кислотой — глупо. Право слово, как дети! Кроме оружия и живых существ есть и другие опасности. Жаль, лабиринт узкий и бак с кислотой я успел найти только один. А то бы уже праздновал победу.

Три точки почти дошли до нужного поворота, но теперь они двигались гораздо медленнее. Это хорошо. И даже замечательно. Гурты не любят быстро бегать. Я нажал рычаг, активирующий дверцу клетки. На дистанционное устройство я спустил половину всех аккумуляторов. Другую половину — на отражатель, который защищает обитателей клетки от датчиков.

Конечно, бедных животных перебили, когда сообразили что к чему. Но и они в долгу не остались. Мешанина точек постепенно утряслась и я с удовлетворением отметил, что их осталось две.

Я отложил датчик, который мне больше не понадобится. Гости пожаловали на двор. Они сразу увидели светящиеся места мин и замерли, глядя на них.

Я встал и с крыши хижины весело произнёс:

— Ну что, добрались?

Оба подняли головы и уставились на меня.

— Молодцы, справились! И спасибо за катер, — быстро сказал я и выстрелил одновременно двумя пушками каждому в лоб.

Певец по имени Фредди пел о том, что мы чемпионы. Я раскинул руки с пушками в стороны, и, глядя на звёзды, подпевал в небо во весь голос. Казалось, потрясающий вокал Фредди разносится на всю вселенную. Но главное, он ведь был чертовски прав!

***

Подумать только, с момента моего появления на Лего-2 прошел целый год. Я знал, что Роз откажется улетать. Но всё-таки до последнего надеялся, что он передумает. Мы стояли у катера.

— Даже не пытайся, — сказал он. — Ты же знаешь, мой дом тут.

Мы обнялись.

Я уже развернулся, чтобы подняться в катер.

— Погоди, — сказал Роз. — Вот, возьми.

Он сунул мне в руку какой-то предмет. Я развернул ладонь и увидел, что на ней, поблёскивая тёмными гранями, лежит инфокубик. Я поднял глаза на Роза.

— Мне он не нужен, — улыбнулся он.

От удивления я не сразу сообразил, что к чему:

— Но разве ты...

— Я не отдал ей кубик. Ну, подумаешь, паралитик. Ха! Напутала, — засмеялся Роз. — Она быстро поняла, что я не отдам. Среагировала мгновенно, кольнула меня и смылась.

Я переваривал услышанное.

— Так, значит, вот зачем прилетали сюда ублюдки?

— Думаю, да. Большие деньги, которые не используются много лет, в конечном итоге вызовут интерес. Особенно, если смерть владельца не зафиксирована, а сам владелец исчез. Такую информацию несложно купить. На такую информацию всегда найдутся желающие.

Я отрицательно замотал головой:

— Я не могу принять такой подарок.

— Тогда сделай мне одолжение, — сказал Роз. — Забери его, потому что я не хочу, чтобы сюда еще кто-нибудь нагрнул.

***

Никогда не думал, что в мире полного изобилия так трудно раздобыть простую землю. Не специально модифицированный грунт, из которого растет заготовка унифрукта, а ту самую обыкновенную черную землю. Но деньги решают многие проблемы. Я заказал чернозём с далёкой планеты-фабрики, где из него и производят модифицированный грунт.

На крыше своего особняка я разбил сад, где выращиваю овощи и цветы из семян с Лего-2. Особенно красивыми выросли розы цвета фуксии.

Алику я нашел без труда. Она даже не поменяла место жительства. Думаю, если бы я не устроил встречу первым, она рано или поздно сделала бы это сама, ведь я миллионер. Напа «случайная» встреча получилась очень романтической. Мастерский грим сделал своё дело, и Алика, конечно, не узнала меня.

Романтический ужин удался на славу. Как блестели её глаза, когда я сказал, что она мне очень нравится. Она так растрогалась, что пригласила меня на ночную прогулку на её катере. Отказаться провести ночь среди первозданных деревьев с такой женщиной? Я не сумасшедший, чтобы отказываться!

Мы, держась за руки, спускались с катера вечернюю прохладу, Алика прижимала к себе розу цвета фуксии, и вдруг резко остановилась. Я медленно повернулся к ней.

Она держала цветок, что я подарил, на вытянутой руке, и в упор смотрела мне в глаза. Серая сталь раскосых глаз обдавала холодом, но меня это не волновало.

— Отдавай кубик, — жестко сказала она.

Я улыбнулся:

— Боюсь, тут он тебе не пригодится. Ведь так, мусорщица?

В её глазах отобразилась целая гамма чувств. Сначала удивление, потом... она меня узнала. Удивление сменилось ужасом. Её лицо перекошилось, и кончик розы ужалил меня в лоб.

Я засмеялся.

— Роза — чудесный цветок. Его дарят любимым девушкам. Но я никогда не понимал, зачем любимым девушкам нужно защищаться.

Я оттолкнул её и зашагал к катеру. У входа я обернулся и крикнул:
— Передавай привет Розу! Скажи, это подарок от меня.

Последнее что я увидел перед тем, как закрылся шлюз катера — полные удивления глаза Алики.

***

Я открыл магазин простых вещей. Пришлось декларировать его, как лавку старинных сувениров, преодолевать кучу препон, и заплатить внушительные суммы налогов за бизнес «непрогрессивного направления». Впрочем, на это посмотрели как на прихоть сумасшедшего миллионера, и в итоге дали разрешение.

Думаю, Роз не прав. Люди не разучились ценить простую красоту. Наверное, захлебнувшись свободой предельного комфорта, мы на время забыли обо всём остальном. Но только на время!

Звякнул дверной колокольчик, и я посмотрел на часы на стене. Ровно девять. Я, поднялся с кресла и пошел открывать первому посетителю.

Апрель 2010

МАЙК ГЕЛПРИН, ДЖУЛИЯ ЛЭМБЕРТ

НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ

*Его превосходительству Клименту,
верховному принципалу межземельной Ассамблеи охраны таланта,
от полевого агента Стреца, резидента Ассамблеи на Земле-12.*

Докладная записка

Ваше превосходительство! Настоящим сообщая, что курируемый мною абориген, известный как Музыкант и классифицированный как носитель таланта высшей категории, арестован по сфабрикованному властями обвинению в шпионаже и осуждён на десять лет исправительных работ в лагерях.

В связи с вышеизложенным и согласно профильной программе Ассамблеи по охране таланта, прошу вашего позволения на инициацию экстренной спасательной операции по плану В-прим.

*Полевому агенту Стрецу,
резиденту межземельной Ассамблеи охраны таланта на Земле-12,
от верховного принципала Ассамблеи Клименту.*

Распоряжение

Настоящим ратифицирую экстренную спасательную операцию по плану В-прим. Приказываю аборигена, известного как Музыкант, изъять и доставить в реабилитационный центр «Вдохновение» на Земле-22.

Приказываю обеспечить носителю таланта обращение и уход по категории А-зеро.

*Его превосходительству Клименту,
верховному принципалу межземельной Ассамблеи охраны таланта,
от полевого агента Стреца, резидента Ассамблеи на Земле-12.*

Докладная записка

Ваше превосходительство! Настоящим сообщая, что спасательная операция успешно завершена. Однако при её проведении возникли осложнения, связанные с идентификацией объекта. В результате, по причине недостатка оперативной информации и в условиях дефицита времени, полевой группой изъято два индивида, каждый из которых называет

себя Музыкантом. Оба индивида доставлены в реабилитационный центр «Вдохновение» на Земле-22.

Марина рассеяно брела по дорожке, усыпанной мелким песком. Тянула носочек, как солдат на параде, время от времени сдувала со лба густую чёлку. Поодаль белело куском сахара пятиэтажное здание пансиона, впереди маячила белая же стена, опоясывающая парк. Фиолетовые папоротники, высокие деревья с зелеными листьями и развесистые кусты с листьями цвета индиго — краски перетекали друг в друга, смешивались. Слева от здания пансиона — гладкая круглая площадка, справа — сейчас Марине его не было видно — пруд, в котором плавали утки. На дорожку свисали ветви синелистого кустарника, похожего на оританскую ильху. Сходство это... Иногда Марина его не замечала, а иногда так оно отзывалось, такая накатывала тоска по дому, что хоть пальцы грызи.

В пансионе — Марина так и не привыкла к слову «санаторий» — было все, чего только душа пожелает. И со вкусом убранные комнаты, и обширная библиотека, и отменная кухня. Для желающих развлечься — игры, синематограф, спортивные площадки. Да и общество не оставляло желать лучшего — населяли пансион литераторы, музыканты, ученые, актеры.

Как ни странно, прислуги здесь не было. То есть, совсем не было. Ни одного человека. Тем не менее, сама собой появлялась чистая одежда — причем любая, достаточно было только представить желаемое; возникала ниоткуда пища на столах; порядок в комнатах наводился по мановению невидимой руки. Первое время Марина удивлялась этому, ёжилась тревожно, а затем свыклась.

Итак, в пансионе было комфортно и покойно. Живи, казалось бы, да радуйся, твори, пиши, совершенствуйся. Ан нет...

Марина перевела взгляд на круглую площадку, куда приземлялись диковинные машины, привозившие в пансион новых обитателей. Сейчас одна такая возвышалась на гладком покрытии. Около машины — видимо, они только выбрались из нее — стояли двое мужчин, одетых в форму Ассамблеи, и двое в обычной одежде.

Марина вгляделась. Один — тонкий, как струна, и как струна же напряженный брюнет, чуть-чуть сутулый. Второй — тоже брюнет, худощавый, резкий в движениях. Если в первом сразу же угадывался человек интеллигентный и творческий — «своих» Марина узнавала за версту — то второй изрядно её озадачил. Может, актер в образе?..

Чудны дела твои, господи. В креста и в бога, в натуре, век воли не видать, аминь.

Как меня с нар сдёрнули, это посреди ночи-то, да поволокли в кумовскую, я враз выкупил — запоганили мусора подлянку, не иначе. Они, суки, до гнилых дел мастера, как честному урке дело сшить — завсегда пожалуй-

ста. Получи, бродяга, по рогам, четыре сбоку, и спасибо товарищу Сталину за наше счастливое дальше забыл.

Заталкивают меня в кумовскую, значит, а там уже хипеш такой, что прощай, мама. Сам кум сидит за столом с видухой такой, будто его только что отмудохали. И два дубака в дверях, при погонах и при пушках, рожи красные, видно, за ворот ещё вчера залили. А при них какой-то хмырь, плесень болотная, задрот, и вся троица на меня пялятся.

— Чего вылупились? — вежливо так спрашиваю. — Не хрен на меня шпифты пялить, я ваши понты в гробу видел.

Ничего мне не ответили, а тот дубак, у которого рожа покрасней, куму и говорит:

— И этот тоже Музыкант?

— Что значит «тоже», долдон? — спрашиваю и чувствую, уже нервничать начинаю. А когда я нервный, любая лагерная перхоть скажет — лучше со мной не связаться. — Это баба твоя «тоже», — говорю, — а Музыкант на зоне один.

Нет, как вам это нравится, а?! Фраера позорные. «Тоже», мля. У меня погнало козырное, второго такого на весь Союз грёбанных республик нету. Бродяги им меня наградили за то, что на блатной музыке лучше меня хрен кто разбазаривает.

— И этот Музыкант, — кум говорит. — Вам какой нужен-то?

Дубаки краснорожие, мать их в Кутаиси, репы чесать не стали.

— Обоих берём, — говорят, на, мол, тебе расписку.

Ну, а дальше такое началось, что хоть свисти, хоть рóман тискай. Берут меня под руки белые и вместе с тем, с задротом — в чёрный воронок. А из него — в железную хрень, смахивающую на квадратную жопу. Я сколько лет землю топчу, такого не видывал — железная жопа возьми в натуре и взлети. Хотите верьте, хотите плюньте, но любая шмара на малине вам скажет — Музыкант порожняк гнать не станет. Всё равно не верите? А я забожусь, на гада. Гадом буду, падлой последней, век воли не видать.

На следующее утро Марина проснулась поздно. Она, в который раз, полночи подбирала слова, которые не шли ни в голову, ни на пальцы, приходила в отчаяние от собственной немоты, рвала бумагу — всё без толку.

Наутро бумажных ключев, усеявших стол, уже не было, в комнате царил идеальный порядок. Солнце — призрачней и золотистей, чем дома — покойно светило на жемчужно-сером небе. Марина пожелала голубое платье и отправилась умываться.

Спускаясь к завтраку, она столкнулась на лестнице с прибывшим вчера актером. Тот стоял на площадке и беззастенчиво разглядывал девушку. Марине даже неловко стало за своё короткое — чуть прикрывающее колени — платье.

— Здорово, сестрёнка. Мазу держу, что ты здесь козырная бикса.

— Здравствуйте. Вы не устали от сценического образа?

— Чего?..

— Может, хватит изображать мазурика? Разговаривайте нормально.

Актер ничего не ответил, только присвистнул вслед.

В столовой почти никого не было: только пани Зборовская — старожилка пансионата, она, кажется, обитала здесь лет сорок — и второй из прибывших вчера мужчин.

— Здравствуйте.

— Мариночка, душенька, добрый день. Я как раз сейчас рассказываю Сашеньке, в какое чудное, чудное место мы все попали, — защебетала пани Зборовская, позвякивая массивными серьгами.

Сашенька выглядел растерянным.

— Да-да-да, совершенно чудный пансион, специально для нас, для творцов, властителей дум и душ... — продолжала пани Зборовская.

Дальше Марина не прислушивалась. Она и так знала: сначала пани будет говорить о прелестях жизни в пансионе, потом вскользь спросит Сашеньку о его творческих планах, а затем станет долго и со вкусом рассказывать о гениальной сюите, которую напишет, когда достаточно отдохнет от пережитых лишений.

Да, пани Зборовской — как, впрочем, и всем жильцам пансионата — досталось на родине: ее вытащили из гетто, где композиторша умирала от голода. Художника Рэндома вызволили из лечебницы для душевнобольных, поэта Байоси едва ли не с костра сняли.

На следующий день Марина вышла на террасу и с неудовольствием обнаружила там нахального актера. Он развалился небрежно в шезлонге и перелистывал какой-то альбом.

— Присаживайся, сестрёнка, в ногах правды нет, — бодро заявил актер.

Вот же какие дела на свете божьем бывают. Живёшь себе, в хрен не дуешь, и вдруг тебя раз — и в дамки. Нет, поначалу я думал, что в блудняк угодил. Что сварили для меня мусора червивый компот. Но потом пригляделся, принюхался, хрен к носу прикинул и вижу — мать честная, да это же натурально рай на земле. Ни тебе нар, ни колючки, ни запретки, ни поверок, ни шмонов. Хавка такая, что самым козырным фармазонам, которые из кабаков не вылезают, даже не снилась. А главное — мусоров нету, ни одной гниды в погонах. Вот же счастье-то уркагану привалило за все его мучения горькие да страдания тяжкие от грёбаной советской власти.

Хата у меня барская. Вместо шконки — натуральная кровать, простынь белая, чистая, муха не сидела. Вместо парашки — унитаз. Ни решётки на окнах, ни глазка на дверях. Хавку не шныри носят, а сама собой появляется. Только подумаешь про неё, оглянёшься, а вот она уже, сама чуть не в рот лезет. Благодать, да и только.

В общем, огляделся я мало-мало, оклемался, да и потопал с новыми корешами знакомиться. Вот тут-то запутка и вышла, тут-то я и заскучал. К

кому ни подкатишь — вместо «здрасьте» рыло воротят, будто не козырный жулик закентоваться желает, а какой-нибудь чушкарь задроченный.

А чернявый один — тот меня натурально из себя вывел. Подваливаю к нему, вежливо так здороваюсь, называюсь, как людям положено, мол, Музыкант, статьи сто пятьдесят восьмая да сто пятьдесят девятая, пять лет без права переписки и пять по рогам. А он, гнида позорная, заместо того, чтобы назваться да статьи обсказать, глядит на меня как на фраера и знай, трендит что-то, и слова вроде знакомые, а не понять ни хрена.

— Ты что же, баклан, — говорю, — мне метёшь? У тебя что, котелок подтекает?

Тут он возьми да и повернись ко мне спинякой, будто к опущенному, с которым и базарить запаadlo. И потопал себе. Как я ему в портрет не накатил, как удержался — сам не знаю.

Короче, повертелся я ещё чутка, расклады поприкидывал, да и выкупил. Косяка мусора упорол. Зона-то не для блатных, а для политических, а меня сюда по запарке сунули, не иначе. А раз так, то нечего совком щёлкать, пользоваться надо, пока они не прочухались.

И только я намылился у одного штымпа котлы с руки свинтить, козырные котлы такие, на барахолке любой барыга за них три червонца как с куста отдаст, как гляжу — плывёт ко мне шикарная маруха. Я едва не охренел, нет, ну полностью в моём вкусе, гадам буду. Портрет морды — хоть иконы пиши, а фигурка — так вообще хоть застрелись, хоть зарежься.

— Здророво, — говорю, — сестрёнка. Мазу держу, что ты здесь козырная бикса.

Тут-то она меня и огорошила. Ты, мол, говорит, подвязывай себя за блатного мазурика выдавать и ваньку не валяй, видали мы, дескать, таких актёров. Сказала, кормой вильнула и пошла себе, а я стою дурак дураком, будто последний фраер.

Ночью долго уснуть не мог, всё о той шмаре думал. И чем больше думал, тем больше в заморочках путался. По всему видать, она меня за клоуна приняла, а не за серьёзного человека при делах и авторитете. И так меня за живое это взяло, так проняло, что решил я завтра же к этой марухе подкатиться и что к чему разобраться. С тем и заснул.

Наутро шнифты продрал, из хаты вылез, смотрю — кресло стоит, будто в Сочи на пляжу. Уселся я, как король на именинах, и только о той шмаре подумал, как гляжу — пылит она ко мне личной персоной.

— Присаживайся, — говорю, — сестрёнка, в ногах правды нет. Я — Музыкант.

— Надо же, я думала — актёр. А имя у вас есть, музыкант?

— Есть, Виталей зовут, только по имени редко кто кличет.

— Очень приятно, Виталий. А меня — Мариной.

— Козырное имечко.

— Послушайте, Виталий, — эта Марина мне говорит. — Не знаю,

из какого вы мира, но не могли бы вы выразаться на приличном языке? Без жаргонизмов.

Вот тут-то я и вовсе охренел. Выразаться по-благородному я, конечно, могу — дурное дело нехитрое. Только что значит «из какого мира»...

— Я из Москвы, — говорю, — Марина. Коренной москвич, правда, сейчас без права проживания.

— Москва — это в какой стране?

— Что значит в какой? Москва одна, столица Советского Союза.

— Какого союза?

Мать моя женищина, я едва со стула не гребанулся. Какого, мля, союза, можно подумать, их много. В общем, тут такое началось, такую туфту она прогнала, что у меня едва крышу не снесло.

— Что ж, — говорю, — и коммунистической партии у вас нет?

— Нету.

— И великого вождя и учителя товарища Сталина, чтоб он сдох, нет?

Нету, говорит, никакого Сталина. Вместо него — Великий князь Рафаил, тоже та ещё сволочь. Ни трудодней нет, ни колхозов, ни партии, ни строительства коммунизма.

— Может, у вас и преступности тоже нет? — спрашиваю. — И законов нет?

— Есть преступность, — Марина отвечает, а сама какая-то кислая вся. — И законы, к сожалению, тоже есть.

— Ну, слава богу, — говорю, — хоть что-то у вас есть. Законы наши, правда, в гробу я видал. У честного уркагана три закона, по которым он живёт. Не верь, не бойся, не проси, вот и вся библия.

*Его превосходительству Клименту,
верховному принципалу межземельной Ассамблеи охраны таланта,
от принципала реабилитационного центра «Вдохновение» Пелеца.*

Докладная записка

Ваше превосходительство! Настоящим сообщаю, что доставленный вчера индивид, называющий себя Музыкантом, носителем таланта не является. Согласно поступившей информации, за носителя таланта выдаёт себя некто Голиков Виталий Юрьевич, уголовник-рецидивист, осуждённый к пяти годам лишения свободы за кражи, разбой и мошенничество. Прошу санкций на изъятие Голикова и доставку его по прежнему месту нахождения на Земле-12.

*Принципалу реабилитационного центра «Вдохновение» Пелецу,
от верховного принципала Ассамблеи Клименту.*

Распоряжение

В санкциях отказываю. Фонды Ассамблеи предназначены исключительно для охраны таланта, расходовать их на профилактику криминальных преступлений считаю нецелесообразным. Приказываю взять Голикова под

наблюдение и контроль по разряду Д-прим. В случае проявления опасности для окружающих — уничтожить.

Марина вздрогнула. Не верь, не бойся, не проси... Откуда он знает?

Откуда?! Перед глазами сами собой поплыли — отчего-то со стороны, как на экране синемаатографа — картины былого. Вот она мечется по комнате — дома, на Оритане — грызет карандаш, а потом садится к столу и пишет, пишет, пишет... Вот она показывает стопку листов Яцеку, а тот восхищенно округляет глаза, и немного погодя просит: «Дай почитать»... А вот за ней приходят...

Великий Князь Рафаил, правитель Оритана, полагал, что под контролем нужно держать все, все абсолютно. В том числе и искусство — чтобы ни словом, ни аккордом, ни мазком не выражали даже намека на недовольство. Тех же, кто пытался «чересчур самовыражнуться», гноили в тюрьмах — уже двадцать лет, что у власти был Рафаил. Оставалось либо не творить ничего, выходящего за рамки дозволенного, либо скрываться — писать в стол, рисовать в альбом и показывать то, что получалось, только самым близким, тем, кто не настроит донос в исполнительный отдел при Министерстве цензуры.

Марина работала журналисткой — писала статьи для правительственной газеты, бравурные отчеты о достижениях строителей великой цивилизации. А по ночам тоже писала — роман. Правдивый, без ретуши, но совершенно безумный — о мечте. «Не верь, не бойся, не проси» — так Марина решила его назвать. Она строчила, перечеркивала и правила, и стопка заполненных убористым почерком листов росла.

А потом Марина проговорила. Вернее, поделилась замыслом романа с женихом. С кем еще делиться, как не с самым близким? Яцек пришел в восторг. Замысел он назвал гениальным, героя — молодого бунтаря — идеальным, а потом попросил рукопись — почитать. И, конечно же, Марина не отказала жениху. Она вручила ему упакованную в плотный конверт стопку бумаги и шепнула для проформы: «Только никому!». Следующей ночью за ней пришли — Министерство цензуры, исполнительный отдел.

Маринины раздумья прервал Виталий.

— Что скукислась, сестрёнка? Или сказанул не то?

— Нет-нет, Виталий, вы ничего лишнего не сказали, просто я... просто книгу одну вспомнила.

— И чего?

— А ничего. Я ее дописать не могу. И не смогу, наверное.

Месячишко просквозил, за ним другой. Пообвыкся я в этой хате, туда-сюда прошнырял, входы-выходы разнохал, с людьми побалакал, авторитету поднакопил. А что: бывалый человек, у которого котелок варит, где хошь в уважухе, хоть на зоне, хоть на курорте.

К одному тут подваливаю, к задохлику, который ходит, будто гвоздя проглотил да себе под нос всякую хрень бубнит. Ну, как положено, спрашиваю: кто такой, есть ли заморочки или, может быть, непонятки.

— Понимаете, Виталий, — он говорит, — строфа не складывается. Сколько уже с ней бьюсь, и всё без толку. Вот послушайте: «Позор тиранам, палачам! Позор кровавой диктатуре!» А дальше никак. Может, подскажите?

Что ж не подсказать, раз человек просит.

— Так не чесать пустой кочан, а когти надо рвать, в натуре, — говорю.
— Чего, по нормальку вышло?

Обрадовался он, будто дачку с воли прислали, и давай мельтешить, весь на спасибой изошёл.

В общем, вроде и по понятиям всё, и жить бы можно, да такая штука-вина со мной случилась, даже сказать запаadlo. Короче, втюрился я как последний фраер, такие дела. По самые рога втюрился, хоть, мля, стишки строчи про любовь. Ночами спать перестал, с лица взбледнул и даже похудел, скоро сам на задрота похож буду, на замудчивого. А чего делать — не знаю. Была бы то маруха с Сухаревки или там Марьиной рощи, подкатил бы вежливо так, да и спросил: «как, мол, мадамочка, насчёт пупками потереться?»

Только у Марины такое не спросишь. Вот же непруха — угораздило, так угораздило. Не просто приличная дамочка, а писательница, да такая, куда там лагерным трепачам-романистам. А от названия того романа, что она сочиняет, у меня мурашки по коже. «Не верь, не бойся, не проси» — мои слова, я по этим трём заповедям, считай, жизнь прожил. На нож за них лез и на толковище мазу держал. Не верь никому, урка, кроме блатного друга — любой ни за понюх табаку продаст. Не бойся, лучше сдохнуть, чем прогнуться, с покойника спросу нету, а с бздиловатого — тройной. И не проси, не унижайся, перед властью не лебези, то, что твоё, бери сам.

Короче, прокантовался я как дерьмо в параше неделю, за ней другую. А как третья пошла — всё, чувствую, нет сил больше, кончились. Спалился духовой жиган Музыкант, вяжите меня тёпленького. Прикинул я хрен к носу, да и решил — надо идти сдаваться. Скажу ей как есть, как на духу, а дальше будь, что будет.

Марина затревожилась с новой силой после того, как рассказала о романе Виталию. Он не говорил «идеально» и «гениально», а просто пришел в восторг — как мальчишка. Марина видела, как загорелись глаза Музыканта, когда тот услышал название романа.

— Ну, ты и закрутила! Козырный ход! — восхитился он, ознакомившись с фабулой. И затем спросил:

— Мне почитаешь?

— Вслух? — удивилась Марина.

— Ну, а как ещё?

Марина согласилась, не раздумывая — этот странный Музыкант из Москвы вызывал у нее безотчетное доверие. По вечерам они устраивались на диванчике в угловой гостиной — туда почти никто не заходил, а вот Марина любила кофейно-бежевый уют этой маленькой комнаты — и читали. Виталий жадно слушал, а когда Марина заканчивала главу, комментировал, переспрашивал, хвалил. Они разговаривали о Москве, Оритане да и просто обо всем. Чем лучше Марина узнавала Виталия, тем больше удивлялась — до чего он похож на главного героя ее романа. Как будто тот с Музыканта был списан!

Так прошли две недели, а потом рукопись закончилась.

— Вот и все, — сказала Марина, закрыв последнюю — недописанную — страницу.

— Как — все? На самом же охренительном месте оборвалось...

— Так. Всё... Не дописала и не допишу уже.

— Почему?

— Здесь не могу, здесь никто ничего не дописывает. Слишком тихо в этом пансионе.

— А если не здесь?

— А где же, Виталий? Отсюда я могу только вернуться на Оритан.

С того вечера Марина потеряла покой окончательно. Ей казалось, что она должна — нет, обязана! — дописать роман. Почему, зачем? Этого Марина не могла толком объяснить даже самой себе.

Теперь ночи напролет она то металась по комнате, натыкаясь на мебель, то сидела над чистым листом — пыталась уловить нужное слово, за которым начнет разматываться клубок остальных, невысказанных.

Бесполезно. Ни слова. «Голяк», — сказал бы Виталий.

В конце концов, Марина решилась. Она высидела час в приемной, разглаживая пальцем ворсинки серого плюша на подлокотнике кресла, и была допущена в начальственный кабинет.

Принципал Пелец блеснул выпуклыми серыми глазами и лысиной. Он скептически глянул на Марину, поджав губы.

— С каким архиважным вопросом вы пришли, госпожа Валеvская?

— Я... Я хочу вернуться, — поспешно выдохнула Марина.

— Куда вернуться? — уже более заинтересованно спросил Пелец.

— На Оритан.

— Куда?!

— Домой. На Оритан, — все было сказано, и не о чем стало волноваться, поэтому Марина отвечала спокойно — как выученный урок.

Зато принципал вскинулся. Объяснял, увещевал, ругался, махал руками и даже опрокинул стакан с водой. Лужа в считанные секунды исчезла со стола, будто ее и не было.

— Так вы окончательно решили, госпожа Валеvская? — устало спросил Пелец.

— Окончательно.

— Что ж, тогда завтра отправим вас. На Оритан, это же надо...

Марина аккуратно прикрыла за собой дверь кабинета. Теперь — прощаться с Виталием. На ловца и зверь — Музыкант встретился ей у двери в угловую гостиную, нарядный и взволнованный.

В общем, вырядился я как на концерт с тромбонами. Клифт приталенный, в рюмочку, нацепил. Шкары шпикарные, расклёпанные, натянул. Костыли в птблеты лакированные сунул, не то что в какие-нибудь там говнодавы. Даже удавку повязать намылился, только не вышло ни хрена, ну, да старуха-пани подсобила.

— Ой, — пищит, — Виталик, голубчик, вы выглядите как настоящий жених.

— Как чёрт с рогами я выгляжу, — говорю. — Пожелай мне, мамаша Зборовская, удачи, очень она мне сегодня понадобится.

Сплёнул я на фарт три раза, да и потопал к своей ненаглядной. И только совок раскрыл, чтобы обсказать всё как есть, а тут мне она и говорит:

— Давайте попрощаемся, Виталий. Я рада, что знакома с вами, вы хороший человек, настоящий. Мы с вами видимся последний день, завтра я возвращаюсь обратно.

Я как услышал, так и сел на жопу.

— Ты что, — говорю, — Мариночка, с катушек свинтила, что ли? Куда возвращаешься — к Рафаилу? К этому козлу, который гнидосней товарища Сталина, к бесу этому позорному?

— Да, — отвечает, — туда. В свой мир, в Оритан. В то же место и ту же временную точку, из которых меня вытащили сотрудники Ассамблеи. Завтра они за мной сюда приедут. Или прилетят, не знаю, как они перемещаются между мирами.

Грохнулся я как был, на колени.

— Христом богом прошу, — сказал. — Не улетай никуда. Они же тебя там уруют.

Ничего она не сказала, повернулась и пошла себе.

— Не делай этого! — заорал я ей в спину. — Прощу, не делай! Богом, всем святым прошу, не дела-а-ай!

Так хреново мне стало, так погано, что хоть пойди и зарежься. Только резаться я не стал. Посидел, мозгой попурупил, и что мне теперь делать к ночи уже знал.

Следующим утром Марина стояла в холле, пока к ней не подошли два сотрудника Ассамблеи.

— Следуйте за нами, госпожа Валевская.

Утро выдалось хмурым — дождь моросил, не переставая, поблекли фиолетовые и синие краски. На площадке, куда приземлялись дикихвинные машины, Марине показалось, что за спинами сотрудников Ассамблеи мелькнула тень.

— Пройдите в модуль, госпожа Валевская.

Модуль — это та самая машина, поняла Марина. Она поднялась по ступенькам и шагнула в проем. Ей указали на сиденье, пристегнули ремнем и вежливо предупредили: «Чтобы не трясло». Марина закрыла глаза. Не думалось ни о чем, не тревожилось. Вскоре модуль завибрировал — равномерно и успокаивающе. Марина не заметила, как уснула.

— Просыпайтесь, госпожа Валевская, — тронули ее за плечо. — Пора.

Пора, так пора. Ремень отстегнули, и Марина встала на ноги. Неслышно убралась перегородка. Марина зажмурилась на несколько секунд, а потом открыла глаза, выдохнула и шагнула к выходу. И в этот момент за спиной у нее раздался крик.

Дубаки из Ассамблеи как меня увидали, охренели оба. И я их понимаю — охренеешь, когда у тебя из-за спиняки вылезает такой чёрт. У которого два побега за горбом и дюжина мусорских погонь. В общем, церемоний я разводить не стал, извинился да накатил одному по жбану, а второму в пятак. Волюны прибрал и покинул место преступления, то есть железную хрень, смахивающую на квадратную жопу. И только оттуда выбрался, смотрю, ещё два дубака, только другие. Форма такая, которую я отродясь не видал, а вместе того погонов какие-то серые нитки, как у старой шляхи причёска.

Гнать не стану — я на что человек спокойный и рассудительный, враз занервничал. Потому что дубаки эти, пупки позорные, на мою Марину кандалы надевали. А дальше всё само собой вышло, они и дёрнуться не успели, завалил я обоих, взял грех на душу.

— Ну, — говорю, — где эта сволочь Яцек? Мне семь бед — один ответ. Я его, гада, из-под земли вырою.

*Его превосходительству Клименту,
верховному принципалу межземельной Ассамблеи охраны таланта,
от полевого агента Вельца, резидента Ассамблеи на Земле-4.*

Докладная записка

Ваше превосходительство! Настоящим сообщая, что аборигену с Земли-12, известному как Музыкант, удалось избавиться от контроля и проникнуть на транспортный модуль Ассамблеи. На борту Музыкант обезоружил сотрудников, после чего высадился на Землю-4, на местном наречии Оритан, где совершил двойное убийство и тем воспрепятствовал аресту Марины Валевской, носителя таланта высшей категории. В настоящий момент Музыкант, согласно его собственному заявлению, собирается физически уничтожить жениха Марины Валевской Яна Смоляка. Во избежание связанных с пребыванием Музыканта на Земле-4 временных коллизий и парадоксов, прошу разрешения на инициацию экстренной операции по его устранению.

*Полевому агенту Вельму,
резиденту межземельной Ассамблеи охраны таланта на Земле-4,
от верховного принцепала Ассамблеи Клименца.*

Распоряжение

Операцию не ратифицирую. Согласно уставу Ассамблеи и принципам охраны таланта, приказываю оказать аборигену с Земли-12, известному как Музыкант, помощь и содействие по классу А-прим.

*Начальнику департамента по отбору кадров межземельной Ассамблеи
охраны таланта Ленцу,
от верховного принцепала Ассамблеи Клименца.*

Служебная записка

В ходе операции по спасению носителя таланта высшей категории абориген с Земли-12, известный, как Музыкант, продемонстрировал личные качества, присущие ведущим сотрудникам Ассамблеи. Настоящим предлагаю привлечь означенного Музыканта в ряды Ассамблеи на должность полевого агента на Земле-4 с присвоением оперативного псевдонима Спец. В случае согласия вменить Спецу в обязанности кураторство над носителем таланта высшей категории Мариной Валевской.

Если вы, кореша мои да подельнички, думаете, что эта история о том, как я ссучился и снюхался с лягавыми, вы жестоко ошибаетесь и очень не правы.

Хотя мусором, по большому счёту, я стал, но погоны носить один хрен отказался, потому что запахло. Бугор поерепенился малость, но потом согласился: для ценного кадра, сказал, можно сделать и исключение.

А так, если кто не понял — то был рассказ о любви. Этой, как её, несчастной. И ещё безответной, но вот какой есть.

ШУРА ГЛАЗУНОВА

МУЗА ПРОФЕССОРА БЕЛОЗУБОВА

Из переписки с автором:

— Уважаемая Шура!

Высылаю на литературную обработку фрагмент своих мемуаров. Надеюсь на выполнение заказа в кратчайшие сроки. Гарантирую своевременную оплату в любой удобной для Вас форме.

Искренне Ваш,

Проф. П. И. Завьялов, д.б.н., д.ф.н., лаур. Ноб. премии по биологии, физике и социологии, поч.член Всемирной АН, действ. глава Букфрусской АН, лектор БГУ и ряда др. вузов

— Дорогой Павел Игоревич!

Ваш заказ выполнен, после оплаты готова отправить текст в любой момент.

P.S. Ох и намучилась я с Вашим канцеляритом! Боюсь, выловила не всех блох (мошек?:)), но сроки поджимали.

С уважением,

Шура Глазунова

— Уважаемый Павел Игоревич!

Разрешите Вам напомнить, что прошел месяц, а моя работа еще не оплачена. Если Вы не свяжетесь со мной в ближайшие несколько дней, я буду считать текст своей интеллектуальной собственностью и распоряжусь им по собственному усмотрению.

С уважением и нетерпением,

Шура Глазунова

***

Фигуры в желтых комбинезонах выходили из камеры стерилизации и перенгой выстраивались перед зеленым человечком с планшетом.

— Антирадиационные капсулы все принял? — строго сдвинул брови профессор Белозубов, наш руководитель практики.

— Конечно, Анри Витальевич! — прощепетали на разные голоса девчонки. Я промолчал.

— К зачету все готовы? — продолжал задавать глупые вопросы профессор.

— Готовы! — хором ответили остальные, и я кивнул, чтобы не слишком выделяться.

Белозубов накинул зеленый капюшон, энергично развернулся на пятках и повел нас по короткому коридору в предбанник, соединяющий станцию с изолированным пространством Зоны.

Сейчас уже мало кто помнит подробности, но в начале эпохи атома эта местность подверглась радиоактивному заражению. Самые опасные для человека места закрыли кордоном. Правда, оказалось, что этого недостаточно: радиация невидима и людей не пугает. Когда трагедия начала забываться, леса и поля над Припятью превратились в место паломничества для любопытных. Тогда и было решено отгородить Зону от внешнего мира несколькими светопроницаемыми колпаками.

О причинах дальнейших событий специалисты спорят по сей день. То ли так сказалась изоляция, то ли радиоактивность может иметь куда более целенаправленный эффект, чем полагала наука — но флора закрытой Зоны начала бурно мутировать. При первых сбоях в пищевой цепочке погибли многие виды животных, а выжившие сменили специализацию. В результате образовался совершенно новый, уникальный биогеоценоз — рай для исследователей-биологов (и для некоторых студентов, которых отправляли в десятый корпус на практику, в качестве поощрения за успехи в учебе).

Успехи, ворчал я себе под нос. Что толку с этих оценок, если в группе пять девчонок и ни одна на меня даже не смотрит. Все, разинув рот, слушают Белозубова. Который, между прочим, ниже любой из них, а мне чуть ли не по пояс. «Ах, Анри Витальевич такой умница! Ах, он такой веселый!» Даже имя позерское, думал я и сверлил взглядом зеленую спину.

Я не был уверен, сработает мой сегодняшний план или нет. Когда стандартные приемы не помогают, надо сделать что-то необычное. Но оценит ли это Оля — сероглазая, светленькая, с аккуратным веснушчатым носиком? Ну, если не Оля, на крайний случай сойдет любая другая...

С чмоканьем открылась пневматическая дверь. Мы вышли в Зону.

Надо сказать, на статичных фотоснимках пейзажи Зоны практически неотличимы от обычной природы средней полосы: зеленая трава, тропинки, березки, заброшенные яблоневые сады, вдалеке темнеют зубцы елового леса. Но в реальном времени, в движении все совершенно иначе. А все потому, что случайная мутация вызвала у растений резкое повышение чувства самосохранения — и немыслимую мобильность. Ни одно растение, от сосны до последнего пырея, не стоит на месте! Все движется, колышется, ползает и прыгает, так что у непривычного наблюдателя даже голова может закружиться. Теперь представьте, какие адаптивные механизмы пришлось развить травоядным, чтобы не умереть от голода.

Белозубов остановился посреди тропинки, повернулся к нам. От его ботинок отползли подальше три розетки подорожника и один тысячелистник.

— Ну-с, кто первый? Квадрат Б-1?

— Это мой! — пискнула то ли Маша, то ли Даша. Мы все как раз подошли к столбу с табличкой «Б-1». — На моем участке за две недели регулярного наблюдения обнаружено...

Пискаявая Даша включила голографическую проекцию со своего планшета и продемонстрировала нам три миграции молодых кленов, пять хороводов тимофеевки и стычку бронированного крота с осотом (победил осот).

— Так, славно, — Белозубов сделал у себя пометку. — Пройдемте к Б-2.

Мы перешли на другую сторону тропы и придвинулись ближе к еловому лесу.

— Это мой участок, — вышла вперед Оля.

— Так, так! — Белозубов потер руки. Мне показалось, или его глаза по-особенному блеснули? Я стиснул челюсти и чуть не забыл, что надо слушать Олю.

—... чаще всего можжевельник и туя. Два раза проходила бродячая яблоня. А однажды — голос Оли торжествующе зазвенел — я наблюдала за охотой мини-зубра! — Она включила голограмму: зубр размером с дворняжку кидался на траву, а та огрызалась и отступала. — К сожалению, остатки убитой пастушьей сумки и ромашки быстро растащили падальщицы.

Ого, неплохо! Девчонки запушукались. Белозубов кивнул и сделал пометку у себя в планшете.

— Следующий.

— Я, Анри Витальевич! Студент пятого курса факультета биологии Букрусского государственного университета Павел Завьялов к вашим услугам! — Я отвесил шутовской поклон: терять было нечего.

Мы всей группой пошли к табличке «В-3», мимо настороженной компании можжевельных кустов.

На мой участок иногда наведывались ели и даже сосны, регулярно приходила насекомоядная крапива. Я включил голограмму, оттарабанил заученный текст отчета. А потом сделал эффектную паузу и...

— Что самое неожиданное, мне удалось вступить в контакт с новой цивилизацией! Дорогие коллеги, уважаемый Анри Витальевич! Именно здесь и именно сейчас вы познакомитесь, не побоюсь этого слова, с нашими братьями по разуму!

Я отступил в сторону и повел рукой, указывая на большой муравейник.

Девочки и Белозубов недоумевающе воззрились на меня.

— А вы подойдите поближе! — небрежно сказал я. Подошел к муравейнику сам и сдвинул верхнюю часть конуса, как крышку.

Вам не передать, сколько часов я трудился: выкуривал муравьев, скреплял клеевым спреем сыпучие иголки, расширял муравьиные ходы и мастерил для них бумажную игрушечную мебель. Даже одурманил несколько

насекомых капелькой снотворного (стащил из аптечки) и усадил за крошечные «компьютерные терминалы»!

Но мои усилия того стоили. Группа ахала, охала, рассматривала мельчайшие детали. А потом все захлопали в ладоши.

— Какие хорошенькие!

— Ой, а вдруг они вправду разумные?

— Ты что, дура?..

Тем временем Оля подошла ко мне; ее глаза сияли от смеха. За ней подскочила Даша, и вскоре меня обступили все девчонки.

— Папа, ну ты и выдумщик! Только мурашек жалко...

Я открыл было рот, чтобы сказать, что ни один муравей не погиб, и заодно намекнуть на другие свои достоинства. Но увидел Белозубова и осекся.

Тот сидел на корточках перед моей «братской цивилизацией». Брал в руки то стульчик, то кровать, рассеянно ставил на место. И что-то беззвучно шептал.

Практическая часть зачета на том и закончилась. Белозубов отправил всех на станцию, а сам остался возле муравейника.

Наутро я постучался в профессорскую лабораторию, напустив на себя вид полного раскаяния. Белозубов распахнул дверь. Волосы у него были всклокочены, глаза как-то странно горели. Неужели еще злитесь? На это я не рассчитывал.

— Анри Витальевич, я признаю, что это был дурацкий розыгрыш... — начал я.

Он не дал мне договорить, схватил за руку, затянул через порог.

— Завьялов! Заходите, заходите, вы мне как раз нужны!

— Анри Витальевич, я...

— Друг мой Павел, вы просто гений! Как вы догадались? — Он буквально подпрыгнул и потащил меня к терминалу.

Я ничего не понимал, но решил не слишком упираться.

— Павел, ваш, как вы говорите, «дурацкий розыгрыш» открыл мне глаза!

Он сдвинул видеодиск с надписью «Звездный путь-40» (мода на космические сериалы не проходила уже второй век), усадил меня перед столом и включил голографические слайды.

— Бродячие деревья? Вздор. Волки-мутанты? Старо. Бабочки-падалицы? Абсурд... Мы, ученые, так увлеклись изучением всяческих аномалий, что перестали смотреть себе под ноги!

С последнего слайда на меня уставилась огромная усатая морда муравья. Она шевелила жвалами — как мне показалось, с осуждением.

— Отныне, друг мой, — Белозубов серьезно посмотрел на меня, — отныне я посвящу себя исследованию самых малых из высокоорганизованных организмов Зоны. Особенно тех, кто не проявляет ярких признаков мутаций, как ваши приятели. Кто знает — быть может, они приспособились к новым условиям совсем иначе?

Он задумчиво закусил губу, почесал затылок.

— Предположим, смена поколений происходит чаще... Иерархия не такая жесткая...

Его глаза затуманились.

— Кхгм! — Я вежливо откашлялся. — Так что насчет зачета?

Чистая наука меня, если честно, не слишком интересовала.

***

Прошло несколько лет. Из студента-практиканта я превратился в ассистента на кафедре. Писал статью за статьей, к революционным прорывам не стремился: на таком карьере не сделаешь. О чудачковатом профессоре из Чернобыльской зоны совершенно не вспоминал. Пока на мой терминал не пришел видеовызов от — кого бы вы думали? — Ольги.

Мы с ней пару лет, кстати говоря, встречались. И, возможно, до сих пор остались бы вместе, если бы не один досадный инцидент с лаборанткой... Не буду углубляться в подробности, но сейчас она смотрела на меня лишь в виде голограммы, очень красивой и очень далекой.

И смеялась.

— Привет! Паш, я ненадолго, просто хочу поздравить контактера с новыми дружественными цивилизациями! Взялся за старое?

— Не п-п-понял...

— Да ладно тебе притворяться! В «Вестнике» вышла статья. Дрозодилы — с ума сойти!

Ольга еще раз хихикнула и выключила связь.

Я взялся за манипулятор и вызвал на экран свежий номер «Вестника чернобыльской биологии». Оглавление. Моя статья: «К вопросу о поддержании биологического гомеостаза в негерметичном светопроницаемом пространстве». Вряд ли она вызвала бы такую реакцию.

И тут из списка буквально выпрыгнуло еще одно название:

«DROSOPHILA MELANOGASTER ИЛИ DROSOPHILA SAPIENS: ПРОБЛЕМА КОНТАКТА». Авторы: А. В. Белозубов и... П. И. Завьялов!

Дрожащей рукой я нажал на название, открыл текст статьи. Чья-то дурацкая шутка? Да нет, вроде бы сегодня не первое апреля. Или, смешно сказать, профессор решил отомстить мне за тот розыгрыш трехлетней давности?

На экране высветились первые строчки:

«...на подготовительном этапе был произведен отсев большинства мутировавших видов из списка кандидатур. В результате область выбора сузилась до трех типов существ, не претерпевших в Зоне каких-либо внешних изменений: муравьи (первоначальная гипотеза одного из авторов), стрекозы нескольких видов, а также плодовые мушки-дрозодилы. Первые были исключены из дальнейших исследований по причине слишком жесткой иерархической системы, а также специализации, не способствующей развитию интеллекта. Вторые не удовлетворили

нашим критериям, напротив, как существа долгоживущие и сугубо необщественные. Очевидно, что внимание необходимо сосредоточить на *Drosophila melanogaster*: при средней продолжительности жизни в тридцать дней, т. е. достаточно частой смене поколений, эти неприхотливые насекомые не даром были любимцами древних генетиков. Наша гипотеза: в благоприятных условиях в результате случайных полезных мутаций у дрозофил вполне могли возникнуть зачатки интеллекта, а также простые общественные структуры».

Какой идиотский, sentimentalный, антинаучный бред. И я значусь его соавтором!

Снова пришел сигнал видеовызова. Наверняка еще какой-нибудь доброхот решил меня поздравить с «открытием». Я отключил все входящие и, сильно нажимая на клавиши, набрал номер станции Белозубова.

В лаборатории, конечно, его не оказалось. Наверняка где-то в Зоне, а портативный аппарат отключил или не взял.

Откладывать было некогда. Я хлопком в ладоши обесточил терминал, собрал все необходимое, поднялся на крышу и сел в аэромобиль.

Вскоре внизу показались гигантские серые бугры десяти черновыльских станций. Я посадил аэромобиль перед крайней справа, на площадку перед лабораторным зданием. Через пятнадцать минут я снова, как в старые добрые времена, стоял в защитном комбинезоне в камере стерилизации. Еще через пять минут чмокнула пневматическая дверь, и я оказался в Зоне.

Да, за три года кабинетной жизни я и забыл, что такое природа... Пусть даже такая сумасшедшая, как здесь. Я нагнулся к подорожнику, потрепал его за листочки. В этот раз он почему-то не спешил удирать.

— С-стой! Куда?! — послышался возмущенный вопль. — А-а-а!

Я поспешил вперед по тропинке. Хищники Зоны — что мини-зубры, что бронированные грызуны — на людей не охотились, так что мысль об осторожности у меня даже не мелькнула.

За поворотом мне открылась странная картина. Профессор Белозубов, лохматый и раскрасневшийся, в расхристанном зеленом комбинезоне, изо всех сил удерживал бродячую яблоню и пытался ее стреножить. Яблоня вырывалась.

— Помоги! Наступи ей на корни! — прохрипел он вместо приветствия.

Я секунду не знал, что делать. Потом подбежал к нему, наступил подошвами ботинок на узловатые, упругие корни. Одна ветка больно хлестнула меня по лицу, остальные бессильно скрипели и дрожали. По счастью, дерево попало молодое.

— Уф, все! Можно отпускать! — крикнул профессор. Он успел обмотать ствол яблони прочным полимерным тросом и закрепить оба конца на столбах с табличками.

Я отошел на несколько шагов. Яблоня замерла на натянутом тросе, мелко подрагивая.

— Ну, вот... — Профессор Белозубов перевел дух. — На ней с тех пор, как образовались завязи, живет крупная колония. Пытаюсь войти с ними в контакт — а как, если дерево пляшет туда-сюда? Сегодня вообще от рук отбилося.

Он кивнул за левое плечо, и я только сейчас заметил поваленный экран терминала, на котором лихорадочно высвечивались схемы, формулы и двоичные коды вперемешку с репродукциями картин великих мастеров.

— Смотри! — Профессор ткнул мне под нос странного вида клавиатуру. — Сделал даже сверхчувствительные кнопки, специально для них. Где там! Сидят на листьях, смотрят на меня и даже не чешутся! Смеются надо мной! Все смеются...

Он махнул рукой и понурился.

Был ведь нормальный человек. Руководил студентами, вел собственные исследования помаленьку... В тот момент я, конечно, не думал, что тут к чему-то причастен. Тысячи людей могут увидеть или услышать одно и то же, и лишь одного это натолкнет на идею. Вот угораздило меня устроить этот розыгрыш с муравейником — и что теперь, позор на всю жизнь?

— Профессор... Я как раз хотел с вами поговорить.

— С тобой! Папа, давай на ты! Ведь мы теперь коллеги. Более того, я тебе по гроб жизни благодарен... Ты ведь читал статью? Как раз должна была выйти. Я и тебя туда вписал, ты этого заслуживаешь. Настоящий прорыв, прав...

— Профессор! — почти крикнул я.

Он растерянно заморгал.

— Я приехал, чтобы заявить лично: я не хочу иметь ничего общего с вашим.... псевдонаучным шарлатанством. Пишите опровержение, фамилию мою отовсюду уберите. А то подам на вас в суд за клевету.

— Вот как... — прошептал Белозубов. — Папа, и ты с ними? Ты тоже мне не веришь?

— Профессор, ваша теория ненаучна.

— Но ты сам натолкнул меня на...

— Это была шутка!!! Вы же просто маньяк какой-то, вцепились в дурацкую идею и...

Я продолжал в том же духе, брызгая слюной и размахивая руками. Профессор поднял глаза на меня и вдруг начал пристально всматриваться в ворот и плечи моего комбинезона.

— Папа, а ну-ка повернись спиной.

От неожиданности я послушался.

— Господи!.. Сколько их на тебе! Понравился ты им, что ли? Стой, не шевелись! Попробую условные сигналы, пока они близко.

Спиной я ничего не видел, но по вибрации земли и сотрясению воздуха представлял себе, как Белозубов неуклюже скачет перед несколькими мошками, севшими на мой комбинезон. Имитирует танец пчел, наверное.

Профессор Белозубов сошел с ума.

И тут я вспомнил нечто такое, отчего весь похолодел и как-то сразу забыл и про мошек, и про безумного профессора.

Я стою посреди Зоны, неподалеку от остатков реактора, вдыхаю радиоактивную пыль — и так разошелся на Белозубова, что забыл принять антирадиационную капсулу!

— Павел! Ты куда?!..

— Забыл пилюлю! — бросил я через плечо и побежал. Нет, смертельную дозу за пару минут (да и за месяц) в Зоне не получить, но мало ли... Плевать на профессора и его проклятые статьи.

На станции я прошел стерилизацию и антирадиационную обработку и немного успокоился. Профессор возвращаться не спешил. Что ж, я сказал ему все, что хотел.

Оглядываясь назад, я до сих пор не могу понять, почему я, почему именно мои слова и поступки Белозубов воспринимал как откровение? Ведь каждый год через него проходили десятки студентов, ведь общался он иногда с коллегами. А монографии, а периодика? Нет, судьба — это действительно цепь странных и противоестественных случайностей.

И все же...

Впрочем, я забегаю вперед.

***

Профессор Белозубов все-таки опубликовал в «Вестнике» опровержение. Какое-то время надо мной еще подшучивали, но вскоре все забылось. На чудаковатого руководителя практики из десятого корпуса руководство давно махнуло рукой: пусть себе занимается своими прожектами, главное — в свободное от работы время.

А года через полтора в «Вестнике» начали появляться странные статьи:

«СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ DROSOPHILA SAPIENS»

«ЯЗЫК ДРОЗОФИЛ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ»

«УМОЗРИТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ В ИНСЕКТОИДНОМ СООБЩЕСТВЕ»

«ПОЭТИЧЕСКИЙ ЭПОС НАРОДА ДРОЗОФИЛ»

На последней статье терпение журнала, видимо, кончилось. В серьезные издания статьи Белозубова брать перестали, зато в «желтых» медиа начался настоящий ажиотаж.

Вскоре и дня не проходило без того, чтобы в сети не всплыло очередное «сенсационное интервью» с профессором Букрусского университета, вступившим в контакт с цивилизацией плодовых мушек.

— Профессор, чем вы объясняете то, что никому не удастся повторить ваш эксперимент?

— [Смеется] Обычные плодовые мушки, которые садятся на ваш компот, вряд ли обладают высокоразвитым интеллектом! Не забывайте,

речь идет только о мутантных *Drosophila Sapiens*, проживающих в Чернобыльской зоне.

— Мутанты? А что, если они размножатся и захватят всю Землю?

— Ну что вы! Дрозофилы — кроткие, интеллигентные существа, которые всего лишь ищут общения с себе подобными. Хотите, прочитаю вам коротенький стих в своем переводе?..

Балаган пора было прекращать.

Я, новоиспеченный замдекана биофака БГУ, снова летел на служебном аэромобиле в Зону. После разговора с ректором руки слегка тряслись, и я переключил машину на автопилот.

Была середина ноября, в большом мире стояла промозглая осенняя сырость; под колпаком же десятой станции оказалось куда теплее и суше. Правда, длину светового дня никто не менял, так что наши стеснительные тысячелистники с подорожниками и прочие бродячие, ползучие и мигрирующие представители флоры заметно пожелтели.

Профессора я заметил издали. Он стоял перед целой рощицей яблонь, крутился на месте и делал какие-то пассы. Увидев меня, он резко остановился, замахал руками и закричал:

— Сто-ой! Стойте на месте! Не подходите!

Я остановился. Профессор, запыхавшись, подбежал ко мне, утер пот со лба.

— Что происходит? — хмуро спросил я.

— Им больно! Всем больно, и деревьям, и насекомым. Пойдемте скорее отсюда! — Он взял меня под локоть и повел в лабораторию.

— Анри Витальевич! Прошу вас, наконец, объяснить, в чем дело!

— Павел Игоревич... Папа...

— Лучше Павел Игоревич.

— Как прикажете. Вы теперь мой начальник, — он серьезно посмотрел на меня. Я только сейчас заметил, насколько хуже Белозубов стал выглядеть. Волосы сильно поредели, глаза слезятся, кожа отслаивается крупными чешуйками... Не мог возраст так быстро сказаться.

— Павел Игоревич, вы знаете, как действует антирадиационная пилюля?

— Я не физик, но, насколько понимаю, она вызывает квантовое мерцание тела, в котором находится. Двенадцать часов после приема радиоактивные волны проходят мимо и не оказывают на организм никакого воздействия.

— Совершенно верно. А вы знаете, что живые организмы в Зоне воспринимают квантовое мерцание, как мы — скрежет, например, вилки по тарелке, только усиленный в тысячу раз? Или как собаки — отпугивающий ультразвуковой свисток?

— Хм...

— Более того: чем существо более высокоорганизовано, тем больше оно страдает.

— Поэтому они от нас постоянно убегают?

— Да. Да, именно так. Помните, как вы однажды забыли принять капсулу и что из этого вышло? Это и подтолкнуло меня к пониманию.

Мы направились по коридору в стерилизационную камеру. Зашли внутрь, надели защитные капюшоны.

Так значит, Белозубов перестал принимать антирадиационные капсулы? Раньше я над ним смеялся. Когда он впутал в свои проекты меня — злился. Теперь — теперь мне оставалось только ужасаться. Нет, Белозубова срочно в больницу, станцию закрыть до новой весенней практики!

Я уже набрал воздуха, чтобы сказать о своем решении, как Белозубов открыл передо мной дверь в лабораторию. Ладно, посмотрим, что там у него...

Я переступил порог — и замер. Со всех стен на меня смотрели увеличенные фотографии мушек. Вроде бы неприятное зрелище — но почему-то фасеточные глаза показались мне осмысленными. Разумными.

Профессор хлопком включил терминал. Появилась голографическая картинка: мушки ходят по клавиатуре, перелетают с кнопки на кнопку. И печатают связный текст.

— Вот. — Белозубов кивнул на стопки бумаг на полках. — Распечатки всего, что они успели сообщить. В основном мы общаемся через мини-терминал, но иногда я из вежливости говорю на их языке. У меня в статьях все описано... И основы языка, и методика контакта.

Я листал стопку за стопкой, хотя уже не сомневался: Белозубов с самого начала был прав, достаточно взглянуть на эти снимки. Господи, как же я все это просмотрел! Почему не я?..

— Они не принимают моих результатов. Говорят, что я все сочиняю сам, что мне надо писать... фантастику, — усмехнулся профессор.

И тут я совершил самую большую подлость в своей жизни. Я сделал вид, что по-прежнему не верю Белозубову.

— И правильно делают. Неплохо вы придумали с пилюлей!

— Нет, Папа, подожди... Ты не так понимаешь... Пока других методов защиты нет, а я не хочу, чтобы кто-то еще пострадал, как я. Вывести дрозодил из среды насильно тоже нельзя, там их дом, — забормотал профессор.

— Анри Витальевич, вот что я вам скажу. Вы сошли с ума, и я окончательно в этом убедился. На самом деле я приехал, чтобы закрыть станцию. А вас нужно отправить на лечение.

Белозубов с размаху сел на табурет, охватил голову руками.

— Нет! Нет, Папа, только не сейчас! Уже поздняя осень, они скоро впадут в спячку, и весной придется начинать все заново!

Я слушал его с каменным лицом.

Он вздохнул.

— Ладно, скажу тебе всю правду: есть у нас с ними один козырь. Технология, которой нет у людей. Как только мы ее разработаем

и представим широкой публике, уже никто не сможет отрицать, что цивилизация разумных дрозофил существует. Никто не скажет, что все придумал скромный биолог, понимаешь? — Он поднял голову и умоляюще посмотрел на меня.

Я долго молчал. А потом совершил еще большую подлость.

— Хорошо, Анри Витальевич. Мне все равно, что с вами будет, вы сами роете себе могилу. Вам нужно время? Даю еще месяц. Но никаких — слышите меня? — никаких интервью.

***

Ректору я сказал, что Белозубов больше не будет общаться с прессой и съедет со станции в ближайшее время. А сам — сам принялся ждать.

Когда профессор Белозубов перестал отвечать на звонки журналистов, те еще больше им заинтересовались. Стаи аэромобилей ронились вокруг десятого корпуса, но ни в Зону, ни в лабораторию без специального разрешения попасть не могли. Профессор держал слово.

Что произошло дальше — история, известная каждому школьнику. Двадцатого декабря 2096 года профессор Белозубов выслал в Академию наук, университетскую библиотеку и основные научные журналы набор формул и чертежей с описаниями. Еще через неделю в университет со всех концов Земли полетели запросы: как, кто, откуда? Сам профессор уже ничего разъяснить не мог, потому что скончался в больнице двадцать второго декабря от тяжелой формы хронической лучевой болезни.

И все-таки Белозубов успел. Вместе с инсектоидными инженерами и физиками он разработал новый принцип двигателя для межзвездных перелетов, над которым человечество билось уже второй век. После нескольких поспешных испытаний стало ясно: идея рабочая, можно начинать строить корабли.

Мировая общественность взорвалась: мы летим в космос! Привет, братья по разуму! Мушки-мутанты преодолели световой барьер! В этой суматохе, конечно, забыли про самого Анри Белозубова — человека, который установил контакт с первой иной цивилизацией. Вспомнят, конечно, когда наиграются с новой игрушкой и снова научатся смотреть себе под ноги...

Неизвестно, что вообще выйдет из этих межзвездных перелетов. Наверняка нас ждут и ошибки, и неудачи, и трагедии. Одна надежда на то, что человечество во всем сумеет найти полезную, светлую сторону, как современные ученые — в последствиях страшной аварии на Чернобыльской АЭС. Как профессор Белозубов — в моих глупых выходках, равнодушии и эгоизме.

Да, кстати: в своей предсмертной записке Белозубов трогательно благодарил меня за понимание, за то, что я вдохновил и поддержал его в самый ответственный момент. Никто не обвинил меня в преступном небрежении — кроме меня самого.

Почему я не отправил его лечиться насильно? Ведь тогда его наверняка спасли бы, а с дроздофилами связались бы заново, по весне. Нашли бы ему замену, в конце концов.

Я хотел, чтобы Белозубов поскорей осчастливил человечество?

Или я, бесталанный администратор, настолько завидовал Белозубову, что желал ему смерти?

Надеялся, что он не успеет доказать свою правоту?

У меня на этот счет свое мнение, но пусть рассудит история. Впрочем, если удастся довершить задуманное, я ей немного помогу.

***

— Дорогая Шура!

Умоляю, простите старика за вопиющую задержку. Дело в том, что я был занят долгим и утомительным судебным разбирательством и никак не мог с вами связаться. Однако теперь я наконец-то могу без стыда открыть свою личную историю людям. Вчера Верховный суд объединенных земных цивилизаций удовлетворил мой многолетний иск! Сверхсветовой двигатель Завьялова переименован в двигатель Белозубова. Увы, всей вины мне не искупить, но тридцать семь лет спустя удалось хоть отчасти восстановить справедливость.

P.S. Деньги уже перечислены на приведенный вами номер счета. Сам текст пересылать нет нужды, я нашел его в электронной библиотеке — правда, как ни странно, в рубрике «фантастика», а не «мемуары», и под совершенно абсурдной датой. Разберитесь, пожалуйста.

П. И. Ваш Завьялов

ИРИНА АБРАМИДЗЕ

СКАЗКА О ДРАКОНЕ

В одном озере, не сказать чтобы очень глубоком, жил дракон. Днем покоился он на каменистом дне, а по ночам, распластав огромные кожистые крылья и поднимая вокруг себя тучи водяного бисера, прорывался сквозь гладь озерную к темному небу и носился в облаках, разминая старые кости. Ночной образ жизни дракон вел вынужденно, ему не оставили выбора жители города, стоящего на холмах неподалеку. Опасливый ящер в последнее время уже и чахлах кур с их дворов таскать зарекся, и вообще старался особо не напоминать о своей персоне, а спасу все одно не было.

Добрые эти люди повадились приносить ему жертвы. Что само по себе было бы не страшно, не особо утомительно и даже в чем-то приятно, заключайся они, скажем, в кольцах золотых, гребешках слоновой кости и прочих безделицах драгоценных, способных согреть сердце старой бестии. Но увы, жители Силена начали знакомство с того, что зарезали черного петуха у самой кромки воды, обильно полив каменистый берег жертвенной кровью.

Обнаружив поутру сей сомнительный и уже достаточно дурно пахнущий «дар», дракон, который после заунывных песнопений, всю ночь мешавших здоровому сну, мучился страшной мигренью, осерчал не на шутку, сжег огненным дыханием главного жреца и совершил налет на город, харкнув останками петуха на крышу храма. Силенийцы восприняли это как знак, скинули с постамента статую золотого тельца, которому поклонялись до сих пор, и из того же металла отлили нового идола — дракона. Не прошло и недели, как у озера появился еще один обескровленный, дурно пахнущий труп, на сей раз бараний.

У дракона пропал аппетит, испортился характер, и горожане, совершенно справедливо полагая, что он недоволен их поведением, но сделав из этого факта неправильные выводы, принялись с еще большим остервенением приносить ему жертвы. Скоро весь берег стал красным от крови заколотых агнцев, и за озером закрепилась слава страшного, проклятого богами места, рядом с которым не может находиться ничто живое, ибо испарения его приносят мучительную смерть, и только ужасный дракон — единственный обитатель этих вод, может переносить ядовитые миазмы, поскольку сам и является их источником. Дракона эти нелепые выдумки

оскорбляли и вводили в уныние, но поделаться с этим было невозможно решительно ничего: любая попытка войти в контакт с силенийцами и как-то объясниться приводила лишь к очередному всплеску жертвоприношений и всеобщей истерии, что в свою очередь провоцировало рождение новых слухов, еще более диких и неправдоподобных.

Недобрым словом, впрочем, поминали жители окрестных поселений не только дракона — изрядная доля брани доставалась и самому городу на холмах, ибо числились силенийцы закоренелыми язычниками. Отвергали они истинную веру с насмешками и принеся свет ее всякий раз побивали камнями, чем вызывали в округе гнев и ропот великий. Пытались их склонить к Господу силою, но не смогли, ибо язычники были сильны и отважны, а соседи их слабы и хуже вооружены.

Так продолжалось достаточно долго, пока не объявился в тех землях человек, которого не видали там прежде. Он был верхом, одет как воин, станом прям, статен и горделив. Явившись к городским воротам, потребовал сопроводить его к герцогу, и речь свою повел так, что бывалые стражники, оробев, не спросили даже, какого он роду-племени. Представ пред владыкою, назвался незнакомец сэром Грегори и спросил, не нуждается ли великолепный сеньор в особых услугах. Например, в том, чтобы кто-нибудь убил дракона и избавил город от ядовитого озера у самых его стен.

Услужливый рыцарь застал герцога в не лучшие времена. Дракон зверствовал, насылая болезни и смерть на расстоянии, даже не поворачивая морды в сторону городских стен. Достаточно было подуть ветру с озера, и в городе тут же вспыхивала эпидемия. От ужасного зловония некуда было деться, чувствительные дамы падали в обморок посреди улицы, и некому было поднять их и привести в чувство, ибо мужчины спешили укрыться в домах, уткнувшись носами в собственные плащи. Умилостивить супостата баранами уже не получалась, и герцог, поддавшись на уговоры жрецов, позволил им начать человеческие жертвоприношения. Сегодня жребий пал на его собственную дочь.

— Иди и убей, — меланхолично сказал правитель, поднимая на рыцаря усталые глаза. Он сидел на троне, развалившись и подпирая широкой ладонью красную от вина щеку. — Убьешь — сможешь просить любую награду, нет — я на тебя не в претензии.

Получив герцогское соизволение, сэр Грегори отправился в путь. Неподалеку от озера, проезжая сквозь редкий, стремительно чахнувший от нездорового воздуха лесок, рыцарь встретил двух насмерть перепуганных молодых послушников. Юноши удирали во всю прыть, натянув на головы собственные робы. В связи с чем их резвый бег постоянно прерывался глухими ударами о стволы высохших деревьев.

— Куда путь держите, витязи храбрые? — нарочито громко поинтересовался насмешливый сэр Грегори. Юноши, дружно вскричав, скрылись в дебрях за его спиной.

Выехав к озеру, рыцарь обнаружил на берегу огромный серый валун. Под его горячим, шершавым боком сидела обнаженная девица. Ее престели прикрывал лишь тончайший шелк ритуального покрывала. Девица была исполнена мрачной решимости, и явно собиралась сидеть тут, пока дракон не вылезет и не пожрет ее. Время шло, трусливый ящер прятался на дне озера, а герцогская дочь мерзла на зябком ветру. Налюбовавшись ею вволю, сэр Грегори подъехал ближе.

— Дракон, я вижу, не спешит заняться вами, нежное дитя, — обратился к ней рыцарь. — Отчего же вы сидите здесь, а не спешите домой, к батюшке?

— Нет уж, лучше пусть меня сожрет дракон! — твердо заявила девица и еще крепче вжалась спиной в камень. — Шестой год этот изверг держит меня взаперти в башне! Ни игр, ни музыки, всей радости, что свиток иной раз подкупленный слуга вместе с едой в корзине поднимет. А читать тот слуга не умеет и хватает с полки что попало. Ничего не вижу, кроме ткацкого станка да хмурого неба в окошке. Хоть бы замуж выдал, прелюбодей старый! Нет, говорит, ты самый дивный цветок в моем саду, цветы в оранжее дальше... Лучше смерть лютая, чем такая жизнь!

Проникся рыцарь словами девы юной.

— Велика беда твоя, — говорит, — Долг рыцарский велит мне даму, попавшую в затруднительное положение, спасти, предложить ей руку помощи... и прочие части тела, кои могут понадобиться, дабы поправить бедственное ее положение.

Зарделась девица, но на предлагаемые части тела рыцарского, доспехами скрытые, воззрелась с интересом.

— Ты женишься ли на мне, доблестный рыцарь? — спросила принцесса на всякий случай.

— Женюсь, — благородно пообещал рыцарь. И уточнил, — Если на то будет Божья воля.

Богов девица знала множество, и доверия не было из них ни одному, но шестилетний плен и сопряженный с ним недостаток мужского внимания лишили ее всякой осторожности.

Долго ли, коротко ли, но пала ночь на землю. Принцесса высунула острый носик из-под рыцарского плаща, наморщила его недовольно и спросила.

— Слышишь ли, рыцарь, гул подземный? Что это?

Гудело и впрямь знатно, а земля содрогалась мелкой дрожью. Взбурлили воды озера...

— Дракон, — предположил рыцарь.

И дракон исполненной грации громадой, — будто гибкая статуя, искусно вырезанная из черного камня, — вырвался из чрева вод, под молочно-белый диск луны.

— Мир тебе, древняя бестия! — крикнул рыцарь, предупреждая возможную попытку со стороны дракона испепелить их без лишних разговоров.

Дракон нервно дернул хвостом и опустился на тот самый валун, где давеча сидела принцесса.

— И тебе, коли не шутишь, дурно воспитанный рыцарь, — пророкотал желчный ящер, оглядев рыцаря с головы до ног брезгливо сощуренным янтарным глазом.

— Отчего это ты решил, что я воспитан дурно? — поинтересовался рыцарь.

— А какой достойный человек придет под порог чужого дома без штанов? На тебе же я их не вижу, — объяснил дракон.

Рыцаря такой поворот беседы не смутил, а вот принцесса залилась краской до самых пяток и натянула на себя по горло шелковое покрывальце.

— Изволь, я надену штаны, — степенно отвечал рыцарь, сопровождая слова действием. — Трудное ли это дело? Однако у меня к тебе есть несколько вопросов. Зачем ты оскверняешь озеро, в котором живешь, и травишь воздух? Жители города, стоящего неподалеку, болеют и умирают от этого...

— Я травлю?! — пророкотал дракон и выпустил вверх столб пламени от возмущения. — Это озеро всегда было чистым, как слеза ребенка. Я ни разу не тронул ни одной девицы, из тех что приходили сюда купаться, а с горожан брал дань курами — и только. Эти олухи сами повадились резать на моем берегу свой скот. Посмотри, о рыцарь, во что они превратили мой дом!

Дракон забил крыльями, верхушки деревьев всколыхнулись от налетевшего ветра. Сэр Грегори еще раз с сомнением огляделся по сторонам.

— Не курами единными ты был жив, великий змей, — сказал он, наконец, — Множество жрецов пали от твоего пламени...

— Я их не ел!! — взревел дракон.

— Не гневайся, я все прекрасно понимаю, — успокоил его рыцарь, — эти действительно доведут кого угодно. Однако, что мы будем делать? Силенийцы мечтают избавиться от источника своих несчастий, коим считают твое озеро, а ты — от их назойливого внимания. Как нам решить эту проблему?

— Посоветуй им придти сюда с метлами и все вычистить, — проворчал дракон.

— Боюсь, что если я просто велю им это, они меня не послушают, — покачал головой рыцарь. — И все же, я смогу помочь тебе, древняя бестия, если ты поможешь мне.

На рассвете стражник, сидевший в караулке у городских ворот, с трудом продрал глаза. По уставу ему полагалось всю ночь бдить, но устав был попоран флягой вина, принесенной веселым напарником. Вино оказалось дурным, и голова с утра нещадно болела. Кряхтя и постанывая, всадник поднялся на стену, дабы обозреть окрестности — и не поверил своим глазам.

— Дракон! — завопил он надтреснутым голосом. — Дракон идет! Дракона... ведут?..

По дороге к городу ехал давешний рыцарь. За ним шла дочь герцога, живая и невредимая, а за ней медленно брел дракон. Брел сам, мирно, не пытаясь никого съесть и жечь, не имея на себе никаких видимых пуг. При ближайшем рассмотрении, впрочем, оказалось, что на шею дракону накинута тончайший девичий пояс.

— Зрите же, жители града сего! Сие есть ящер злобный, отравляющий ваши воды и воздух! — с пафосом возвестил рыцарь окружившей его толпе на городской площади, куда он привел дракона. Дракон с негодованием всхрапнул, но быстро утихомирился и понурил голову. Толпа благоговейно и настороженно внимала.

— Сей змий подлый ныне укрощен! — продолжал надирать рыцарь. — Ныне тих он, аки агнец. Зрите! Дева юная, запечатанный сосуд, полный непорочной влаги, держит его, обвязав своим поясом.

На этом месте дракон всхрапнул еще раз, а дева зарделась — должно быть, от скромности.

— Смотрите! Тих и покорен он ей, как вышколенный пес! Се есть чудо Господне! Властью, данной мне Богом, укротил я его, а дева связала путами силою своей непорочности. Обратитесь же к Господу! Откройте Богу Единому, Творцу Вселенной, сердца ваши и души! Отвергните презренных богов своих, кои суть есть демоны! И я навек избавлю вас и детей ваших от сего зверя лютого.

Рыцарь замолк, ожидая реакции. Дракон с интересом скосил на него янтарный глаз, размышляя, как он намерен выполнить это обещание, не нарушая другого, данного ранее ему, дракону. Толпа безмолвствовала и ждала. Ждала пока кто-нибудь не сделает первый шаг, как это водится за толпой. Пока наконец некий старец не опустился на колени и не сказал:

— Силен твой Бог, рыцарь. Я обращаюсь в нему, и отрекаюсь от презренных богов — они не смогли защитить нас.

Вслед за старцем с большим облегчением попадали на колени все остальные жители города. Последним пал герцог.

— Ты обещал мне любую награду за укрощение дракона, помнишь ли? — сказал рыцарь, обращаясь к нему.

— Помню, — отвечал герцог, предчувствуя недоброе.

— Отпусти со мной дочь свою, — потребовал рыцарь. — Эта чистая дева должна вести жизнь, достойную ее святости.

Герцог хотел было возмутиться, но покосился на дракона — и махнула рукой. Он был еще не стар и охочь до женщин, а супруга его носила под сердцем сына.

— На вас же всех, — возвысил голос рыцарь, обращаясь к толпе, — я накладываю епитимью за почитание ложных богов! Вы должны искупить свой грех, а для этого мало только признать его. Пусть каждый из вас возьмет метлу, скребок, тряпку или иную утварь и пойдет к берегу озера. До захода солнца должны очистить вы берег от гниющих останков и отмыть его,

чтобы ни капли грязной жертвенной крови не осталось на камнях! Жрецы же ваши пусть очистят силою своєю воды озера. Прежде сила их питалась демонами и была суть черною волшбою, ныне же — очистилась она, так что смело можно пускать ее в ход, дабы совершить богоугодное дело. Коли совершите все это, как сказано было, до заката, будете прощены! Ясно ли вам?

— Ясно! — прогудели хором люди и помчались за ведрами и тряпками. Жрецы же, опасливо жавшиеся в сторонке, подхватили полы своих одеяний и понеслись в храм — творить заклинания для очистки озерных вод, дабы умиловить народ и закрепить при новом порядке, прежде грозившем смести их.

— Ты потише будь в ближайшие месяцы, — наставлял рыцарь дракона, прощаясь с ним за стенами города. — Не показывайся, еще лучше — найди себе на время другой дом. А как поуспокоится — возвращайся к прежней жизни. Я обещал извести одного дракона, но не обещал, что на его место не прилетит другой. Счастливо тебе, добрая бестия!

— Доброй дороги, славный рыцарь, — попрощался дракон.

СЕРГЕЙ МЯКИН

ОНИ И МЫ

В горле застрял гниловато-металлический привкус. Боль, горячими грязными волнами разлившаяся по покрытому струпьями телу, немного отхлынула под действием лекарства. Расплывчатые белые силуэты говорили что-то о героизме и выздоровлении, но их слова звучали как шум далекого ветра, уносящегося прочь — туда, где осталась его душа. Перед глазами по-прежнему отчетливо возвышался полуразрушенный четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС, фиолетово-красный реактор, а в ушах звенел голос командира «Степан, почему задерживаешься? Немедленно возвращайся на борт, мы не можем ждать!», заглушаемый клекотом вертолета. Впрочем, всё это тоже было отдаленным и бессмысленным по сравнению с *ними* — полупрозрачными, но с каждым мгновением становящимися всё более и более серыми и плотными. Зачем он пошел в этот отсек, когда разведка обстановки была закончена, а друзья повернули назад? Наверное, просто почувствовал *зов*, еле слышный, похожий на шорох опадающих листьев. Да, *они* позвали его, а потом взяли в свой круг. *Они* были отдельными, но вместе с тем составляли одно целое. В те бесконечно долгие минуты Степан почувствовал себя одним из *них*. Ужас и отвращение от присутствия *чужих* сменялись странным неземным удовольствием, потому что ни один человек не мог находиться в этом аду, а *они* испытывали там высшее блаженство, подобное тому, которое ощущает человек в волнах теплого моря у берега курортного пляжа. *Их* сознание было единым, и он *узнал, увидел и ощутил всё...*

Потом были мысли, шуршащие в голове как угли в раскаленной печи. *«Возьмем его к себе?... Нет, зачем он нам нужен, его же искать будут?... Тогда он должен умереть... Зачем, пускай идет... Но ведь он нас видел и может рассказать... Да кто ему поверит, посчитают сумасшедшим, и он все равно больше двух дней не проживет...»*. Язык был каким-то щелкающе-свистящим, абсолютно чуждым, но в раздраемой на части страхом, отвращением и наслаждением голове Степана большинство звуков сразу преобразовывались в русские слова.

На заднем плане рассудка вновь и вновь мелькали истошный мат лейтенента, который выволок его наружу... шок... вертолет... тошнота... боль... палата...

Ему хотелось лишь одного — написать. Успеть. Предупредить.

Угасающим голосом он попросил ручку и бумагу. Медсестра не хотела, говорила что-то о полном покое, но дала...

Они остались там, в фиолетовом ядерном аду, но беспрепятственно проникли в его голову, потому что он был меченым и обреченным. «*Иди к нам... брось ручку... скоро Земля будет нашей... присоединяйся... да оставьте его, все равно он не успеет, и ему никто не поверит*», — доносились голоса из преисподней. Рациональной частью своего сознания, которой становилось все меньше и меньше, Степан не был уверен, что все это не было обычным бредом, но все же изо всех сил пытался написать обо всем, что узнал, потому что другой

(новой, серой и полупрозрачной)

частью своего разума отчетливо видел, как...

... зловещая красная заря, сливающаяся с заревами пожаров, прорывалась сквозь пелену дыма, копоти и рваных облаков. О том, что она станет последней, было ясно из показаний приборов. Не выдержав избытка огня и *первичной пищи*, воздух начинал ионизироваться. В ближайшие часы он должен был превратиться в раскаленную плазму, испепеляющую все живое, а через несколько дней выгореть почти без остатка, оставив вокруг лишь вакуум, руины и песок.

Надо было спешить, пока безжалостный язык огненного смерча не слизнул с поверхности планеты готовящийся к старту корабль вместе со всеми оставшимися душами, облаченными в миниатюрные *протоформы*. О настоящих телах не могло быть и речи уже после третьего дня войны, и эти полупрозрачные полевые оболочки, предназначенные для полетов в космос и работы в экстремальных условиях, оставались последним прибежищем выживших. Они сражались по разные стороны, защищая ценности республиканской формы правления и монархической диктатуры, но сейчас было не время думать об этом. Прежде чем навсегда

(или, по крайней мере, на несколько миллионов лет)

покинуть опустошенную их безумием планету, они хотели оставить о себе вечную память, которая устраивала бы всех. Ни статуи императоров, ни головы президентов, ни гигантские пирамиды не могли быть символами единства, а только сеяли раздор и ненависть. Наконец, после долгих споров придя к мучительному согласию, они включили антигравитационный генератор и превратили несколько ближайших песчаных барханов в гигантский профиль древней богини мира, спрессованный с огромной силой, которая была неподвластна времени и ветрам.

Постояв несколько минут в торжественном и скорбном молчании вокруг изваяния, они начали заполнять корабль. Вскоре стремительно вращающийся черный диск взмыл вверх и, совершив прощальный виток над озаренной предсмертной агонией атмосферой, устремился ввысь. Они знали, куда лететь. Новый мир, уже разведанный несколькими автоматическими станциями и экспедициями, был недалеко.

***

... Голодное оцепенение, в котором было что-то от зимней спячки пресмыкающихся, а что-то от агонии прибора с почти полностью разряженной батареей, было бесконечно долгим. Не в силах пошевелиться, они лежали в глубоких пещерах, где гранитные глыбы и подземные залежи давали крупницы первичной пищи, и предавались тягучим и горьким, но хоть немного согревающим воспоминаниям

... о генераторах, которые давали жизнь их прежнему миру...

... о взрывах и огненных смерчах, превративших их родную планету в безжизненную красноватую пустыню...

... о лице богини мира...

... о полете и посадке на сине-зеленой планете...

... о взрыве и пожаре на корабле, после чего они остались практически без техники и источников энергии...

...о местных аборигенах, поросших густой шерстью, издающих нечленораздельные гортанные звуки и ходящих то на двух, то на четырех конечностях...

... о воздействии на одно из стад дикарей генератором мутагенного излучения, модулированного информацией о развитии разума. Это было отчаянным шагом, поглотившим последние запасы *первичной пищи*, и одним из мучительно утасующих чувств была досада от мыслей о том, что эту энергию можно было потратить на строительство...

... Пробуждение пришло тогда, когда они уже утратили надежду. Сначала им показалось, что это было очередным страшным сном из далекого прошлого, но дрожь земли от взрывов, порожденных *первичной пищей*, была слишком явной и отчетливой. Те, кто находился ближе всех к источнику, вновь обрели способность ясно мыслить и перемещаться. Когда настала ночь, они вылезли из укрытий в Скалистых горах и долго шли туда, откуда доносились горячие живительные эманации. Наконец они переполнились пищей, энергия стал бить через край, а чувства обострились настолько, что они стали слышать мысли и эмоции друг друга, своих дремлющих сородичей и чуждого разума, господствующего на планете...

Все было до боли знакомым — война, ненависть, жажда мести и желание уничтожить врага. Еще чувствовались мудрость, стремление к познанию мира, радость и любовь, но слишком чужие, чтобы выйти на первый план для *разбуженных*. Они стояли на краю окутанной черным ночным покрывалом пустыни и составляли план действий.

— Они развились до такого уровня, что начали делать то же самое, что и мы. Я прочитал их мысли — пока это только подготовка, но они уже давно воюют и скоро применят *первичную пищу* для того, чтобы добиться победы, — сказал Тронг Блун, бывший физик, миллионы лет назад рассчитывавший мощность ракет для доставки разрушительных зарядов к столице империи.

— Нам надо, чтобы они истребили друг друга, но не разрушили планету. Только тогда мы сможем стать хозяевами этого мира. Мы должны следить за их лидерами, чтобы они начали эту войну не слишком рано, когда энергии будет недостаточно для уничтожения их расы, и не слишком поздно, когда оружия станет столько же, сколько когда-то у нас, и война станет бессмысленной, — сделал вывод Тмор Сивар, бывший командующий дивизионом войск императорской гвардии...

***

— Предлагаю утвердить план операции возмездия, устрашения и испытания нового оружия с нанесением ударов по городам Хиросима и Нагасаки, — жестким, но не слишком уверенным голосом произнес президент Гарри Трумэн на совместном заседании Совета безопасности и Совета начальников штабов в июле 1945 года.

«Сделайте это, господин президент, и вы обеспечите себе легкую победу в войне, продемонстрируете всему миру свое могущество и заручитесь нашей поддержкой в подготовке к предстоящей войне с вашим главным врагом — советской империей», раздавались голоса в его голове.

«Не делайте этого, господин президент. Таким образом вы только раскрываете свои возможности и планы будущим врагам. Необходимо создать намного больше бомб, чтобы потом неожиданно обрушить их на советскую империю», — говорили другие голоса.

***

— Ввиду появления у русских термоядерного оружия считаю необходимым отложить реализацию плана «Дропшот». Для начала военных действий необходимо значительное усиление нашего ядерного потенциала, — заявил президент в декабре 1950-го.

«Начинать войну сейчас безрассудно. Необходимо значительно увеличить количество ядерных зарядов и создать новые средства их доставки. Мы поможем вам в этих разработках, а также в создании других новейших технических средств. Если же вы не послушаетесь нас, то лишитесь нашей поддержки, и с вами может произойти то же, что с президентом Рузвельтом в апреле 45-го», — раздраженный голос вместе с приступом резкой боли ворвался в его голову за день до этого...

***

«Настало время решающей битвы. Необходимо воспользоваться временным преимуществом и разместить ядерное оружие в непосредственной близости к врагу, а потом нанести превентивный удар. В противном случае американцы нанесут удар первыми», — шептали голоса Хрущеву в середине 1962-го.

— Мы должны немедленно развернуть наши ракеты на Кубе и привести их в полную боевую готовность, а в случае агрессивных действий

со стороны США быть готовыми нанести удар по империалистам, — заявил он на заседании Политбюро.

***

Он видел всё — и дату первой бомбардировки, и огненные смерчи на месте цветущих городов, и беспросветную ядерную зиму, и миллионы лысеющих, покрывающихся язвами и умирающих людей, и серых полупрозрачных существ, проводящих эксперименты над больными, захватывающих их тела и устанавливающих контроль над планетой. Пройти к Первому оказалось даже проще, чем к Сталину двадцать два года назад, потому что охрана стала доверчивее и состояла из обычных людей со своими слабостями, а не бездушных и безжалостных зомби. Сложнее было *защитить* Первого, проведя длинный ритуал и сделав его мозг невосприимчивым к излучению серых, а потом *убедить*. Впрочем, Никита Сергеевич не был идиотом и прислушался к словам человека-легенды.

— Я сделаю все, о чем ты просишь, Вольф. Ракет на Кубе не будет, и войны тоже. Я не могу допустить, чтобы погиб весь мир. Я человек, а не фашист, — дрожащим голосом произнес он со слезами на глазах.

***

— Итак, мы вынуждены признать, что наши планы по захвату планеты потерпели полную неудачу. Количество оружия, несущего первичную пищу, уже давно перешло критическую черту, за которой его неограниченное применение приводит к разрушению всей биосферы и становится бессмысленным. Вести ментальную войну с местными экстрасенсами, которые знают о нашем присутствии и блокируют большинство наших воздействий, становится все более затруднительным. Доступ к первичной пище для нас крайне ограничен, поскольку использующие ее установки надежно защищены, — мрачно сообщил собравшимся генерал Тлонг Маргон. — Какие будут предложения? — спросил он членов координационного совета, собравшихся на экстренное совещание на полигоне под Семипалатинском.

— На данном этапе нам нет необходимости устраивать глобальную войну, чтобы распространить первичную пищу по всей планете. Нам нужен лишь локальный конфликт, который бы привел к формированию зоны, пригодной для нашего проживания и свободных от местного населения, — рассуждал Тмор Сивар.

— Конфликт уже недопустим, потому что мы не сможем удержать его под контролем, и погибнет всё. Нужна катастрофа, авария, которая сделает ограниченную территорию непригодной для аборигенов и хорошей базой для нас, — вновь высказался Маргон. После долгих дебатов его план был единогласно поддержан...

***

Он хотел написать еще многое, но ручка упала на пол одновременно с последним вздохом, а лист бумаги, описав полукруг, с легким шелестом опустился рядом. После того, как накрытое простыней тело увезли в патологоанатомическое отделение, санитар подобрал записку и отдал врачу. Тот долго пытался вникнуть в смысл трудноразличимых сползающих вниз каракулей, считая своим долгом донести до родных и близких последние слова погибшего, но не нашел в обрывках фраз «я видел серые тени... пришельцы... голоса в моей голове... хотят захватить планету...» ничего достойного внимания.

«Бред. Впрочем, чего еще можно ожидать после такой дозы, у него же все ткани разрушены. Жалко парня, такой молодой, целая жизнь впереди была», — с этой мыслью он скомкал лист и выбросил его в корзину, а потом долго сидел в кабинете, печально глядя на весенний пейзаж за окном и думая о тонкой грани между жизнью и смертью, пока не задремал. Высокие свистящие голоса «Ты смотришь на небо и деревья и забываешь обо всем, что увидел. Ты хочешь спать и погружаешься в сон, а когда проснешься, не вспомнишь ни о чем из того, что только что прочитал» не доходили до поверхности его сознания.

ДИТРИХ ЭДГАРТ

ВОЛКОДАВ

Уважаемые читатели, близится окончание года, и вместе с ним вековой рубеж, а также окончание тысячелетия. В декабре принято начинать подводить итоги ушедших двенадцати месяцев, однако по случаю финиша столетия мы решили одновременно порассуждать: что оставил после себя XX век (замахнуться на все тысячелетие не хватило смелости). Поэтому, начиная с этого номера, мы опубликуем ряд статей, рассказывающий об истории эпохальных, на наш взгляд, фантастических произведениях XX века, а начать хотелось бы с прекрасного романа «Волкодав» Марии Семеновой; также поведаем и об экранизации книги, благо судьба литературного произведения и фильма тесно переплетены.

Волкодав

В 20-е годы XX века во многих странах происходило зарождение и развитие жанра, позже названного фэнтези. В Великобритании Джон Рональд Руэл Толкин начинал создавать первые произведения, позже легшие в основу легендарнума мира Средиземья, Клайд Льюис только задумывался о мире Нарнии, Говард Лавкрафт конструировал ужасающих монстров. Новорожденный СССР в этом плане ничем не мог похвастаться: конечно, фантастика развивалась, но происходило это в сугубо научно-фантастическом направлении, среди которого особой популярностью пользовались романы Алексея Толстого — «Аэлита» на долгое время стала хрестоматийным произведением советской фантастики — и Александра Беляева.

В это время молодая выпускница археологического факультета Ленинградского государственного университета Мария Семенова ездит в первые научные экспедиции, где занимается раскопками древних славянских городищ. Возможно, именно непосредственное соприкосновение с древней историей нашего народа оказало решающее влияние на тематику произведений Семеновой. В перерывах между археологическими экспедициями Мария с жадностью поглощает литературу по истории и быту древних славян, изучает славянский фольклор, благо огромные архивы Государственного университета и библиотек Ленинграда предоставляли для этого максимум возможностей. Можно предположить, что, пройдя подобную подготовку, автор займется написанием исторических произведений, но Марию влекло создание собственных миров. Да и, по воспоминаниям

Семеновой, ее не привлекала перспектива отражать события прошлого исключительно в духе марксистской теории.

И вот в 1930-м году Мария начинает создавать роман о бывшем рабе, который мстит обидчикам, становится телохранителем кнесенки и всячески помогает слабым. Работа над книгой шла тяжело: сказывалась общая атмосфера 30-х годов, а также трудности, с которыми сталкиваются любые первопроходцы жанра, тем более создающие дебютное произведение. Семенова постоянно задается вопросом: то ли я делаю? правильно ли делаю? нужен ли кому-то мой труд?

В 1935-м году, когда работа над романом подходит к концу, в Ленинград прибывает делегация Коммунистической партии Великобритании, в которой оказывается уже немолодой британский последователь Маркса Джон Толкин. Будучи исследователем древнеевропейской литературы, Толкин совершает визит в Ленинградский университет, где Семеновой удастся с ним пообщаться. В ходе состоявшейся беседы Рональд Руэл рассказывает Марии, что заканчивает работу над романом «Хоббит», действие которого происходит в выдуманном мире, населенном гномами, эльфами и прочими сказочными персонажами. Информация о том, что в Британии находится человек, работающий в идентичном направлении, очень вдохновляет Марию, и она с новыми силами принимается за работу над романом, которая заканчивается в октябре 1935 года. А в декабре того же года Ленинград посещает делегация Коммунистической Партии США во главе с профессором русской словесности Робертом Говардом. Мария передает ему текст «Волкодава», который Говард прочитывает за ночь и приходит в дикий восторг, наутро осыпая Марию тысячами комплиментов. Влияние «Волкодава» на Роберта Ирвина оказалось столь значительным, что, прибыв в США, он со скоростью печатной машинки создает цикл произведений о варваре Конане, в котором без труда можно узнать Волкодава из рода Серых Псов.

Однако романы и рассказы о «Конане-варваре» не находят признания у американских читателей, а Семеновой не удается издать произведение, не вписывающееся в рамки соцреализма. Три года Мария обивает пороги издательств, вступая в споры с книгоиздателями, пока в 1937-м году в отчаянии не отправляет рукопись, с предложением переработки в сценарий, Сергею Эйзенштейну, бывшему тогда заведующим кафедрой режиссуры Государственного института кинематографии. Сергей Михайлович обещает посмотреть роман, однако через несколько недель оказывается в опале по идеологическим соображениям и лишается возможности преподавательской деятельности. Однако в 1938-м Эйзенштейн вновь на коне после съемок историко-патриотического фильма «Александр Невский», получившего Ленинскую и Сталинскую премии. Сергей Михайлович прочитывает залежавшегося в столе «Волкодава» и, как ранее Говард, приходит в неописуемый восторг. Эйзенштейн хочет снять опосредованное продолжение «Александра Невского», ибо Волкодав у него ассоциируется с новгородским

князем. Оба фильма объединяет одна тематика — борьба с силами зла. По сохранившемуся сценарию можно сказать, что Эйзенштейновский «Волкодав» стал бы острополитической лентой: Жадоба — предводитель бандитов — представлялся с усами-щеточкой и челкой, низкорослым и крикливым, его солдаты носят коричневую форму со свастиками. Однако сценарий фильма не приходится по вкусу цензорам. Им не нравится постоянное обращение к божествам, пусть и не христианскому Богу, политическая ситуация резко меняется с заключением «Пакта о ненападении», поэтому об антинемецкой направленности фильма можно было забыть, да и сам Эйзенштейн охладевает к фэнтезийному сюжету, все более задумываясь о давно зревшей идее снять масштабный фильм о царствовании Ивана Грозного. В итоге «Волкодав» так и оказывается неэкранизированным.

В 1953-м Сталин умирает, дуют ветры «оттепели», и Семенова, понимая, что ситуация в стране меняется, вновь пробует издать роман, не забывая напоминать издателям, что он был «зарезан» сталинской цензурой. Наконец в 1955-м году выходит в свет первое издание «Волкодава». Роман сразу же становится популярным, приобретая — пусть и небольшое — число поклонников. Воодушевленная Мария пишет продолжение «Волкодав. Право на поединок», вышедшее в 1957-м году, а в 1959-м диалогно «Волкодав. Звездный меч», состоящую из «Волкодав. Знамение Пути» и «Волкодав. Самоцветные горы».

По поводу того, что произошло дальше, существует интересная легенда. Ранним утром 1964-го совсем недавно вступивший в должность Леонид Ильич Брежнев ехал по Москве и, осматривая столицу сквозь стекло генсекского автомобиля, заметил на стене одного из домов огромную надпись краской «ВОЛКОДАВ ЖИВ!», появившуюся, по всей видимости, ночью. Леонид Ильич очень возмущился: «Как это так? Жив должен быть Ленин! А не какой-то Волкодав!». Брежнев потребовал разобраться: кто такой Волкодав и почему он не менее живой, чем Ленин. В итоге на стол генсека легли все романы цикла о Волкодаве. Произведения Семеновой очень понравились Леониду Ильичу, он распорядился приставить автора к награде, которую вручил собственноручно, горячо расцеловав Марию, а узнав, что сценарий «Волкодава» отклонили в 38-м году, настоятельно потребовал исправить ошибку сталинского режима.

Насколько правдива легенда, мы не знаем, однако в 1965-м году на экраны страны вышел фильм «Волкодав», снятый Геннадием Сергеевичем Казанским, ранее прославившемся экранизацией «Человека-амфибии» Беляева. «Волкодав» стал лидером проката 65-го года. Советского зрителя не оставили равнодушным красивые пейзажи, обращение к славянской истории, характер бесстрашного и благородного Волкодава, его отношения с кнессенкой Елень и борьба с ужасным Жадобой. Говорят, многие женщины плакали на киносеансах, наблюдая финальную сцену венчания Волкодава и Елень.

Как обычно и бывает после успеха фильма, широкое признание пришло и к литературному первоисточнику. Циклом о Волкодаве зачитывался весь Советский Союз, а вскоре, после переводов, и европейские страны соцлагеря.

Европейские издатели, посмотрев на успех Семеновой, вновь выпустили уже порядком забытый «Властелин Колец» Джона Толкина, а в США реанимировали произведения Говарда, и фэнтези начало победное шествие по всему миру, завоевывая миллионы читателей. В СССР после успеха «Волкодава» и «Человека-амфибии» возник интерес к фантастике: страна стала зачитываться романами Ефремова и первыми повестями Стругацких.

Джордж Лукас всегда лукаво улыбается и молчит в ответ на вопрос, почему облик и голос Дарта Вейдера так напоминают Жадобу из фильма Казанского или почему Люк Скайуокер отрубает Дарту Вейдеру руку, точно так же как это сделал Волкодав в схватке у святилища Мораны, а уж о используемых джедаями световых мечах и говорить нечего. Журнал «Советский кинематограф» в 1975, после премьеры «Звездных войн», ехидно заметил: «Разлагающийся западный кинематограф в очередной раз продемонстрировал, что даже в своих самых популярных фильмах он не может обойтись без неприкрытого заимствования из лучших образцов советского кинематографа».

Сегодня, на рубеже веков, мы можем с уверенностью сказать, что «Волкодав» Марии Семеновой является одним из немногочисленных романов, оказавших огромное влияние на развитие фантастической литературы и легших в основу направления «фэнтези меча и магии».

В 1975-м году, спустя сорок лет, в Ленинградском государственном университете состоялась историческая встреча Марии Семеновой и Джона Толкина, на которой была сделана легендарная фотография: Семенова и Толкин стоят плечом к плечу, а внизу подпись «Основатели фэнтези».

Журнал «Фантастический обзор». № 48 (215) 1999 г.

СЕРГЕЙ ТРИЩЕНКО

ВОЗДУШНЫЕ ПОГРАНИЧНИКИ

Границы грозно ощетинились грозовыми облаками. Ступенчатые гряды темных туч тремя ярусами перекрывали подступы к воздушному пространству страны, змеясь над сухопутными рубежами и в точности повторяя их.

Но если на земле охрану границы мог осуществлять кто угодно — жандармерия, конная полиция, национальная гвардия, отобилизованное народное ополчение, — то в небесах царили воздушные пограничники.

Сержант Пайк медленно обходил вверенный ему участок границы, передовые рубежи защиты государства. Медленно — потому что быстро двигаться в своем нынешнем состоянии он не мог. Это не земля, где можно носиться как уторелому. Мешало все: и сопротивление воздуха, и непомерно огромные размеры тела, и нынешнее состояние воздушных масс. А также — чего греха таить? — и необходимость тщательного соблюдения правил маскировки. Но если последнее оправдывалось соображениями безопасности, то со всем остальным ничего поделать было нельзя: оно являлось объективной реальностью, закономерно пронстекающей из обновленной сущности Пайка как Воздушного Пограничника.

Сержант обходил вверенные ему укрепления. Все было давно и до боли знакомо — и позиции генераторов молний, и стрелковые ячейки градометчиков, и окопы любимцев сержанта — «повелителей ливней», которых кое-кто из штатских, коим вовек не дано оторваться от земли, обидно называл «плевалками».

Конечно, дождь в лицо — не то же самое, что свинцовые пули, но свинцовые пули на такой высоте долго не удержатся, а два часа текущего ливня выдержит не всякий. Сержант помнил, как на последних учениях взвод, имитирующий действия противника, снесло внезапным порывом случайного ветерка, и он попал под водяные капли действующей на половинной мощности установки. Военнослужащих продырявило насквозь, буквально изрешетило! И хотя многие остались в живых, из воздушных пограничников их пришлось списать: при повторных трансформациях старые раны начинали расходиться, и появлялась невосполнимая потеря массы. Причину этого феномена не смог выяснить никто.

Поэтому особенно тщательно сержант осматривал подчиненных. Постоянная забота о личном составе — залог успешного выполнения боевой задачи. Сейчас ему кое-что не понравилось:

— Лоуэлл! Колин! — негромко скомандовал он.

От острого взгляда Пайка не укрылось, что у этих двоих индивидуальные ячейки выглядят глубже, чем остальные. А ведь оборудовались-то они одновременно! Это могло означать только одно: бойцов пора отправлять вниз, на землю. Их плотность становилась выше допустимой для пребывания на данном ярусе.

Потому он и позвал их тихо, чтобы они не вскочили резко в служебном рвении, и не прорвали бы горизонта позиций. Такие случаи бывали. И хорошо, если военнослужащим удавалось задержаться на нижележащем слое и они не падали на землю. Но обычно этому препятствовали и большая плотность нижележащих слоев воздуха, и, соответственно, большая густота нижней пелены тум.

Но случались и падения на землю — чаще с самого нижнего яруса, разумеется. Особых последствий для воздушных пограничников это не вызывало, опасности для жизни не было никакой, разве что закладывало уши от резкого перепада атмосферного давления. Но хуже всех последствий были насмешки: они длились достаточно долго, и никакими нарядными вне очереди прекратить их не удавалось.

Лоуэлл и Колин среагировали правильно: повернув голову, они шепотом произнесли «Я!» и медленно поднялись.

— Сколько времени вы здесь находитесь?

— Часов восемь... — раздумчиво протянул Колин.

— Или девять, — добавил Лоуэлл.

— Быстро на нижний ярус! Через два часа — на землю, на инъекцию!

Лоуэлл недовольно поморщился:

— Каждый день колоться! Сержант, когда изобретут более долгоиграющую вакцину?

— Разговорчики! — оборвал подчиненного Пайк. — Когда изобретут, тогда и изобретут. Обещаю тебе: когда она появится в войсках, ты узнаешь о ней первым! Готовь задницу!

Подчиненные привычно заржали.

— А в самом деле, сержант, — добавил медлительный Колин. — Ходят слухи...

— Это не нашего ума дело! — отрезал Пайк. — Не забывай: слова носит ветер, а ветер дует всюду. В том числе и в чужие уши.

Микстура была секретным изобретением военного ведомства. Будучи введенной военнослужащему, она запускала механизм уменьшения плотности человеческого тела, как бы «разжижала» организм. И одновременно вызывала жуткую жажду: получивший инъекцию выпивал зараз не менее десяти ведер воды, а спустя некоторое время — еще столько же. И вся она незамедлительно

разлагалась на кислород и водород. Но если кислород сразу фильтровался сквозь поры постепенно распухающего тела — отчего от военнослужащих в этот период приятно пахло озоном, — лишь частично расходуясь на внутриобменные процессы, то водород, наоборот, задерживался в тканях, создавая подъемную силу, компенсирующую прежний вес. В результате солдаты — нет, теперь уже Воздушные Пограничники — могли свободно прогуливаться среди туч, создавать в них позиции, строить фортификационные сооружения, окапываться... словом, делать все то, чем испокон веков занимаются солдаты всех времен и народов матушки-земли. Небольшое повышение устойчивости облачного слоя — для осуществления надлежащей прочности оборонительных сооружений — достигалось другими средствами, также тщательно засекреченными.

Пайк приблизился к позициям генераторов молний. Солдаты лениво крутили громадные рукояти, поддерживая работоспособность генераторов едва ли на трети их истинной мощности. Но Пайк знал: получив приказ, они отдадут все силы, раскрутят валы до максимальной скорости, и врага встретит полная мощь испепеляющих грозовых разрядов.

Что находилось внутри генераторов, за плотной завесой темных туч, не знал никто из обслуживающего персонала. Рассмотреть что-либо было невозможно: сплошная чернота грозовых облаков надежно хранила военную тайну.

Столь же секретной была и другая боевая техника: градометы и капельные установки. Но действовали они надежно, в ремонте не нуждались, а большего от них и не требовалось.

Закончив осмотр позиции второго яруса, Пайк направился к лестнице. Инъекцию ему сделали недавно, она продолжала набирать силу, и сержант чувствовал, что начинает подпрыгивать при каждом шаге. А это означало, что пора подниматься выше.

По пути он оценил новую линию окопов — их сделали в более теплом слое воздуха, и сержант не мог не одобрить такое нововведение: поясницы у солдат не будут мерзнуть. Как удалось ученым совершить подобное?

Но сержант знал, что спрашивать об этом нельзя: военная тайна. Более того, прояви он любопытство, его могут незамедлительно зачислить в агенты врага. Сочтет начальство необходимым поставить сержантов в известность о нововведениях — его уведомят.

Разумеется, для подъема Пайк мог воспользоваться коммуникационным люком, великое множество которых призывно зияло отверстиями в верхнем ярусе туч, однако дул весьма ощутимый ветерок, и сержант опасался, что его, не защищенного бруствером, просто-напросто сдует в сторону и он пролетит мимо люка. А это могло уронить его в глазах подчиненных.

Продолжая чувствовать легкое распираание изнутри, сержант подошел к лестнице.

Была ли микстура опасной? Не могли ли повредить человеческому организму постоянные распухания и схлопывания? Пайк не задумывался над этим. Он привык подчиняться приказам, а приказа опасаться или задумываться

не было. Пайк надеялся, что благополучно выйдет на пенсию, хотя и предполагал, что будет тосковать без родной воздушно-пограничной службы. Откуда еще открывался такой обзор? На многие-многие мили вокруг.

Лестница была единственной устойчивой реальностью во всем окружающем мире. Все остальное — и позиции градометчиков, и окопы «повелителей ливней», и грозные генераторы молний — окутывала легкая дымка, надежно скрывающая детали оборонительных сооружений. Лестница же, окруженная системой подпорок и растяжек, смотрелась мощно и незыблемо. Она походила на поперечно-полосатый наконечник стрелы, направленный к земле, и состояла из пристыкованных друг к другу все увеличивающихся перевернутых трапеций.

За время службы в воздушных пограничниках сержант поднимался по лестницам много тысяч раз. Он давно собирался сосчитать, сколько точно, и каждый раз оставлял это занятие.

«Выйду на пенсию, подсчитаю», — думал он.

Он поднимался и по раскаленным лестницам тропиков, и по обледенелым лестницам полярных широт, и по обдуваемым яростными ветрами лестницам «ревущих сороковых», для которых собирались, да никак не могли собраться установить защиту от воздушных потоков.

И на какую только высоту ему не приходилось подниматься! От самого нижнего яруса, «сотки», находящегося на высоте всего-навсего ста метров, и до «десятки», означающей на этот раз не метры, а километры. Вот там было по-настоящему тяжело.

Сержант поставил ногу на ступеньку и осмотрелся.

Отсюда было видно все: родные поля и леса, исчерченные ленточками рек и полосками каналов; луга с разноцветными пятнышками коров; города, окруженные фабричными дымами; соединяющие города дороги...

И вражеская сторона, где, казалось, было все то же самое, но... какое-то не такое.

«Как жаль, что никто другой не может увидеть эту красоту!» — подумал Пайк. И потому, что гражданским запрещено подниматься ввысь, исходя из соображений военной тайны; и потому, что подняться сюда может лишь тот, кому сделаны соответствующие инъекции. Но инъекции трижды засекречены, поэтому враг не может создать армию воздушных пограничников.

Ни у кого в мире нет таких войск! Мысль об этом наполнила сержанта гордостью, которая окрыляла не хуже любых инъекций. «Но мы — люди миролюбивые, мы ни на кого нападать не собираемся», — добродушно думал сержант, поднимаясь по лестнице и с каждой ступенькой распухая все больше и больше.

ЮЛИЯ ГОРИШНЯЯ

РОМАНТИКИ

Эйниссинта была влюблена. Она была влюблена и счастлива, потому что ее любили; а это значит — все прочее несущественно, и незачем его вспоминать.

Эйниссинта была влюблена до такой степени, что время для нее то и дело теряло смысл, расплывалось, распадалось на планковские темпокванты, и в результате ее деловое расписание разве что лишь чудом не летело вверх тормашками. А так как никто не был должен знать о ее любви и даже догадываться, Эйниссинте приходилось отыскивать в своем неумолимом расписании пустоты и лакуны, которые только и оставались для личной жизни, и вследствие такой таинственности и дискретности ее роман, вместо того чтобы сходить постепенно на нет, делался все возвышеннее и романтичнее. С этой точки зрения делам можно и простить, что они существуют на свете. Но расписание все-таки иногда страдало.

Вот и сейчас Эйниссинта опаздывала. Впрочем, она все равно задержалась по дороге на секундочку, окинув себя взглядом перед зеркальной дверью лифта и найдя, что глаза у нее сегодня блестят особенно задорно и молодо и что корона превосходно сидит на ее каштановых волосах.

Заседание Тронного Совета началось на полторы минуты позже положенного. В конце концов, королева Гайэнтти Эйниссинта была не только королева, гордая и могущественная, но и женщина, — и как женщина, имела полное право заставить себя ждать.

* * *

После заседания первый советник, как обычно, прицепился к ней с конфиденциальным разговором. Некоторые выражения его Эйниссинта уже знала наизусть.

—...экономические выгоды, наконец... — бубнил он. — С военно-астрономической точки зрения (соблаговолите взглянуть на звездную карту, Ваше величество), Церхансия — наш естественный союзник...

— Если все это так, — возражала Эйниссинта, — мой папа тоже должен был это знать. Однако он с церхансианцами так и не помирился...

— Ваш покойный батюшка, которому я имел честь верно служить много лет, поддерживал вражду, потому что она досталась ему в наследство от вашего дедушки... А ваш дедушка, да будет позволено мне

верноподданнейше заметить, рассорился с Церхансией и вовсе из-за совершенного пустяка...

— А наследственная вражда, — отрезала Эйниссинта, — всегда начинается с пустяков, и никак не иначе. Ну да вы, я вижу, ничего не понимаете в Наследственной Вражде, и в Благопристойности, и в Романтике, и в прочих возвышенных вещах. И вообще, кто-кто, а сами церхансианцы уж никак не собираются налаживать с нами отношения! Послушайте только, что король Анхорран говорит о нас... Налицо явные антигайэнтианские декларации!

Тут уже первому советнику возразить было нечего, и Эйниссинта милостиво кивнула ему и удалилась. Она была не в состоянии выслушивать деловые разговоры ни одного мгновения больше. Начался уже уик-энд, благословенный уик-энд, один из тех, в которые время теряло смысл и течение свое, и Эйниссинта уединилась в своих апартаментах, где верная киберобслуга неделями могла поддерживать иллюзию ее присутствия и где ее было запрещено беспокоить даже в случае взрыва сверхновой в трехпарсековой окрестности. Теряя туфельки, она добежала до защищенного Особым Королевским кодом секретного нуль-Т-канала, — это был самый секретный нуль-Т-канал в королевстве, все, имевшие касательство к его установке, подвергнуты были небеспоощаднейшей выборочной чистке памяти вплоть до подсознания, а расходы при помощи хитроумного компьютерного подлога проведены в военной части госбюджета; на этот раз Эйниссинта опаздывала всего на полсекунды, потому что не скучные пожилые советники ожидали ее сейчас, а ОН: невероятно мужественный, невероятно умный, невероятно русоволосый и невероятно кареглазый, единственный, кого она любила в своей жизни.

— Наконец-то, — выдохнула Эйниссинта. И король Анхорран, сжав ее в объятиях, подумал, что все-таки королева Гайэнтини Эйниссинта — самая потрясающая женщина в местной группе галактик.

* * *

— Мои советники мне просто все уши прожужжали, — сказал Анхорран, потягивая прохладный тоник; они с Эйниссинтой лежали на песчаном берегу бассейна, великолепно изображавшего морской пляж: соленый ветерок, гул прибоя — все точно как в аптеке. — Да, просто в ушах жужжит. Экономическая целесообразность... научно-культурная целесообразность... военно-политические перспективы союзничества...

— Ох! Представляю, — откликнулась Эйниссинта.

— Да и я, — объективным тоном продолжал Анхорран, — подумаю иногда... У вас есть превеликолепные курорты. Поехать туда с тобой, не инкогнито, а прямо так... и ни от кого не прятаться...

— Ну да, — сказала Эйниссинта, задумчиво морща брови. — Один день ни от кого не прятаться, второй; а потом? Потом ты же первый взвоешь.

«Сказочный медовый месяц для истинно влюбленных — у нас проводили его короли!» — продекламировала она, словно читая из невидимой рекламы. — И дурацкие склоки придворных из-за приглашений на свадьбу, и заметки в великосветской хронике, и все будут обсуждать, удачно ли мы смотримся вместе, и журналисты начнут расписывать, какая обстановка у нас в спальне и какие я тебе готовлю коктейли... и ведь все наврут, главное!

— Уфф! — Особенно при мысли о журналистах Анхорран содрогнулся и должен был признать, что она, как всегда, права.

— И сразу нету никакой Тайны, — закончила Эйниссинта, а потом, помолчав, тихонько засмеялась и покачала головой. — Иногда... ты послушай, послушай!.. иногда я просто жалею, что с тех пор, как наши родители умерли, нам никто больше и не мешает. Как тогда было здорово, помнишь?.. Помнишь, как я влюбилась в тебя по иностранной хронике...

— А я прислал тебе ж-жутко засекреченное объяснение в любви через нашего сверхтайного шпиона-резидента, — подхватил Анхорран, чувствуя, как тепло нежности наполняет его, и улыбаясь чуть насмешливо. Замурлыкав, Эйниссинта уютно пристроилась к его плечу.

— Вот что значит наследственная вражда, — сказала она. — А знаешь, может быть, нам и войну устроить? Это было бы в традициях.

— Война — это мысль, — отвечал король Анхорран. — А потом я к тебе приеду на мирные переговоры.

— Ты с ума сошел! — ахнула королева Эйниссинта. — Неужели ты думаешь, что сможешь не смотреть на меня на переговорах ПО-ОСОБЕННОМУ? Вот я — я точно не смогу!

— Мда, — сказал король Анхорран, который действительно об этом не подумал. — Тогда, конечно, не надо войны.

— Не надо так не надо, — согласилась Эйниссинта.

Она была влюблена. Она была влюблена и счастлива, потому что ее любили; а это значит — все прочее несущественно, и незачем его вспоминать.

МАРИЯ ПАРФЕНОВА

ФОНАРНОЕ СЧАСТЬЕ

В углу зашуршало, и на чердак, увлекая за собой небольшой рой снежинок, влетел воробей Викентий.

— Опять фонарь потух? — то ли спросил, то ли уточнил сидевший на спичечном коробке цветочный эльф Тротто.

— Опять... — вздохнул воробей. — Только не говори, что опять туда полетишь! Не мальчик ведь, спину застудишь.

Тротто не ответил. Он и в самом деле был далеко не молод. А за последние пять лет и вовсе раздался вширь, отпустил окладистую бороду и стал ужасно неповоротлив. Но дела это не меняло. Фонарь надлежало зажечь. И, не обращая внимания на увещевания воробья, Тротто нахлобучил ушанку, нацепил тулуп с прорезями для крыльев и сунул ноги в белые, как снег, валенки. Валенки составляли особую гордость старика: сам летом одуванчиковый пух на клумбах собирал, сам валял, сам сушил.

— Я быстро, — эльф махнул рукой и вылетел в холодный декабрьский вечер.

Изобретатель Корюшечкин смотрел в окно и нервно курил. Только что сконструированный робот-чистильщик (голова из консервной банки, руки из вилок, вместо ног — старый игрушечный вездеход) раз за разом ронял щетку и не желал слушаться ни одной из команд хозяина. Корюшечкин вздохнул: дела шли наперекосяк. Строго говоря, они всегда шли именно так, когда во дворе под аркой гас старый фонарь, но изобретатель был рассеян, как все великие умы, и этой связи не замечал.

Пробившись через метель, Тротто нырнул в фонарь (для этого там имелась очень удобная дырка от рогатки мальчика Вени), стянул тулуп и что есть силы замахал крыльями. Минута — и на стенки фонаря начала осаждаться искристая нежно-голубая пыльца.

— Ты смотри, светится! — удивился Корюшечкин, глядя, как под аркой сам собой зажегся фонарь.

В эту же минуту самодельный робот загудел, поднял щетку и выжидающе уставился на Корюшечкина парой глаз-лампочек.

— Заработал, родной! — изобретатель едва не подпрыгнул от радости. — Вот тебе вакса. Иди в коридор и начисть мои ботинки. Понял?

Робот проскрипел что-то невнятное и выкатился из комнаты, а Корюшечкин уселся в старое потертое кресло и принялся слушать, как

за стенкой пиликает на скрипочке мальчик Веня. Стены в коммунальной квартире, где проживал изобретатель, были на редкость тонкими, поэтому слышно было не только мальчика Веню и его скрипку, но и тяжелые охи его бабушки, Алевтины Михайловны.

— Вот выучился бы ты, — шумно вздыхала Алевтина Михайловна, — начал бы по миру ездить, выступать. Вот бы счастье было! Эх, не доживу я... не доживу...

Но вот скрипка смолкла, и Корюшечкин услышал шаги и скрип двери — Алевтина Михайловна направлялась на кухню. Мгновение спустя из коридора донесся истошный визг:

— Что ж ты, паразит, делаешь?!!

Заподозрив неладное, Корюшечкин приоткрыл дверь, выглянул в прихожую и сдавленно охнул: в одной руке разъяренной соседки был трещающий робот, а в другой — ярко-красный женский сапог, до половины окрашенный черной ваксой.

Оценив ситуацию, Корюшечкин пригнулся и юркнул на кухню — и весьма вовремя: и робот, и сапог полетели на пол, а Алевтина Михайловна схватилась за швабру и с боевым кличем бросилась на обидчика.

Сначала парочка покружила по квартире, круша и сметая все на своем пути, а когда перепрыгивать через опрокинутую мебель стало совсем неудобно, вылетела на улицу.

Пронесшись через заснеженный двор и лишившись одного шлепанца, Корюшечкин с визгом нырнул в арку, а еще секунду спустя туда же ворвалась разгневанная Алевтина Михайловна с высоко поднятой над головой шваброй. Страху поднятая швабра нагнала не только на Корюшечкина, но на окрестных кошек, разом бросившихся врассыпную. Воодушевленная вызванной в кошачьих душах паникой, Алевтина Михайловна взмахнула шваброй еще раз — та описала неровный круг и гулко стукнула по многострадальному фонарю: тонкий слой пыльцы разом ссыпался на дно, оставив после себя лишь слабенькое затухающее свечение.

По чердаку гуляли сквозняки. Тротто грел воду в наперстке и тяжело вздыхал.

— Раньше-то как хорошо было! Тепло, светло, эльфочки красивые порхают. Да и сил ого-го — на сто фонарей хватило бы. А теперь гляди, как постарел — пыльца, и та выпцела. Раньше-то золотистая была, а теперь, вишь, в голубую превратилась. Да что там пыльца! Если б не ты, Викентий, мне б и словом не с кем перемолвиться было! Эх, мне б сейчас внучат...

— Гляди! — воробей подскочил на месте и кивнул на крошечное оконце. Там, сквозь падающий снег, медленно скользил вниз искристый желтый огонек.

— Быть того не может! — охнул эльф и, на ходу накидывая тулуп, поспешил наружу.

Огонек, тем временем, медленно планировал все ниже и ниже, как вдруг из соседнего двора донесся рев мотора, и из арки выскочила старая, облупленная «шестерка».

— Осторожнее!!! — эльф бросился вперед, но было поздно: машина уже скрылась за воротами, а сбитый желтый огонек спикировал сугроб у подъезда.

— Живой? — кинулся к нему старик-эльф.

— Живая. — поправил огонек, выбираясь из-под снега. — Я девочка.

— Тебя как зовут-то? — улыбнулся Тротто, кутая крошку-эльфочку в наскоро стянутый тулуп.

— Счастье. — девчушка зевнула, откинула в сторону рыжую косичку и мгновенно уснула.

— Надо же! — опешил эльф. — Вот это имя! Ладно, разговоры потом, а теперь живо домой, греться.

Но на чердаке было не намного теплее, и проснувшаяся малышка зябко ежилась под тулупом и то и дело терла кончик митом покрасневшего носика.

— Нет, так дело не пойдет. — кашлянул воробей Викентий. — Замерзнет она тут. Надо утепляться.

— А как? — развел руками Тротто. — Щелей вон сколько! Чем я их заткну?

— А ты не затыкай, — хитро улыбнулся Викентий. — Ты переезжай.

— Куда это? — опешил эльф.

— А вот в тот самый фонарь, что под аркой. Там и уютнее и теплее. Мебелишку твою перевезем, коврик постелем. Будешь там сидеть, чаек попивать и сказки девчупке рассказывать. А что дырка пробита — так это ничего! Я тебе кусок коры принесу, закроем так, что ни один сквозняк не проберется. Собирайся, старый, в миг довезу!

За окном неторопливо падали пушистые снежики, Алевтина Михайловна заворочено слушала Венечку, который внезапно перестал фальшивить, изобретатель Корюпечкин спешно набрасывал чертеж нового, гениально придуманного робота, а в уличном фонаре, на коленях у старика Тротто сидело и улыбалось маленькое веснунчатое Счастье.

Дорогие читатели!

Представляем отрывок из нового романа Марины и Сергея Дяченко. Роман называется «Мигрант, или Brevi Finietu» и должен выйти в октябре в издательстве «ЭКСМО».

Из аннотации:

Андрей Строганов вдруг оказывается на другой планете — он мигрировал с Земли. Два последних года его жизни изъяты в уплату за визу, поэтому Андрей не помнит, почему решил уехать. Что случилось на Земле, и есть ли дорога назад? Тем временем на уютный мир Раа, где оказался Андрей, наползает тень...

Роман «Мигрант, или Brevi Finietu» Марины и Сергея Дяченко продолжает цикл «Метаморфозы», начатый романами «Vita nostra» и «Цифровой, или Brevis est», но является самостоятельным произведением.

Роман также должен выйти и на украинском языке в издательстве «Фолно».

Предлагаем фрагмент романа. В нем Андрей Строганов пытается пройти Пробу, чтобы стать полноценным гражданином.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Это была уже вторая бессонная ночь. Крокодил прекрасно знал, что завтра с рассветом придется подниматься и бежать куда-то до полного изнеможения, и отчитываться в способности летать без крыльев, например. Или есть червяков. Или дышать под водой. Ему было все равно.

Он бродил один по лесу, освещенному звездами, спутниками и светялками в траве. Звенели цикады или какие-то их местные аналоги. Становилось холодно, Крокодил размахивал руками, чтобы согреться. Он пробежался бы, но сбитые ноги болели.

Потом он услышал шорох в кустах. На месте Камор-Бала, подумалось ему, я выждал бы момент и зарезал обидчика насмерть. Зависимый гражданин, вроде бы, не может нести уголовную ответственность...

В кустах обнаружилось небольшое животное, вроде лисы, но с голой кожей. Уродливая и одновременно трогательная тварь. Крокодил разглядел ее, когда она пересекала полянку — рассеянный свет отражался на шкуре зверюги, гладкой, будто натертой маслом. Мелькнули в полумраке огромные глаза: животное вело ночной образ жизни и не хотело, чтобы ему мешали.

Крокодил потянулся, разгоняя кровь. Итак, юридические особенности: если Камор-Бал, гражданин с ограниченной дееспособностью, меня сейчас зарежет — кто будет нести ответственность? Родители? Айра прав: я слишком мало знаю.

Голая зверюга растворилась в темноте. Крокодил прислушался: не различил ни чужого дыхания, ни движения, ни даже запаха. И снова Айра прав: я чувствую себя виноватым... Хотя состава преступления нет в моих действиях. Полноправный гражданин не должен поднимать оружие, если его дернули за косичку...

Между стволами обозначилась водная гладь. Потянуло одуряющим запахом прибрежных цветов. Крокодил вышел к реке. На камне у берега сидел парень, сжимая в опущенной правой руке обнаженный тесак.

Крокодил остановился.

Фигура парня, гипсово-белая, только что не светилась в темноте. Тимор-Алк невозможно было перепутать ни с кем. Его левая рука лежала на коленях ладонью вверх, предплечье пересекали, будто шпалы, темные полосы.

Шрамы. Пять штук. Крокодил постоял, потом подобрался поближе.

На его глазах Тимор-Алк сделал глубокий вдох и полоснул себя по руке возле самого локтя. Показалась кровь, почти черная в полумраке. Тимор-Алк опустил голову и сосредоточился, глядя на рану.

Крокодил увидел, как ее края слипаются. Соединяются — грубым швом. Крокодил боялся пошевелинуться; минуты через три полного оцепенения Тимор-Алк подался вперед, сунул руку в воду и смыл кровь.

Новый рубец, темнее прочих. Иззубренный, будто руку вскрывали консервным ножом.

— Ты же завтра не встанешь, — не выдержал Крокодил. — Кровопотеря...

Алк зачерпнул горстью из той же реки, выпил, размазал воду по подбородку. На голос Крокодила он даже не оглянулся, не вздрогнул, — видно, давно знал о его присутствии.

— Ничего, — отозвался после паузы, когда Крокодил решил уже, что ответа не будет. — Восстанавлиюсь. Скажи, ты это нарочно сделал? Айра тебе велел?

— Да ты что?! — Крокодил поперхнулся. — Я за тебя же, дурака...

— За меня не надо, — проговорил Тимор-Алк, сосредоточенно разглядывая свежий рубец. — Я сам за себя.

Крокодил сел рядом.

— Как ты это делаешь? — спросил и поразился, каким вкрадчивым стал его голос.

— Хочешь научиться?

— Да, — сказал Крокодил. — Если у тебя получается — значит, выйдет и у меня, правда?

— Я не знаю. Я не видел, чтобы у мигрантов получалось.

— А много ты видел мигрантов?

— Мало, — признался Тимор-Алк. — Но слышал. У меня бабушка работает в миграционном центре.

— Очень интересно, — Крокодил почувствовал себя рыбаком, чей поплавок вдруг полностью исчез под водой. — Твоя бабушка...

Тимор-Алк повернул голову:

— Я ничем не могу тебе помочь. И моя бабушка не может. Не рассчитывай. Какой проницательный мальчишка, огорченно подумал Крокодил.

От реки поднимался холод. До рассвета оставалось несколько часов; цикады в лесу замолчали, стихли лесные птицы, и сделалось беззвучно, как в вате.

— Теперь ты сдашь регенерацию? — снова начал Крокодил.

— Сдам, — сухо отозвался Тимор-Алк.

— Почему ты назвал Айру... Как ты его назвал? Махайрод? Это кличка?

— Это его имя. Айра — кличка.

— Откуда ты знаешь?

— Какая разница? — Тимор-Алк глядел на свою руку, будто решая, резать еще или не надо.

— Ты с ним знаком?

— Нет... Ты спать будешь?

Тимор-Алк вложил тесак в ножны и поднялся. Тихо плеснула вода. Крокодил поднялся вслед за ним.

— Люди тебя ненавидят, — сказал Тимор-Алк.

Крокодил поперхнулся, готовый возражать, смеяться, оспаривать это совершенно бредовое заявление, но через секунду сообразил, что речь идет всего лишь о мальчишках-претендентах. Во фразе не было обобщения — «все люди тебя ненавидят». «Люди» — значит пацаны, уверенные, что Крокодил подставил Камор-Бала.

— Ничем не могу им помочь, — сказал сквозь зубы. — Мне самому очень жалко этого дурака.

* * *

Слабая надежда, что Айра отменит свое решение, развеялась на рассвете. Камор-Бал оставил у костра аккуратно сложенные короткие штаны, положил на траву тесак в деревянных ножнах, коротко попрощался с ближайшими товарищами и ушел к лодке — в той одежде, в которой прибыл на остров. Лицо его казалось непроницаемым.

На Крокодила никто не смотрел. Его сторонились, как зачумленного. Бойкот переживу, подумал он. Лишь бы змею в постель не подбросили.

В этом лесу не было змей. У претендентов не было постелей. Так что бояться Крокодилу, скорее всего, не следовало.

Айра объявил построение сразу же после отбытия Камор-Бала. Подростки, заметно бледные от недосыпа, выстроились полуколосьем на поляне, и Тимор-Алк высоко поднял руку.

— Что? — спросил Айра.

— Я готов сдавать регенерацию.

— Сдашь вместе со всеми... Сегодня у нас другая тема. Физическая выносливость и болевой порог. Кто боится боли?

Ни одна рука не поднялась.

— Врете, — сказал Айра. — Но это не важно. Полчаса на умывание и завтрак — и побежали!

* * *

Этим утром кросс дался Крокодилу куда тяжелее, чем вчера. Ноги болели — теперь в самом деле болели! — и кружилась голова. И если вчера он был настроен благодушно и собирался устроить мальчишкам мастер-класс, то сегодня поражение сидело у него на закорках, как жестокий наездник, и тянуло к земле.

Мальчишки были подавлены. Вчера утром, вдохновленные плясками у костра, они хотели побеждать. Сегодня, после бесславного отбытия Камор-Бала, каждый сражался с сомнением: что, если и я не сумею? Тем более, что впереди такое заманчивое испытание: физическая выносливость и болевой порог...

Айра провел группу по прежнему маршруту, но у водопада свернул в другую сторону, и тропинка пошла не вверх, а вниз. Слева тянулась скала, похожая на пережженную хлебную корку. Справа — заросли, а за ними, кажется, прятался обрыв.

Потом весь строй бегущих перед Крокодилом стал укорачиваться, исчезать, будто проваливаясь в пропасть. Крокодил последним добрался до узкой щели в скале — в эту щель, как в нору, Айра увел претендентов, и теперь сопение, покашливание, топот отражались от стен узкой и очень высокой пещеры.

Сделалось душно. От непривычно сухого воздуха саднило горло. Бег сменился шагом: подростки, и вслед за ними Крокодил, протискивались в узкий лаз, который не делался шире — наоборот. Крокодил не страдал клаустрофобией, но в застрявшем лифте ему всегда делалось не по себе. Что это: лишаем полного гражданства всех, в ком обнаружим хоть намеки на психические расстройства?!

Острый камень оцарапал плечо Тимор-Алку, и на порезе выступила розоватая кровь. Почему же они его не любят, спросил себя Крокодил, чтобы отвлечься. Почему в мире, принимающем мигрантов и относящемся к ним доброжелательно, вдруг такая нетерпимость к своему же — но полукровке?

Айра был прав: на «историю и культуру» Раа Крокодилу не хватило времени. Но почему в обзорной информации, которую он просмотрел внимательно, ни словом не упоминались живущие на Раа зеленые люди? Помнится, у него тогда сложилось впечатление, что на планете не существует деления ни по расовому признаку, ни по социальному...

Он почти задыхался. Тимор-Алк, бегущий впереди, кашлял. Наконец, лаз, по которому они пробирались, превратился в коридор. Потом стены расступились еще шире, над головой проглянула полоска неба; Айра остановился:

— Станьте полукругом.

Группа молча повиновалась. Крокодил, против своей воли, очутился в самом центре — прямо напротив Айры.

— Это место называется плавильня, — сказал инструктор. — За все время испытания группа приходит сюда только один раз. Значит, возможности что-то исправить не будет.

За его спиной дрожал разогретый воздух. Под босыми ногами лежала черная и гладкая, как мрамор, земля. Дальше, метрах в ста, на земле переливались темно-красные огни, неприятно похожие на тлеющие угли.

— Посмотрите внимательно, — Айра повернулся, широким жестом указывая вперед. — Ширина того, что светится — тридцать шагов. Это угли, ребята. Вам необходимо настроиться, собраться и перебежать на ту сторону очень быстро. На той стороне — спуск к морю, доступ к пресной воде, медикаменты и отдых. Все понятно?

Парни тяжело дышали. Крокодил готов был завывать.

Ну зачем?! Чего ради? Зачем полноправному гражданину умение бегать по углям?! И почему тот, кто по углям не бегает, пожизненно обречен на зависимый статус?

— От испытания можно отказаться, — помолчав, сказал Айра. — Дорога обратно и напрямик домой.

Группа стояла в молчании. Слышно было, как потрескивает раскаленная земля, как шипит огонь, как высоко в небе, над расщелиной, кричит морская птица. Наконец, Полос-Над, оскалившись, выступил вперед:

— Можно начинать?

Он храбрый, подумал Крокодил, глядя, как играют желваки на осунувшемся и пыльном лице парня. Это в самом деле храбрые дети. В моей школе таких нашлось бы... раз-два, и обчелся.

— Хорошо, — Айра кивнул. — Видишь те камни?

Крокодил проследил за его рукой. Впереди, за поясом углей, справа и слева выступали из скалы белые камни, будто клыки.

— Не оглядывайся. Не поворачивай назад. За камни — и вперед, там увидишь, куда идти. На берегу дожدهшься остальных.

— Да.

Полос-Над повел плечами. Сцепил пальца перед грудью и начал часто-часто дышать. Глаза его закатились; страшный, похожий на зомби, юноша запугал по направлению к углям.

Шаг его становился все шире. Он побежал.

Все подались вперед, желая видеть.

Не тормозя, ни секунды не мешкая, Полос-Над взлетел над углями — это был очень длинный прыжок. Его босая пятка коснулась углей, он взвыл — и продолжал бежать, так что черный дым стлался за ним, как выхлопной шлейф за мотоциклом. Через несколько секунд он был уже возле белых камней — и, не оглядываясь, скрылся за ними, только дым и пепел висели над горячей землей, обозначая его траекторию.

— Прошел, — сказал Айра с таким самодовольством, будто это он сам впервые решился бежать по углям. — Дальше?

Сразу несколько парней шагнули вперед, и среди них — Тимор-Алк. Крокодил заинтересовался.

— Давай, — Айра кивнул метису. — За ним — можно без заявки. Три-четыре человека сразу. Дорога широкая.

Тимор-Алк посмотрел на него как-то особенно пристально и грустно. Почти не разбегаясь и не готовясь, кинулся на угли, и на бегу завизжал.

Крокодил стиснул кулаки. В чужой монастырь со своим уставом не ходят; трудно придумать штуку гнуснее, чем это Испытание. В кулачном поединке с Айрой у него, наверное, нет шансов, но у него есть тесак у пояса. А у Айры — нет.

Инструктор почувствовал его взгляд и повернул голову. Тимор-Алк уже скрылся за белыми камнями; он прошел, молодец, но его визг все еще стоял у Крокодила в ушах. Ребята о чем-то совещались, кто-то часто и шумно дышал, кто-то стоял, вытянув руки к небу, с зажмуренными глазами. Айра смотрел на Крокодила прямо, жестко, насмешливо.

Я могу, наверное, его убить, подумал Крокодил. А что потом?

Решились сразу трое. Взвыли в три голоса и скрылись, подняв тучу пепла. Порыв ветра разбросал ее, снова очистив раскаленное пространство, где струился воздух, будто над костром. Новые претенденты утирали со лбов холодный пот. Кто-то вполголоса завел знакомую песню: «Это наше право. Мы здесь по праву. Растет трава, течет вода, челнок выходит на орбиту — по праву...»

Ребята приободрились. С воплем «По праву!» побежали сразу четверо. Потом еще двое. Оставшиеся разминались, растирали лица и плечи, бормотали под нос и снова подхватывали песню, хотя звучала она совсем не так уверенно и бодро, как у костра.

Один за другим, закусив губы, глядя на товарищей, взявшись за руки — они решались. И исчезали на той стороне, за белыми камнями. Наконец, остались только Айра и Крокодил.

— Ну и? — Айра смотрел в небо.

— Ну ты и ублюдок, — сказал Крокодил.

— А еще?

— Палач. Садист. Весь ваш мир стоит на костях. Поганое, лицемерное, гнилое, смердящее общество.

— А еще?

— Я буду рад начистить тебе морду.

— Я слегка сильнее.

— А я слегка злее. Что тебе сделали эти дети?! Ты, здоровенный боров! Это работа для мужчины?! Ты надзиратель, надсмотрщик в...

Крокодил сбился. В его новом родном языке не было слова «концлагерь».

Айра грустно кивнул:

— Я предупреждал тебя много раз. И все равно мы возвращаемся туда, откуда начали: ты не пройдешь Пробу.

Крокодил выругался, как не ругался никогда в жизни. То, что должно было прозвучать, как грязный мат, на его новом родном языке обернулось весьма скверным ругательством, но совсем другого образного ряда.

И, изрыгая из себя жуткие слова, он прыгнул на угли. Плевать Айре в рожу, бить его, убивать его он хотел, получив сперва моральное преимущество.

От ярости даже не чувствовал боли.

Вообще.

Пробежав несколько шагов, остановился. Он стоял на углях и ничего не чувствовал, кроме шероховатой поверхности под ступнями. Угли были чуть теплыми. Воздух струился и дрожал вокруг, но не от жара; дым походил на чернила, расплывшиеся в воде.

Через мерцающее красным поле шел, сунув руки в карманы, Айра. Поддавал угольки босой ногой:

— Испытание заканчивается за белыми камнями. Там финишная линия.

Крокодил наклонился и потрогал «угли» руками:

— Это что — фейк? Розыгрыш?!

— Это испытание, — устало повторил Айра. — Ну ладно, доковыляешь до камней — будем считать, что этот модуль ты прошел.

* * *

За камнями обнаружился поворот, а за ним выход из пещеры, неожиданный, как в парке аттракционов. В бухте с прозрачной водой, с белым песком и маленьким водопадом, живописно струящимся по скале, веселились победители: валялись на песке, хохотали, купались и делились впечатлениями.

Многие на углях чувствовали жар, особенно в первые моменты. Никто не ждал, что испытание «на боль» окажется испытанием «адекватного восприятия» и обыкновенной пробой храбрости. Каждый гордился собой, отважным, решившимся пробежаться по углям; каждый радовался себе, адекватному, раскусившему подвох на середине дистанции или у белых камней.

Только Тимор-Алк сидел на камне у крохотного озера, образованного водопадом, сидел сгорбившись, опустив ноги в воду, ни на кого не глядя. Крокодил, чувствуя себя круглым идиотом, посидел на песке, потом подошел к зеленоволосому:

— Глупая идея, правда?

Тимор-Алк не ответил.

— Ну, объясни мне: нафига нужна такая «инициация»? Что же у вас за общество такое, если в нем такие полноправные граждане, а?

Тимор-Алк молчал. Белая кожа просвечивала сквозь зеленые волосы на голове. Пальцы судорожно вцепились в голые колени.

Крокодил перевел взгляд на его ноги. Вода, прозрачная, как спирт, не скрывала ничего: ступни Тимор-Алка были ярко-красные, в огромных волдырях.

— Что это?!

— Уйди, — тихо сказал Тимор-Алк.

— Но ведь там не было жара! Это виртуальная...

— Уйди.

Крокодил попятился. Мальчишки на берегу проводили время, как проводят его счастливые пацаны на пляже; Крокодил долго вертел головой, прежде чем разглядел Айру, сидящего на высоком камне, глядящего на море и жующего травинку.

Крокодил не без труда отыскал тропинку в камнях. Айра, услышав его, даже не обернулся.

— У Тимор-Алка... ожог второй степени, по-моему, — сказал Крокодил, обращаясь к его затылку.

Айра повернул голову. Крокодил был готов услышать что-то вроде «Я знаю» или «А тебе какое дело?», но мутноватые глаза инструктора вдруг прояснились. Он поглядел на Крокодила, потом вниз, на пляж, нашел Тимор-Алка. Тот по-прежнему сидел скрючившись, опустив ноги в проточную воду.

— Плохо, — коротко заметил Айра.

— Он верил, что это угли. Бежал по углям. Попробуй, скажи, что он не прошел этот тест.

— Прошел, — Айра не стал спорить. — Но у него большие проблемы.

— Кто ты по званию? — спросил Крокодил.

— В смысле?

— Ты ведь офицер, да? — Крокодил запнулся, потому что слова его нового родного языка снова пришли в несоответствие с понятийным аппаратом. — Ты... участник жесткой иерархической структуры, которая занимается отбором полноценных граждан? С одной стороны, ты на низшей ступени, всего лишь полевой экзаменатор... С другой — ты единолично принимаешь решения...

Крокодил замолчал, недовольный собой. Ему не нравилось неестественное звучание знакомых, казалось бы, слов.

— Так в каком ты звании? Капрал? Лейтенант? Сотник?

Айра посмотрел на него с интересом:

— У меня, знаешь, малый опыт общения с мигрантами. А зря: вы забавные... Дорогой Андрей, я твой инструктор, и все. Процедура Испытания формализована и регламентирована до малейших деталей. Если ты докажешь свое право быть полноценным гражданином — я буду первый, кто тебя поздравит.

И он встал:

— Собираемся! — его голос легко перекрыл и болтовню мальчишек, и ворчание прибоя. — Возвращаемся в лагерь, и вечером, если успеем, сдадим регенерацию... Подъем!

ИНТЕРВЬЮ С МАРИНОЙ И СЕРГЕЕМ

Ваш роман — это продолжение «Vita nostra» и Цифрового?

СЕРГЕЙ: Это цикл «Метаморфозы». Но его романы объединены скорее ассоциативно, нежели сюжетно. Одна из тем цикла — что такое манипулирование сознанием и можно ли ему противостоять. Так вот...

МАРИНА (перебивает): Романы вовсе не об этом!

СЕРГЕЙ: Тогда о чем?

(Пауза)

МАРИНА: Я бы предпочла не говорить об этом.

Расшифровка смыслов — удел критиков.

СЕРГЕЙ: -М-да. Во всяком случае, в цикле есть некий подзаголовок, позволяющий хоть немного приоткрыть завесу секретности. Если сложить латынь во всех трех названиях романов, то получится:

— Vita nostra brevis est,

Brevi finietur...

Это строки из студенческого гимна «Гаудеамус». В поэтическом переводе они звучат так:

— «Жизнь мы краткую живем,

призрачны границы...»

Так что наши романы, вероятно о том, что такое жизнь, и насколько призрачны ее границы.

Название цикла — «Метаморфозы», отсылает читателя к Овидию. Это не случайно?

СЕРГЕЙ: — Поэма Публия Овидия Назона давно уже стала общим достоянием культуры. Это удивительная энциклопедия мудрости, познания жизни и любви. Для меня она вершиной фэнтези, философской фантастики...

МАРИНА: — Ну что ты говоришь, Сережа! Фантастика и фэнтези родились много позже, как ты знаешь.

СЕРГЕЙ: — Овидий интерпретирует мифы, а мифы — это не есть реальность, даже если в их люди и верили. Но не будем спорить — пусть Овидий не вершина, так предтеча фэнтези. Главное — в своих пятнадцати книгах, в барочной пестроте миниатюр Овидий впервые пытается понять — что такое любовь, страсть, смысл жизни... Его интересует парадоксальность происходящего, возможность придать невозможному черты реальности — чем не постулаты современной фантастики и мистики?

МАРИНА: — Термин «Метаморфозы» имеет и другие смыслы — например, превращение, преобразование. То, что может происходить и в душе человека, и в сообществе людей.

Традиционный вопрос — над чем сейчас работаете?

Заканчиваем новый роман «Одержимая» — это мистическая история, с новыми для нас элементами комедийности. Наша главная героиня совершенно необычна для нас, ее ждут непростые поиски и испытания. Но характер у нее эксцентричен, она сильный и талантливый человек. Посмотрим, что у нас получится... Также надеемся вскоре закончить новый сборник повестей и рассказов. Некоторые из них — «Жук», «Мир» — будут опубликованы в итоговых антологиях «Эксмо».

Закончены съемки фильма «Рейдер» по нашему сценарию (экранизация романа Павла Астахова). Зимой доснимут последние эпизоды телесериала «Белая гвардия». Надеемся, сам сериал будет закончен в 2011 году. Идет работа над документальной кинооперой «Цвет времени: война», и начинается работа над художественным кинофильмом «Подкидыш» — слава Богу, наш сценарий понравился в Голливуде.

Наконец-то в Америке и во всем мире должен стартовать односерийный вариант «Обитаемого острова». Надеемся, что международная версия этого фильма, даст новую жизнь экранизации романа Стругацких.

В разработке у нас еще несколько картин и сериалов. Что ж, поживем-увидим.

Жизнь прекрасна, господа.

13 ноября 2010 г., во время Дней Фантастики в Киеве, в 15:00 состоится творческая встреча с Мариной и Сергеем Дяченко. В ее программе — презентация романа «Мигрант» (автограф-сессия). Там же вы сможете задать свои вопросы писателям.

Это будет происходить в Актовом зале Университета физической культуры (м. «Республиканский стадион»).

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

КРИТИКА КАК ОБЪЕКТ КРИТИКИ

Давно стало общим местом, что критик является главным и безусловным врагом литературы.

Святослав Логинов

Этот доклад был тезисно подготовлен к «Роскону» 2006 года и тогда же был произнесён в узком кругу критиков и нескольких примкнувших к ним заинтересованных лиц. С одной стороны, узость того круга позволила провести по изложенным тезисам более чем конструктивную дискуссию, уточнить ряд позиций и точек зрения. С другой стороны, тот доклад так и не стал известен хоть сколько-нибудь широкому кругу критиков, писателей и читателей, что даёт возможность повторить выступление на ту же тему на другой площадке.

Сразу оговорюсь, что, говоря о критике фантастики, я в то же время сознаю, что целый ряд тезисов этого выступления носят достаточно общий характер, чтобы относиться и к критике литературного «мэйнстрима», равно как и к критике в других направления искусства — например, в кино.

Итак, какие нынче бытуют мнения о критике фантастики?

Критики нет вообще. Тут весьма показательна точка зрения Владимира Васильева, изложенная в свойственной для этого автора манере в одном из интервью и неоднократно повторённая в сетевых репликах. Могу констатировать, что совершенно сходные высказывания других лиц встречал неоднократно в самых разных источниках.

Цитата:

— Как вы относитесь к критикам?

— Ненавижу (смех). Но вообще, если говорить серьёзно, у нас почему-то нет приличных критиков. Я имею виду, критиков фантастики. Критикой фантастики почему-то занимаются люди, которые скорее демонстрируют свою значительность и утонченность, чем анализируют текст. Я не могу назвать это критикой, и поскольку мне от них сильно достаётся, совершенно естественно, что я их не люблю.

— То есть, нормальных критиков на данный момент нет?

— Может, они и есть, но я о них ничего не слышал, я их не видел и не знаю.

Последняя часть высказывания подводит нас к следующей теме:

Критика есть, но не такая, какой она должна быть. По сути, Васильев, говоря о том, что «критики нет», сказал именно это: критика есть, но не такая, какой она «должна быть». Это мнение не менее распространено. Довольно обширный каталог критических «отклонений» приводят Михаил Денисов и Виктор Милитарев в статье «Русскоязычная фантастика как теневой духовный лидер», при этом претензии соавторов к критикам носят характер от системных до частных. Детальный анализ этих претензий интересен сам по себе, однако в тему доклада не слишком вписывается — хотя упомянуть об этой публикации важно. Мы же займёмся обобщениями.

Утверждение, что критика *не такая, какой должна быть*, подразумевает, что у высказывающего этот тезис есть представление о том, какой именно критика быть должна. Сама категория долженствования в этом контексте вызывает у докладчика нервный тик. Критик, безусловно, всем всегда что-то должен, однако стоит напоминать, что критика сама по себе ничего и никому не должна. Тезис, что удивительно, не для всех очевидный и потому весьма мало распространённый, что не делает его менее принципиальным.

Вернёмся, однако, к воображаемым «долгам». Каждый «кредитор» видит «долг» критики в своём ракурсе. Перечислим некоторые из них.

Начнём с **читателей**. Согласно наиболее часто встречающимся социальным «заказам», читатели ждут от критики, прежде всего чего-то вроде **кратких аннотаций** к книгам. Докладчику неоднократно указывали, что никого не интересует его личное мнение о прочитанном, он обязан вместо того, чтобы выпендриваться, просто вкратце изложить сюжет и сказать, хорошая книга или плохая, на чём поставить точку. С этим же подходом связан и другой: критик должен ориентировать читателя в текущем ассортименте, для чего предназначены **обзоры** с теми же краткими аннотациями. Лучше всего, конечно, читатель воспринимает обзор выходящих в ближайшем будущем книг, ибо хочет знать заранее, что ему покупать, а что нет. Естественно, того же самого ждут от критики и книготорговцы — с той поправкой, что они органически не способны понять, как могут публиковаться отрицательные рецензии на продаваемые ими книги. Дело доходит до угроз подать в суд на рецензента за подрыв деловой репутации.

Таким образом, читатель и книготорговец демонстрируют естественное для них **чисто потребительское отношение** к критике. Они в своём праве, безусловно, и более того — они в полной мере получают от критики именно то, что хотят. Обратите, однако, внимание: имея желаемое, читатели в то же время проявляют искренне недоумение (вплоть до глубокого огорчения), когда встречается с критикой, не отвечающей описанному критерию. Вот есть же «*правильные*» рецензии, зачем же писать «*неправильные*»?

Другой круг требований к критике демонстрируют **авторы**. Они также обычно уверены, что критика должна их обслуживать. Регулярно встречаются требования писателей к критикам не заниматься самовыражением, а взяться за «объективный литературоведческий анализ произведения» (а пропо, под «объективным» анализом естественно понимается анализ комплиментарный, но об этом чуть ниже). Некоторые авторы особенно любят, когда рецензент использует применительно к их текстам термин «стилистика» и страшно обижаются, когда этот термин не упоминается (вот так вот, ты стилист, а никто и не видит!). Иные авторы считают, что рецензия не удалась, если критик текст обругал, но не указал ни на одну из авторских фактических или профессиональных ошибок — такие, видимо, всё ещё чувствуют себя учениками, сдавшими очередную контрольную и ждущими от учителя исчерпанную тетрадку, дабы провести работу над ошибками.

Интересные категории требований предъявляют к критике фантастики сами **критики**. Тут можно нарыть богатый материал для психоанализа. Критики ждут от критики, что она будет развиваться в соответствии с их представлениями о развитии критики. От критиков мы регулярно слышим вопли о бедственном положении критики. Критические материалы не публикуют журналы, которые должны её публиковать, во что бы то ни стало, а иначе она помрёт; а ежели журналы печатают критику, то совсем не такую, которая нужна для процветания критики. Критики упрекают других критиков в том, что те не пишут, в том, что те пишут мало или что пишут не то и не так. Забавнее всего выглядит бодание между критиками «мэйнстрима», верующим, что литературоведческие парадигмы «боллитры» тотально применимы к фантастике, и критиками фантастики, мечтающими, чтобы к фантастике подходили с правильной линейкой и мерили её не там, где торчит, а там, где красиво изогнуто. Здесь тоже возникают категории долженствования, которые, сталкиваясь лбами, взаимно аннигилируют до полной бессодержательности.

Между тем, я позволю себе выдвинуть ряд тезисов, которые ндут глубоко вразрез с перечисленными требованиями всех упомянутых выше групп лиц: 1) критика есть, 2) критика такова, какова она есть, и 3) критика не обязана обслуживать интересы ни одной и упомянутых выше групп.

Отдельно следует поднять вопрос о таком регулярно ожидаемом от критики качестве, как **«объективность»**. Сплошь да рядом приходится стенания о «необъективности» критиков. Вероятно, стенающие воображают, что где-то существуют критики, снабжённые единственно правильной линейкой, способные раз и навсегда установить, какая книга является объективно хорошей, а какая — объективно плохой. При этом под хорошей книгой, конечно, понимается книга, которая нравится самому читателю, а не только этому критику — как говорилось выше, само по себе читателя мнение критика, как правило, не интересует,

только в связи с его собственным мнением. Отсюда часто звучащие в адрес критиков требования избегать «субъективных» оценок. Как-то само собой при этом разумеется, что «объективными» читатели считают оценки, совпадающие с их собственными. Но, несмотря на это, одной только своей собственной оценке (не поддержанной оценкой критика), читатель почему-то не вполне доверяет — и поэтому ему позарез нужна «объективность». В крайнем случае, подозреваю, такому читателю сгодится и Мензура Зоили, но только до первой оценки, не совпадающей с его собственной, после чего аппарат, естественно, будет признан испорченным и утилизирован в ближайшем объективном сортире.

Автору доклада чрезвычайно близка позиция Кирилла Еськова, озвученная в одном из интервью. На вопрос «возможна ли вообще объективная критика?» он ответил: что рассматривает критику *«как совокупность читательских мнений: есть поумнее и поглупее, пооригинальнее и побанальнее; все они имеют право на существование, а некоторые (вы таки себе будете смеяться!) даже интересны автору... Лицам, полагающим себя «критиками», следует просто не забывать употреблять в своих текстах волшебное слово «ПМХО» (или его эквиваленты) и помнить, что их рецензия — просто одно из многих читательских мнений, и не более того...»*

Итак, автор доклада отклоняет требование «объективности» критики как бессмысленное, равно как и идею о естественности чисто сервильных функций критики. Это итог негативный, но есть у автора доклада позитивная программа? Есть. Избавив взгляд критическую работу от двух упомянутых белым, мы получаем в сухом остатке именно то, что так не нравится недовольным: **чисто субъективное мнение критика о произведении.**

Суть критического материала — изложение собственного прочтения критиком рецензируемых произведений. Критическая статья, кстати, тоже есть форма литературного произведения. Рецензия (статья, etc.) даёт читателю возможность оценить отличный от его собственного взгляд на произведение, а затем осознанно согласиться с ним (принимая как равнозначный своему взгляду или даже замещающий его) или осознанно не согласиться. Критические работы дают их читателю возможность взглянуть на художественное произведение в нескольких «ракурсах», возможность развивать свою собственную точку зрения, которая при иных обстоятельствах могла бы остаться статичной.

При этом сам критик оказывается перед необходимостью следовать следующим принципам.

Во-первых, критический анализ воспринимается им как **осознанно субъективный**. Автор критической статьи понимает, что он субъективен и принимает свою субъективность без комплексов, ибо он в этом смысле находится в совершенно равных условиях с прочими критиками (собственно, в равных условиях с любым, кто высказывает своё мнение о художественном произведении).

Во-вторых, **добросовестность**. Как хорошие книги не пишутся о вещах, к которым их авторы индифферентны, так и хорошие критические материалы не пишутся о книгах, в которых критик нашёл для себя лишь отсутствие всякого смысла. Фальшь и халтура опытным читателем распознаются легко и убивают доверие к критику моментально. Точно так же бросается в глаза, когда критику банально нечего сказать по поводу прочитанного и он выжимает из себя страницы бессмысленного текста ради заполнения журнальной площади. По-человечески всё понятно, кушать хочется всем, автор доклада в этом смысле тоже не безгрешен. Но любой обман читателя наказуем; особенно сейчас, когда читатель благодаря интернету обрёл немыслимую ранее свободу выражения своего мнения.

В-третьих, как следствие всего вышесказанного, **недопустимость претензий**. Критик не выше автора, не выше он и читателя, истина ему недоступна — лишь бесконечное движение к ней. Критика никто не выбирал судьёй или арбитром, его мнение — не закон. Критику, как и любому другому читателю, придётся привыкнуть к представлению о существовании множества **равноправных** субъективных мнений о предмете его критического анализа. Это, конечно, не означает, что критик должен большую часть времени проводить, упражняясь в реверансах в сторону других мнений — ибо он, как правило, пишет именно для того, чтобы изложить **своё собственное суждение**, а не для того, чтобы перечислять суждения оппонентов.

Всё сказанное относится к индивидуальной критике, однако вполне отражает и нынешнее состояние критики фантастики в целом. При том, что критика фантастики, безусловно, существует (публикаций множество — и в журналах, и в газетах, и в Интернете, и даже отдельные издания есть; и доклады делаются на семинарах; и ежегодные премии за всё это вручаются), эта критика в то же время **не производит впечатления существующей**, о чём свидетельствует упомянутое в начале доклада непрекращающееся нытьё на тему «дайте нам критику фантастики сейчас же».

Как было вполне точно определено при обсуждении этого доклада на прошлогоднем «Росконе», проблема не в наличии критических текстов, а в наличии критических **авторитетов**. Нынешняя критика слишком легко скатывается к сервильности, слишком стремится соответствовать требованиям читателей, издателей, авторов, слишком легко признаёт свою вспомогательность по отношению к литературе — и тем самым надёжно убивает свой собственный авторитет. Нынешняя критика не ведёт себя с тем достоинством, без которого она в принципе не имеет смысла. И обвинять в этом некого, кроме самих критиков — их никто не делал рабами читателей, издателей и авторов, они стали их рабами по своей воле.

Вывод критики из этого рабства назрел хотя бы потому, в нынешнем позорном состоянии она никому не нужна — даже тем, кто оплачивает

заказанные рецензии, так как текст, который они получают, без авторитета не значит ничего. Большая часть публикуемых статей и рецензий не замечаются публикой совершенно заслуженно, ибо не содержат ничего для неё значимого, хуже того — потому что не содержат ничего, что было бы ценно для тех, кто эти статьи и рецензии писал.

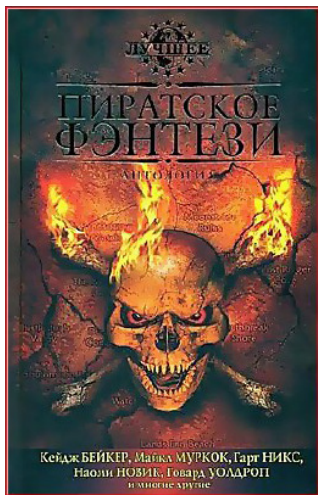
Мы рабы, господа критики, и потому мы — немые. Строго говоря, основной задачей доклада было извещение критиков, читателей и авторов об этом печальном обстоятельстве.

А что и как каждый из нас решит в связи с этим предпринять — это вопрос не к докладчику.

АЛЕКСЕЙ ИОНОВ

СВИСТАТЬ ВСЕХ НАВЕРХ!

Лучшее — Пиратское фэнтези. — СПб.: Азбука-классика, 2010. — 372 с.

Ах, эти замечательные пираты. Огромный кассовый успех кинопентологии «Пираты Карибского моря» в очередной раз подтвердил, какой большой любовью у публики пользуются отчаянные морские разбойники. Им уже посвящены десятки отличных книг, фильмов и видеопг, и все равно каждый новый продукт пользуется устойчивым спросом. А ведь если учесть, что рамки действия пиратов можно расширить практически до бесконечности, то для авторов открывается поистине безграничный простор для фантазии. Пираты в космосе, пираты в будущем, пираты в настоящем — главное, чтобы

идея и исполнение не подкачали, а спрос найдется. Неудивительно, что в голове у достаточно известного в среде любителей фантастики человека — Джеффа Вандермеера — возникла идея выпустить сборник рассказов, посвященных легендарным разбойникам.

На страницах антологии нашлось место для множества рассказов, написанных в самых разных жанрах, от сказки до реализма и от фэнтези до паропанка. Фантазия авторов сборника была поистине неиссякаемой, действие рассказов протекало в таких разных местах, как в привычной нам Атлантике и на бескрайних просторах космоса, на отдаленных планетах и в причудливых фэнтезийных мирах, а сражаться отчаянным героям пришлось с левиафанами, кракенами, охотниками на пиратов, драконами, ожившими богами, а также с одной уткой, эскадрой хомяков и любвеобильной кошкой.

Главная проблема большинства антологий заключается в том, что при столь большом количестве задействованных авторов достаточно сложно поддерживать на приемлемом уровне среднюю планку качества произведений. Удачные рассказы будут соседствовать с неудачными, а после прочтения некоторых и вовсе появится желание сроду их не читать. Не стало

исключением и «Пиратское фэнтези». В состав сборника входит несколько замечательных рассказов, несколько хороших, несколько средних, а также парочка из разряда «Автор, роди его обратно».

Если говорить об абсолютных удачах сборника, то в первую очередь хочется отметить «Пасть кита» Джайме Линн Блашке, «Пиратов Суарского моря» Дэвида Фрира и Эрика Флинта и «За морскими воротами ученых-пиратов Сарске» Гарта Никса. Эти три рассказа написаны в абсолютно разных жанрах, однако их объединяет достаточно высокое качество написание и еще несколько общих черт.

«Пасть кита» Джайме Линн Блашке — это увлекательный паропанк. Основными достоинствами рассказа можно назвать очень интересный мир, в котором объединены приключения на море и в воздухе, симпатичные средства передвижения — дирижабли — и достаточно интригующий сюжет. В самом начале произведения ты абсолютно не догадываешься о том, что же ждет в его концовке. Единственное, чего стоит ожидать с самого начала — это тайну, к разгадке которой, сами того не желая, придут герои произведения.

«Пираты Суарского моря» Фрира и Флинта умудрились удивить меня не один раз. Сюжет этого кажущегося на первый взгляд бесхитростного боевика, действие протекает в будущем на другой планете, однако с применением чрезвычайно примитивных местных технологий, неоднократно умудряется развернуться на 180 градусов, представив описываемые в произведении события абсолютно в другом свете. Авторы практически до самого конца играют с читателями, самые внимательные из которых могут найти в тексте отсылки как к истории пиратства, так и к ряду других научно-фантастических произведений. Так, лично мне история главного героя, сражавшегося в галактической войне не на той стороне, напомнила судьбу Малькольма Рейнольдса из «Светлячка».

И, наконец, «За морскими воротами ученых-пиратов Сарске» Гарта Никса — это (о чудо!) самое настоящее фэнтези. Причем созданные Никсом мир и персонажи оказались настолько интересными, симпатичными и перспективными, что автор продолжил развивать историю о дальнейших похождений парочки главных героев, написав одну повесть и готовя к выходу вторую. А сам рассказ в первую очередь привлекает довольно интересным сюжетом, необычными персонажами и неожиданной концовкой, которая, впрочем, мне показалась немного смазанной.

Лишь слегка не дотягивает до уровня первых трех рассказов «Ледяной ад» Пола Бэттейджера. В противовес всем прочим историям сборника автор отправил героев бороздить ледяные просторы Атлантики, скованной льдами, пришедшими с севера в результате начала нового ледникового периода. Новые погодные условия в десятки раз усложнили путешествия под парусом и ужесточили сердца моряков, однако не отвратили от путешествий по ледяной пустыне ни пиратов, ни охотников за ними. В общем,

атмосфера в буквальном смысле пробирает до костей. Главный герой «Ледяного ада» — молодой капитан, которому поручено поймать и уничтожить самого жестокого пирата Атлантики. Рассказ наполнен головокружительными гонками, приключениями, сражениями в полной темноте и отчаянными абордажами, однако в нем есть небольшой недостаток — автор или не смог, или не захотел до конца раскрыть характеры главных героев.

Самый традиционный рассказ о пиратах на страницах сборника принадлежит перу безвременно ушедшей от нас Кейдж Бейкер. В ее повествовании «Я не сверну, ступив на этот путь» есть все классические элементы жанра — коварные испанцы, алчущие золота пираты, тропические острова, спрятанные клады, неожиданные открытия, схватки и абордажи, приключения и тайны. Однако истории не достает некоторой изюминки, да и концовка получилась довольно сжатой.

Майкл Муркок на шести страницах «Железнолицего» умудрился создать мир такой достоверности, которая и не снилась половине других авторов сборника. Впрочем, кроме мира рассказу похвастать нечем — это всего лишь короткая зарисовка, наполненная легкой грустью по минувшим временам и ушедшим приключениям.

Существенно поднимают настроение юмористические рассказы сборника. Главным комиком заделался Стив Айлетт, написавший веселую и абсурдную историю «Путешествие Игуаны», однако позитивное впечатление от произведения портит его некоторая затянутость. Рис Хьюз создал остроумную юмореску «Как Щепкинс по волнам», повествующую о том, какой изворотливой и неисчерпаемой может быть фантазия некоторых валлийцев, не желающих платить по долгам.

Очень симпатичный рассказ написал Говард Уолдроп. В «Оставить на корме» он свел воедино персонажей из «Питер Пена» и двух оперетт Гилберта и Салливана. Получилось весьма интересно, однако поскольку оперетты в России мало известны, оценить работу Уолдроп с их героями довольно сложно, что существенно снижает ценность рассказа для российских читателей.

«Сковорода и сабля» Джастина Хова у меня вызвала ассоциации с романом «Остров сокровищ». Главный герой, безногий кок, не растающий со своей сковородой, неуловимо смахивает на Джона Сильвера, а другой персонаж, юнга Макдэниэлс, вполне мог бы сойти за Джима Хоукенса. Начинается рассказ как забавная история юнги, пытающегося выведать у кока тайну якобы спрятанных последним сокровищ, однако заканчивается все очень печально для большинства персонажей.

Не обошли вниманием составители антологии и авторов сентиментальных рассказов, в которых пираты предстают безнадежными романтиками и непонятыми идеалистами. Самый запоминающаяся из таких историй — «Араминта, или крушение «Амфидрейка». Однако излишняя мелодраматичность только вредит рассказу, так как потенциально из него могло

выйти отличное мистическое произведение. У истории были для этого все предпосылки — необычный антураж, удивительный мир, загадочные Затопленные земли, колдовство, левиафаны, забытые боги. А получилась слезливая мелодрама о парне, которого не приняла возлюбленная. Автор явно до конца так и не разобралась, что же хотела написать.

Истории «Дитя нимфы» Кэрри Вог и «Плач по Габриэль, святой покровительнице лекарей, шлюх и добрых воров» Келли Барнхилл объединяет та деталь, что главными героинями оказываются женщины, тем или иным образом связанные с морем и пиратами. Авторы на страницах романа повествуют о силе любви и о том, на какие подвиги она побуждает, о романтике морских приключений и о благородстве морских волков.

И, наконец, последний сентиментальный рассказ — это «Мы спим среди волн под звёздами» Брендана Коннела. Автор сотворил в своем произведении жуткую смесь из приключений, мистики и романтики, но не довел до конца ни одну из составляющих, так что рассказ ничем особым не отличился и не запомнился.

Особняком от прочих историй сборника стоит «68° 07' 15" северной широты, 31° 36' 44" западной долготы» Конрада Уильямса. Это удивительно мрачная история о жажде мести и одержимости, которые булбуревают человека, не имеющего в жизни других целей. Впрочем, при чтении не оставляет ощущение того, что рассказ — это всего лишь зарисовка какого-то более крупного произведения, так как автор так и не раскрывает одни свои секреты, а на другие лишь бросает тонкие намеки.

Неплохая история могла бы выйти у Элизабет Бир и Сары Монетт в «Буджуме», однако девушки не смогли реализовать потенциально интересную идею.

Но единственным по-настоящему сильным разочарованием сборника стоит назвать рассказ Рейчел Свирски «Приключения капитана Вентворта Черное сердце». Сражения с утками и хомяками, геноцид белок и уток, женитьбы крыс на кошках, право слово, читать этот рассказ нужно только в том случае, если что ваш ребенок шалит и вам нужно средство для устрашения, которым можно его шантажировать, восклицая «Вот будешь себя плохо вести, снова буду на ночь читать историю о приключениях крыс-пиратов».

Российские издатели в очередной раз решили ударить в грязь лицом и придать абсолютно новый смысл названию выпускаемой ими книги. В оригинале сборник назывался «Fast Ships, Black Sails», однако такое имя показалось нашим издателям слишком абстрактным, поэтому в переводе антология получила название «Пиратское фэнтези». Таким образом состав сборника был искусственно ограничен всего одним жанром, а сама книга вполне возможно могла лишиться ряда читателей, увлекающихся пиратами, но не интересующихся конкретно фэнтези. В самом деле, если уж «Азбуке» так хотелось лишний раз подчеркнуть тематику сборника,

логичнее было бы озаглавить его «Пираты», однако порой мне кажется, что понятия «российские издатели» и «логика» прямо противоположны друг другу по смыслу.

Впрочем, жалобы на российских издателей обложкой и ограничиваются. Рассказы за редкими исключениями переведены достойно, цена у сборника по сравнению с другими антологиями «Азбуки» невысокая, обложка довольно симпатичная. Разве что бумагу можно было и получше сделать, но это уже мечты и придирки.

В общем, если в детстве вы зачитывались «Островом сокровищ» и «Одиссеей капитана Блада», а капитан Джек Воробей — ваш кумир, то «Пиратское фэнтези» — это идеальный способ снова окунуться в атмосферу пиратских приключений.

ККК72

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Андрей Столяров. Звезды и полосы. — М.: Эксмо, 2010. — 448 с.

Мое отношение к творчеству Столярова достаточно неоднозначно. Многие из его ранних произведений, написанные в жанре «социальный хоррор», произвели в свое время на меня сильное впечатление. Затем автор пустился в эксперименты с «турбореализмом». Несколько его произведений показались мне абсолютно нечитаемыми, и я на долгое время отказался от чтения Столярова. И только сейчас не выдержал и купил его новый сборник после долгого перерыва.

Должен сразу отметить ряд положительных моментов. Во-первых, от турбореализма не осталось и следа. Две первых повести сборника написаны в классической манере

научной фантастики, читаются легко, а по сравнению с более ранними произведениями автора просто-таки кристально ясны.

Во-вторых, в своих повестях автор поднимает интересную проблематику. Здесь и виртуальная реальность, и место человека в мире будущего, и попытки уйти от действительности, и противостояние одиночки и тоталитарного общества. Словом, есть о чем задуматься, и есть кому посочувствовать. Несколько раз автор приятно меня удивил.

Мелодия мотылька

Эта небольшая повесть написана в жанре классической НФ. В мире не столь уж отдаленного будущего планета поделена между крупными корпорациями. Каждый человек может всю жизнь прожить в своем замкнутом мирке, общаясь только с сотрудниками корпорации, питаясь едой, которую предоставляет корпорация, нося одежду, которую выпускает корпорация. Корпорация дает возможность своим сотрудникам развлекаться в виртуальной реальности и даже вести некую личную жизнь, но при условии

сохранения безусловной лояльности. А если уж некий программный сбой даст возможность встретиться в виртуальной реальности мужчине и женщине из разных фирм, то эту ошибку надо непременно исправить. Конечно, настоящее чувство в таких условиях обречено на гибель, как правило, вместе с человеком, который позволил себе такую слабость.

Жизнь, нет, скорее существование человека будущего, и окружающий его мир описаны с пугающей тщательностью. Контроль за всей жизнью работника, система сложных бонусов и штрафов, заставляющая каждого действовать так, как выгодно руководству — все это выглядит вполне реалистично. Главная цель войн в мире будущего — заставить освобожденное население покупать продукцию своей корпорации. Да, здесь есть о чем задуматься.

Мир иной

Еще одна повесть Столярова, в которой действие происходит в виртуальной реальности в относительно недалеком будущем. Но отнести эту историю к жанру киберпанка не совсем правильно, на мой взгляд. Скорее это своеобразная утопия, которая, увы, оказалась столь непрочной. Ведь главное в повести Столярова — не возможности, которые дает развитие компьютеров, не создание виртуального мира, а попытка создать новое общество, свободное от раздражающих человечество пороков, общество, состоящее из свободных, достойных, порядочных людей. Но то, что для одних стало возможностью уйти из этого мира и попыткой построить новый, более справедливый, для других стало шансом получить новое оружие, новые технологии. И, как всегда, простое человеческое счастье было принесено в жертву государственной необходимости. Грустный, но закономерный итог.

Написана эта история очень неплохо. К тому же автор вернулся к классической манере повествования. Вот только в концовке автор немного увлекся бегом и стрельбой, что несколько испортило общее впечатление.

Звезды и полосы

Традиции предаваться приятным, но нереалистичным мечтаниям живы в России со времен гоголевского Манилова. Вот и известный автор Столяров в числе других фантастов отдал дань подобным прожекткам. В своих прогнозах и желаниях Столяров не оригинален. Главной проблемой, которая мешает нормально жить России и всему прочему миру, оказываются Соединенные Штаты Америки. Но если Александр Громов в своей «Исландской карте» просто стер Америку с глобуса, Столяров обрушивает на американцев более правдоподобные катаклизмы, начиная с технических сбоев в электронных терминалах и заканчивая полным разрушением экономики США и самого американского государства. Правда, по версии Столярова, все многочисленные бедствия почему-то обрушиваются со всей мощью на США, обходя прочие державы стороной.

Картина получается более чем странная. Достаточно метко подметив ряд слабостей американской экономики и государственной системы, Столяров упорно не замечает «бревна в российском глазу». Не менее сомнительно выглядят и прогнозы автора по поводу ликвидации государства Израиль, и по поводу экспансии Китая.

Но больше всего поразили меня прогнозы автора по поводу будущего России. Уничтожить Америку ради того, чтобы в северной столице все-таки не построили башню Газпрома мог только истинный питерский интеллигент. В итоге воспринимать прогнозы автора как сколько-нибудь реалистичный сценарий возможного будущего невозможно совершенно. Но и на тонкую шутку произведение Столярова не тянет. Пожалуй, этот тот случай, когда подобный прогноз больше говорит о самом авторе, чем о возможных ближайших перспективах человеческой цивилизации, а дельные мысли и наблюдения совершенно теряются в гуще совершенно бестолковых идей.

Пора бы россиянам не грезить о крахе Америки, а обратить внимание на гораздо более реальные проблемы своего государства.

Вывод.

«Мелодия мотылька» зацепила меня сильнее. В «Мире ином» автор несколько смазал концовку, но в целом, произведение, безусловно, заслуживает прочтения. Если бы и третье произведение сборника было написано в той же манере и на том же уровне, сборник бы занял место на моей книжной полке. Увы, Столяров-политолог и футуролог значительно слабее себя же фантаста. И все же позволю себе сдержанный оптимизм. Автор, которого я уже было окончательно вычеркнул из списка заслуживающих внимания, все же продемонстрировал прежнее мастерство хотя бы в двух из трех произведений. А значит, для меня Столяров снова вернулся в число писателей, новые книги которых стоит читать.

ДЕНИС ЧЕКАЛОВ

КНИГИ, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НА ВАШЕЙ ПОЛКЕ

(новинки зарубежной фантастики)

Три книги, которые просто должны быть в вашей библиотеке, если вы любите фэнтези.

Брендон Сандерсон. Дорога королей / The Way of Kings by Brandon Sanderson.

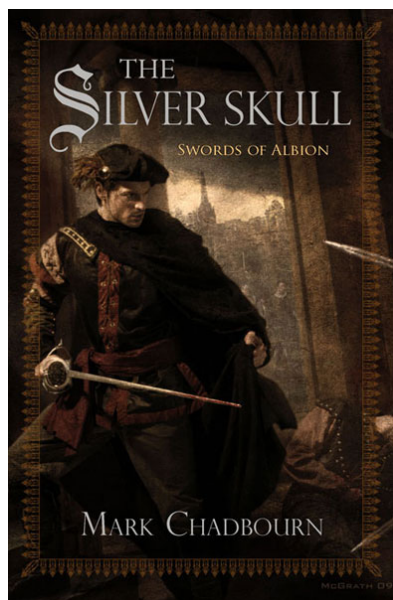
Роман, который, возможно, встанет в один ряд с «Властелином колец» и «Колесом Времен».

Первая книга Брендона Сандерсона вышла в 2005 году. Сейчас его называют автором, равным великим мэтрам, — Толкиену, Лейберу, Муркоку, Джордану, Мартину. Именно Сандерсону была доверено продолжение «Колеса Времен». Его новая книга — первая в цикле из десяти романов, надолго займет ваше внимание.

Мы попадаем в мир Рошара, где царят ураганы и древняя магия. Колдовство — «трозовой свет» — заключено в особых кристаллах. Долгое время они помогали рыцарям защищать мир от Предвестников Пустоты. Но сейчас рыцари обратились против людей...

Вместе с тремя героями, — рабом, старым воином и мошенницей, — мы увидим историю ужасной войны.

А иллюстрации! Работа Майкла Уэлона на обложке. Много иллюстраций внутри. К каждой главе — свой, отдельный рисунок. Более того! Одна из героинь — художница; ряд иллюстраций представляют ее работы.

Чайна Мьевилль. Кракен / Kraken by China Miéville.

Ктулху скоро воскреснет!

В новом романе Мьевилля нас ждет встреча с полюбившейся морской зверюшкой, созданной фантазией Говарда Лавкрафта. Сюжет строится вокруг культа гигантского Кракена, последователи которого верят в близкий конец света.

Главный герой — Билли Харроу, работал себе в Лондонском музее и в ус не дул, пока оттуда не похитили кракена. Вскоре и самого Билли уволокли фанатики-кракенолюбы. Так и сгинул бы бедолага, но ему удалось сбежать. Вот только попал он не в верхний Лондон, а в сокрытый город, где все странно, диковинно и по-мьевильски.

Меч и темная магия. Ред. Джонатан Страхан и Луи Андерс / Swords and Dark Magic.

Edited by Jonathan Strahan and Lou Anders.

17 рассказов от лучших мастеров фэнтези.

«Goats of Glory» Стивена Эриксона — это история о том, как отряд приключенцев столкнулся с демонами... И победила явно не дружба. Глен Кук представляет новый рассказ о Черном Отряде — «Tides Elba». «The Fool Jobs» Джо Аберкромби — предыстория его романа «Герои», действие которого разворачивается в том же мире, что и «Первый закон».

Танит Ли предлагает нашему вниманию рассказ «Two Lions, A Witch, and the War-Robe», — явная отсылка к циклу о Нарнии. А кто откажется прочесть рассказ об Эльрике Майкла Муркока?

Перечислим теперь все рассказы, которые вошли в сборник.
Introduction: Check Your Dark Lord at the Door by Lou Anders & Jonathan Strahan

- «Goats of Glory» by Steven Erikson
- «Tides Elba: A Tale of the Black Company» by Glen Cook
- «Bloodsport» by Gene Wolfe
- «The Singing Spear» by James Enge
- «A Wizard of Wiscezan» by C.J. Cherryh
- «A Rich Full Week» by K. J. Parker
- «A Suitable Present for a Sorcerous Puppet» by Garth Nix
- «Red Pearls: An Elric Story» by Michael Moorcock
- «The Deification of Dal Bamore» by Tim Lebbon
- «Dark Times at the Midnight Market» by Robert Silverberg
- «The Undeified» by Greg Keyes
- «Hew the Tint Master» by Michael Shea
- «In the Stacks» by Scott Lynch
- «Two Lions, A Witch, and the War-Robe» by Tanith Lee
- «The Sea Troll's Daughter» by Caitlin R Kiernan
- «Thieves of Daring» by Bill Willingham
- «The Fool Jobs» by Joe Abercrombie

ПАВЕЛ БОЙКО

АЛИСА ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕ ЖИВЕТ

«Алиса в стране чудес»

В ролях: Миа Васиковска, Джонни Депп, Хелена Бонэм Картер
и др.

Режиссёр: Тим Бертон

Производство: США

2010 год

— С чего начинать, Ваше Величество? — спросил он.

— Начни с начала, — важно ответил Король, — продолжай, пока не дойдешь до конца. Как дойдешь — кончай!!

Их встреча была предначертана небом, даже не взирая на разницу в образовании, воспитании, отделяющие их друг от друга тысячи и тысячи морских миль и почти столетнюю разницу в возрасте. Худосочный британский математик, страдавший от немного неестественной тяги к детям и взбаламученный, вечно растрепанный американский киношник, сами того не зная синхронно двигались на встречу друг другу сквозь время, и весь мир затаил дыхание в тот момент, когда пальцам двух великих фантазеров предстояло слиться в единое целое. Увы, в самый не подходящий момент, из облака эфира вынырнул неприятный толстяк с монограммой WD, выгравированной прямо на поверхности увесистого мешка с наличностью. Застыв в картинной позе поодаль, как и подобает настоящему злоумышленнику, он дождался момента рокового соприкосновения, после которого сразу же обрушил на головы обоих странников все содержимое своей поклажи, с наслаждением ломая хрящи, выдавливая внутреннюю структуру и душа останки фантазии весом огромного количества зеленых бумажек. И можете не надеяться на чудо: у этой сказки будет очень грустный финал.

Есть книги, которые только книги: переплет, бумага, количество страниц, помноженное на множественность письменных знаков: разбери единое целое по отдельным деталям и уже не поймешь: где радоваться, чему огорчаться, о чем скорбеть и как от этого разобщенного по частичкам дерева, краски и бумаги можно поумнеть. Но есть и книги, которые Книги, у которых твердая деревяшка переплета, сухость страницы и отпечатанный

на ней яркий типографский оттиск — как Врата в иное измерение, через которые партизанской тропой в разум читателя украдкой проползает сам автор и свивает себе гнездо. Именно там, внутри читательских рассуждений, измышлений и чувств сидит малюсенькая копия Чарльза Лютвиджа Доджсона, творившего под творческим псевдонимом Льюис Кэрролл, ведь его двухтомная «Алиса» — это больше чем просто собрание гениально чудаковатых персонажей, набор знакомых с детства афоризмов и цитат, даже шире и глубже, чем Книга (если такое вообще возможно). Скорее это тот самый невидимый глазу перекресток, где затемно, при бледном свете луны встречаются лоб в лоб сухопарые математические законы, высоколобые философские теории, сюрреалистическое мышление самых невероятных форм и пропорций и очень живой, тонкий и искрящийся британский юмор. Именно это удивительное сплетение всего и со всем, в итоге подарило белому свету явление эдакого книжного Бармаглота, которого можно читать и перечитывать, заучивать, декламировать и засыпать щедрой горстью в личный цитатник, но полностью осознать и понять суть каждого образа и произвольного афоризма — никогда.

— Мы здесь все сумасшедшие. Я сумасшедший. Ты сумасшедшая.

— Откуда вы знаете, что я сумасшедшая? — спросила Алиса.

— Ты безусловно должна быть сумасшедшей, — ответил Кот, — иначе ты не попала бы сюда.

За последние 20—30 лет, студия Диснея из доброго Оле-Лукойе, рассказывающего детям добрые сказки и ласково кутающего их одеялом перед сном мутировала скорее в огромного и прожорливого Карабаса Барабаса, рыщущего по свету с огромной плетью в руках, в поисках хорошо забытых сказок, из которых еще можно выжать звонкую монету. Пройдясь походкой типичного рейдера по мощам Виктора Гюго, пинками распхвырывая по сторонам останки древнегреческих эпосов, злобный великан вдруг заметил под ногами хрупкую маленькую англичанку и не побрезговал. Свистнув на подмогу верного пиявочника в лице сценаристки Линды Вулвертон (в портфолио которой уже значатся такие проекты этой студии как «Король Лев», «Красавица и чудовище», «Мулан»), они совместно

распотрошили бедную девочку, извлекли из нее все парадоксальные идеи, вкуче с упомогачительными диалогами и незабываемыми цитатами, после чего исправили характеры и поведение героев, путем нежной лоботомии. Изредка, во время процесса дружного ковыряния, тишину и покой сценарного морга разрезали громкие вскрики следующего содержания: «А это что еще за Шляпник такой? К чему он тут вообще сдался, к тому же Безумный? Нечего детям всяких сумасшедших показывать! Пусть тоже за добро сражается, а то развелось тут, понимаешь, дармоедов! У них там, в Мордо... то есть, в Красном Королевстве, на дворе практически тоталитаризм, а они, видите ли, сидят себе в своем лесу и чай гоняют!»

Увы, но это было лишь начало. С помощью тайного мутагена, чей секрет известен лишь мерзко гогочущим карликам, обитающим в подвальных лабораториях Walt Disney Studios, обе кэрроловские повести решили скрестить в одну особь, а то, что карточная Страна Чудес и шахматное Зазеркалье — это два совершенно разных мира, ни сценаристку, ни ее подручных совершенно не беспокоило. Результатом этих непотребных действий стала замена целостного сюрреалистического мироздания на полнейшую эклектику, в которой главным подручным шахматной Красной Королевы стал... карточный Валет, *but who cares?* Все кэрроловское остроумие было безжалостно вырвано из контекста, порублено в мелкую сахарную пудру и засыпано внутрь огромных стаканов с колой или попкорном. В образовавшуюся в результате удаления щель, была вставлена удобная резиновая трубка, через которую героев накачали Первостатейным Отборным Голливудским Пафосом. Стоит любому персонажу едва приоткрыть рот, как эта елейная патока тут же выливается наружу: про Свободу, Борьбу Добра со Злом (все- с заглавной буквы) и предстоящую победу над угнетателями. Доходит до нелепого: когда Безумный Шляпник поднимается на эшафот, то подсознательно ожидаешь от него гортанного выкрика «FREEDOOOOOM!!!!!!», брошенного в толпу с героическим оскалом всеамериканского любимца Уильяма Уолласа. Грустно, но факт: распрямленные из кэрроловских причудливых загогулин, персонажи превратились в расхожий набор самых дремучих фэнтезийных клише: от Темного Властелина (в данном случае — Красной Властелинши, но ни расцветка, ни пол сути не меняют) до Избранного Спасителя Всея Королевства, страдающего (сюрприз-сюрприз!) от временной амнезии, окончание которой чудесным образом приведет к стократному увеличению скиллов. Помилуйте, сегодня подобное убожество уже стесняются использовать даже создатели самых дешевых китайских РПГ, но только не представители одной из наиболее могущественных корпораций в истории мировой киноиндустрии!

— *Нельзя верить в невозможное!*

— *Просто у тебя мало опыта, — заметила Королева — В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день. В иные дни я успевала верить в десяток невозможностей до завтрака.*

Маленькая Алиса Лиддел была определенно неправа, ей стоило внимательнее прислушиваться к словам Красной Королевы, ведь вера в невозможное зачастую избавляет от серьезных жизненных разочарований. К примеру, ваш покорный слуга тоже не верил, что постановщик искрометного «Марса атакует», озорного «Битгаджуса», мрачно-стильного «Суини Тодда» или почти метафизической «Большой рыбы», в один прекрасный момент сможет вот так насупиться позади работающей кинокамеры, сложить руки лодочкой и... выдать на суд поклонников запредельную серость вроде «Алисы в стране чудес». И у кого это вызвало наиболее сильный культурный шок: у поклонников книг Кэррола или кинотворчества самого Бертон — это вопрос, над которым еще не один год будут трудиться целые консалиумы лучших ученых планеты. На повестке дня, как водится, стоит всего 2 извечных вопроса «Что делать?» и «Кто виноват?», причем на первый из них отвечать уже поздно: фильм прошел по всем киноэкранам мира в кассе сборов — миллиард с копейками, диснеевцы ликуют, остальные — плачут. А ответ на второй вопрос нужно сопровождать неизменным мефистофелевским смехом и арией из одноименной оперы Шарля Гуно с прямо таки намекающим, говорящим, нет даже орущим заголовком: Металл. Бумага. Строчка в банковском документе — выбирайте кому, что больше по душе. Да, да Вы не ослышались: именно четверть миллиарда уродливых маленьких бумажек с изображениями почивших в бозе американских президентов вновь призывали к себе человеческую жертву — и, разумеется, ее получили.

Не секрет, что стоимость голливудских проектов ААА класса, с каждым годом все более и более увеличивается, угрожая в один прекрасный день окончательно перекрыть цифру годового бюджета, какой-нибудь не очень процветающей страны (например, России). Было время, когда кино в Голливуде снимали режиссеры, а их основу писали сценаристы, и эта пора розово-мечтательной ностальгией еще долго будет являться нам в самых сладостных снах. Однако, с подорожанием самого процесса до стоимости продукции американской суперкорпорации: «Боинг», приоритеты изменились, а прежнее руководство за ненадобностью списали на берег. Без утверждения предстоящей финансовой сметы не будет написано не единой сценарной строчки, не снято ни единого дубля. Сценарист волен сколь угодно и долго излагать свои соображения, а режиссер — доказывать право на свое собственное видение, но это все пустая трата времени, пока за этими соображениями и режиссерскими видениями не появится увесистого мешка с наличностью, который был бы готов дать за них звонкую монету. И будь ты хоть трижды заслуженным, всенародно любимым кинорежиссером, ты все равно будешь снимать так, как тебе это покажут, а в самом запущенном случае — еще и прикажут.

Видала я такую чепуху, по сравнению с которой эта чепуха — толковый словарь!

Секрет Полишинеля прост: деньги тянутся к деньгам, и для того, что бы достать до кассовой вершины, надобно просто скопировать шаблоны из наиболее коммерчески успешных лент для аудитории того же возраста и распахать их в произвольном порядке, до полного слияния огромных денежных масс. Хороший фильм, претендующий на место в истории, у Вас ни за что не получится, но очередной, вращенный на шаблонных стереоидах кассовый чемпион — определенно. В результате, в тонкий интеллектуальный мир кэрролловских персонажей, бряцая оружием и доспехами, не разбирая дороги, вваливаются сбившиеся с пути воины из джексоновского «Властелина колец», на встречу которым уже всюду несутся армии клонов из «Звездных войн». Согласно пророчеству небывалого кассового успеха, Бармаглот мутирует в Баллорога, а четверка главных героев, опять-таки диснеевских «Хроник Нарнии», поразительно съеживается, прямо на глазах сжимаясь до размеров одинокой Алисы Кингсли. Отдельными цирковыми номерами в этом балагане смотрятся демонический Валет на вздыбленном коне и компьютерный задник с нарисованными на нем развалинами взорванной мельницы: Бертон самозабвенно цитирует собственную «Сонную Лощину», пытаясь языком тайных знаков и секретных паролей донести до своего зрителя, что он еще жив, пусть и придавленный 240 миллионным весом формы компьютерной книжки-раскраски и его невероятно приторно-пафосным содержанием. С другой стороны, в свете всего выше изложенного: а что ему еще остается?

Словно боясь остаться наедине с отделом реализации Диснея, Бертон решил окружить себя толпой проверенных соратников: актеры Джонни Депп (в сотрудничестве с Бертоном, это уже его седьмой фильм), Хелена Бонэм Картер (всего-навсего шестой фильм, а помимо этого — еще брачные узы и двое детей), Кристофер Ли (совместный проект № 4), Алан Рикман, Тимоти Сполл, оператор Дариуш Вольски (пока по второму заходу), ну и разумеется, самый давний из друзей-приятелей, композитор Дэнни Эльфман (просто запустите наугад любой фильм из бертоновской фильмографии — и не ошибетесь!). Помогли ли друзья-сотоварищи? На этот вопрос, трудно дать однозначный ответ. Вероятно без участия Деппа, фильм мог стать и еще безобразнее, но отменяет ли это выражение невероятной усталости, которое постоянно мелькает в его глазах, даже под гигабайтами нанесенного компьютерного грима? Или, к примеру, Картер, которая отчаянно старается вдохнуть жизнь в тот ступор штампов, что по сценарию представляет собой ее героиня, но в результате и ей не удается спрятать подальше от зрительского взора страшную правду: на месте ее или Деппа (а заодно и самого Бертона, для полноты компании), в этом фильме мог быть задействован любой безвестный голливудский статист, и никто не заметил разницы (за исключением, фанаток Деппа, разве что). Даже уж на что всегда самобытная эльфмановская музыкальная партитура — и та, стремится постоянно сползти в заезженную колею «Пиратов Карибского моря»: если

это пример тонкого композиторского юмор, то пожалуй на его счет можно записать единственную удачную шутку на протяжении всего фильма. А про исполнительницу главной роли, лолитоподобную Мию Васиковски можно сказать лишь то, что полтора часа ее стенаний по нарисованным компьютерным задникам с полуотвисшей челюстью (практически, в лучших традициях любимицы всех вампиров планеты) являются самым удачным воплощением тоскливой атмосферы, характерной для всего фильма в целом: серость, она и есть.

— *Если в мире все бессмысленно, — сказала Алиса, — что мешает выдумать какой-нибудь смысл?*

К двум озвученным выше, извечным вопросам, так и подмывает присокупить еще и третий: «Зачем диснеевцам нужно было вообще выделять деньги на эту, с позволения сказать — «экранизацию»? Ведь, поди, остались еще в их богатом заглавнике всевозможные сказки народов мира, мифы, легенды и басни, которые только и ждут своей очереди быть озвученными с американским акцентом, в компании неизменных госпеловских хороводов и несмешных шуток, от которых начинают биться в унисон об стенку даже сценаристы самых дремучих американских ситкомов! Да, под уровень среднего американского ребенка, возвращенного на интеллектуальных семенах «Черепашек ниндзя» необходимо все упрощать, вынимать из рта, пережевывать стальными челюстями, привыкшими перекусывать даже стальную арматуру, а потом запихивать обратно, с пожеланием приятного аппетита. Но причем здесь Кэрролла и его тонкий уютный мир затейливых фантазий? И можно персонально посмотреть в глаза человеку, который сказал диснеевцам, что Алиса — это сказка для маленьких детей?

Ведь за 150 лет, прошедших с момента ее первого появления на свет — в типографии лондонского издательства Макмиллан и Ко, Алиса Лидден и чудный мир ее фантазий давно шагнули с книжных страниц Льюиса Кэрролла, превратившись в универсальный культурный феномен. Сейчас этот мир скорее похож на сильный ураган, закрутивший в своих могучих объятиях известных музыкантов, писателей, аниматоров, дизайнеров компьютерных игр и авторов комиксов. Этой хрупкой англичанке, в разное время посвящали свои творческие порывы такие разноплановые люди, как польский фэнтезист Анджей Сапковский, американский фантаст Филипп Жозе Фармер, американский певец Том Уэйтс, джазовый пианист Чик Кореа, дизайнер компьютерных игр из Сами-Знаете какой страны Американ Макги... Полный список культурных влияний кэрроловского творчества на современную культуру, по своему объему наверное превзойдет саму «Алису в стране чудес» и «Алису в Зазеркалье» вместе взятые. А вот с волшебным миром кинематографа, дружба маленькой мисс Лидден как-то не задалась: несмотря на 12 полнометражных экранизаций (первая — аж 1903 года выпуска!), в память врезаются лишь мультипликация: анимационный фильм Клайда Джероними 1951 года (по мрачной иронии,

выпущенная опять-таки на студии Диснея) и советская анимационная картина 1981 года, поставленная режиссером Ефремом Пружанским, озвученная великолепным актером Ростиславом Пляттом. Увы, но 250 миллионов бюджета, миллиард кассовых сборов и 108-минутный набор компьютерных задников, поставленный Тимом Бертоном, в данном раскладе ничего не изменят.

Завершая сию безразмерную статью, я вдруг задумался: а что бы интересно сказал сам Кэрролл по поводу данного фильма? Печально улыбнулся и симпровизировал очередной бессмертный афоризм? И каковы были бы его слова по поводу целей и содержания данной статьи: для чего писать столь длинный и пространный текст, пронизанный исключительно чувством обиды и глубокого внутреннего разочарования? И ответ не заставил себя ждать:

— *Этой ужасной минуты я не забуду никогда в жизни.*

— *Забудешь, если не запишешь.*

СЕРГЕЙ ЛАПАЧ, СЕРГЕЙ ПАЛЬЦУН

ФРАКТАЛЬНЫЙ КОНВЕНТ, ИЛИ ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С НАМИ

*«Я первый раз приехал на «Звёздный мост»,
и фазу в него влюбился»
(один из киевских участников конвента)*

«Звездный мост», пожалуй, единственный конвент, который безо всяких натяжек можно назвать Праздником с большой буквы. Праздником с фрактальными свойствами: он остается таковым на всех уровнях — от города Харькова в целом до отдельного участника. И люди приезжают сюда для того, чтобы окунуться в атмосферу этого Праздника, и, может, добавить в его симфонию свою партию или хотя бы несколько нот.

Злые языки, как им и положено, предрекали ЗМ трудности, чуть ли не смерть, но фестиваль жив и только внимательный наблюдатель, причём посетивший не один «Звездный мост», мог заметить, какие колоссальные усилия приложили организаторы для того, чтобы этот праздник оставался с нами.

Прекрасная погода, какой не было с 2005 года, хорошо знакомая по нескольким «ЗМ» база Южной железной дороги за городом и множест-

во знакомых лиц.

Как всегда, ЗМ начинается до официального открытия. В ожидании автобусов участники фестиваля, собравшиеся в «Солнечном», общаются на свежем воздухе, образуя неустойчивые группки разного размера. А поскольку метры в этом году проживают тут же, а не за

Святослав Логинов даже таблицу умножения может рассказать так, что заслушаешься

лесом и двумя заборами, великолепного рассказчика Святослава Логинова теперь могут послушать не только соседи по столу, но все желающие. На сей раз он рисует красочные и запоминающиеся характерные портреты жителей своей деревни. Искренне сочувствуем тем, кому не удалось послушать Логинова хотя бы раз. Похоже, он даже таблицу умножения может рассказать так, что заслушаешься.

А вокруг происходит множество мелких сценок, создающих особое настроение предвкушения праздника. Вот запомнившийся всем в прошлом году бородатый пионер наливает френдам по Живому Журналу виски в именнные рюмки. Тут же рядом две совсем юные особы, с огромным удовольствием и радостными криками: «Он не мужик, а сталкер», — терзают С.Т.А.Л.К.Е.Р.-Бегемота. Пейзаж оживляют бодрый морпех, гордый киргизский хан, щирый украинский викинг и энергичная мумия, увешанная плакатами в поддержку финансовых пирамид.

Вот, наконец, автобусы поданы, и участники фестиваля направляются на открытие. В этот раз оно происходило не во Дворце Студентов Национальной Юридической Академии Украины, как раньше, а в Колонном зале в Северном корпусе ХНУ (бывшая Академия им. Говорова), где в позапрошлом году фантасты на собственном опыте узнали, что такое официальный банкет с участием губернатора и телевидения.

На этот раз, вместо привычного нашествия инопланетян, открытие приняло форму губернского бала

На входе в Северный корпус ХНУ участников ЗМ встречали фантастические персонажи

Григорий Панченко вооружён в прямом смысле до зубов

(инопланетяне, однако, присутствовали и на нём). Традиционно порадовали выступления певцов и танцоров. Мастеров вокала постоянные паломники Моста легко, с радостью и восхищением узнавали. Кстати, интересно, многие ли из участников ЗМ слушают оперные арии где-нибудь, кроме открытия фестиваля? Танец, как обычно, был с эротическим уклоном, но на этот раз без участия инопланетян — классическая будаурная история.

Ход открытия комментировал бортовой компьютер, сканировавший зал в поисках чего-нибудь интересного. Особенно порадовало публику внезапно обнаруженная «богатая реальность» (цит.) в лице Арсена Авакова.

Новым в этом году было большое «силовое» отделение, намеки на которое раньше можно было увидеть только после закрытия как аперитив перед банкетом. Силовая часть состояла

Председатель Оргкомитета ЗМ Николай Макаровский открывает фестиваль

Сопредседатель Оргкомитета Арсен Аваков поздравил собравшихся

из эквилибристики на башне из стульев, поднявшейся под самый потолок, и выступления днепропетровского клуба «Самсон» с разрыванием цепей, разбиванием шлакоблоков, ломкой деревянных брусьев о пузо и прочими традиционными силовыми забавами. Судя по женским охам, ахам и даже членораздельным возгласам и комментариям, зрелище впечатлило, что и подтвердилось впоследствии при проведении опроса.

Ещё одним новшеством стало вручение Бронзового кадуцея не на закрытии, а на открытии. Правда, награда прождала героя больше десяти лет. Кадуцей получил Михаил Успенский за роман «Кого за смертью посылать».

Когда участники собрались в одном месте, бросилась в глаза заметно

большая, по сравнению с прежними фестивалями, доля молодежи. Немалый вклад в этот демографический сдвиг внесла и киевская делегация, которая впервые приехала в составе больше двух десятков человек.

Вечер в «Солнечном». Праздник бурный перешёл в праздник тихий. С летней эстрады доносится джаз, журчат фонтаны, спонсоры наливают фантастам бесплатное пиво... Любители посидеть оккупировали все скамейки, остальные степенно прохаживаются по аллеям, периодически останавливаясь и образуя группы по интересам. Возможно, именно так проходили вечера в платоновской Академии?

Главным событием второго дня фестиваля традиционно стал доклад Г. Л. Олди «Я б в Стругацкие пошел...», который в этот раз предназначался не только для молодых, но и для не очень молодых авторов (как, впрочем, и большинство предыдущих докладов, но явно об этом раньше, вроде, не писалось). Авторы продолжили борьбу за фантастику как Литературу. На этот раз внимание было уделено частным, но массовым явлениям: инфантильность персонажей, мелочность или отсутствие целей, неверное словоупотребление и прочие, хорошо знакомые, но никак не проходящие «детские болезни».

После доклада Олег Ладыженский читал свои новые стихи, и все присутствующие смогли убедиться, что фантастическая поэзия не только возможна, но и существует.

Из других выступлений второго дня, хочется отметить доклад Станислава Бескаравайного «О технологии «кокона»

Святослав Логинов пожелал успехов нашему журналу и вручил главному редактору РФ Праклию Вахтангшвили свою книгу

«Самсон» учит молодых авторов, как нужно разбираться с критиками

как мере конца истории». Станислав в последние годы регулярно выступает на заседаниях секции «Второй блин», а на этом Звёздном мосту получил «Бронзовый Кадуцей» в номинации «Критика, публицистика и литературоведение». Бескаравайный исследует достаточно сложные (и интересные!) проблемы и весьма неплохо, хотя, на наш взгляд, несколько сухо и академично излагает результаты своих исследований. Думаем, фантастика (особенно научная) приобрела в его лице хорошего аналитика.

В секции альтернативной истории и боевых искусств на этот раз практически все доклады были ориентированы на массового слушателя, что подтверждалось присутствием в аудитории невиданного ранее числа дам. Больше всего упомянутого массового слушателя заинтересовал доклад постоянного автора РФ Григория Панченко «Зебронда для Красной армии (попытки создания нестандартных военных животных в 1920—1930-х гг.)». Поводом к написанию послужила первоапрельская шутка журнала «Популярная механика» о кавалерии на лосях. Особенно всем понравился героический зебронда, самолично уничтоживший двух и покалечивший четырех фашистов, а затем спрятавшийся от угона в Германию в помещении гестапо. Кроме того, восхищение в зале вызвало упоминание в докладе Бориса Юлина о штабной работе попыток полной автоматизации управления войсками США. В связи с чем, возникла необходимость в специальных посыльных, доставляющих по назначению флэшки с информацией.

Вечером в пятницу участников ЗМ ожидала огненная потеха — театрализованное огненное представление группы «ARCANUM». Представление понравилось зрителям не меньше привычного уже фейерверка, так что у «Звёздного моста» может появиться ещё одна огненная «фишка».

Завершился вечер интеллектуальной игрой «Звездный Мост: фольклор фэндом». К сожалению, она проводилась по системе брейн-ринга, а не ЧГК, как раньше. Что, впрочем, не мешало зрителям получить определённое удовольствие и даже попытаться отвечать на вопросы, вместо игроков.

В субботу утром в качестве разминки перед второй частью «Олди и компании» состоялась презентация журналов «Очевидное и невероятное» и «Шаги». Пикантность ситуации заключалась в том, что «Очевидное и невероятное» презентовала нынешний редактор, а в зале присутствовал редактор прежний. После

Диспут «Любой гасконец с детства академик» прошёл весьма оживлённо, и ведущие, похоже, остались довольны

презентации между ними произошла лёгкая пикировка и безболезненное выяснение отношений. Следует заметить, что после смены редактора читатели у журнала остались, но теперь они другие. Раньше журнал читали мы, теперь его выписывают старшие родственники.

Семинар-диспут, начался докладом Олди и Валентинова «Любой гаско-нец с детства академик». Речь шла о нежелании нового поколения писателей учиться и плодах этого нежелания. Доклад вызвал бурную реакцию публики. Выстроилась целая очередь желающих высказаться по поводу, и прекратился диспут исключительно по причине истечения выделенного на него времени.

С нашей точки зрения, корень этой проблемы — в изменении общества, следовательно, рассматривать ее исключительно как проблему литературы или даже только фантастики непродуктивно. Современное общество предоставляет возможность жить, ничего не зная и не умея, отнюдь не только писателям. Просто их мысли чаще становятся достоянием гласности и предметом обсуждения. Например, на прошлых ЗМ довелось услышать такие высказывания: «Зачем мне учиться — меня и так печатают!», «Не хочу работать — хочу быть писательницей!». Как говорится, комментарии излишни.

После обеда, который в этом году скромно именовался в талонах на питание «дневной едой», состоялось торжественное закрытие фестиваля и вручение наград. Список награждённых можно посмотреть в приложении, а мы упомянем лишь два события, второе из которых заставило заговорить о фестивале даже людей далёких от фантастики.

Во-первых, на закрытии мы на некоторое время перенеслись в будущее: председатель Оргкомитета поздравил нас с окончанием ЗМ-2012 и провозгласил ЗМ-2013. Из чего можно сделать вывод, что, несмотря на злопахание злопахателей, ЗМ-2011 состоится наверняка!

Во-вторых, начавшийся после закрытия концерт дрим-фолк группы «Немного нервно» «Сны о Земле» был прерван пожарными, которые с криками «Бес Паники! Выходите!» выгнали музыкантов и слушателей на улицу. Оказалось, горит крыша Северного корпуса ХНУ. Беса Паники увидеть не удалось, зато мимо на руках четырёх нервных юношей

Михаил Успенский получил давно ожидаемый его супругой «Философский камень»

пролетел заботливо укутанный пиджаками Харьковский дракон. Да и умение большого числа журналистов с телеоператорами появляться на месте происшествия раньше пожарных и милиции, наводит на мысль о том, что нуль-Т, по крайней мере, в зоне влияния ЗМ уже существует. Кстати, журналисты почему-то спрашивали о причинах пожара метро, которые в момент его начала сидели на пресс-конференции, а отнюдь не прогуливались по крыше. Уж не потому ли, что многие метры заслуженно считаются выдающимися ведьмоведами, а при такой концентрации ведьм на единицу собравшихся, искать какие-то банальные причины пожара просто смешно?

Конвент официально закрылся, но праздник продолжился. Описывать банкет и последующую дискотеку, продолжавшуюся, несмотря на дождь, до самого утра мы не будем, поскольку вряд ли сможем адекватно выразить словами ту атмосферу безудержного веселья, которая на них царила.

Но немножко этой атмосферы нам удалось довести до самого Киева. В каждом из трёх «киевских» вагонов экспресса оказалось так много участников «Звёздного моста», что казалось — конвент продолжается. Даже фильм в пути показывали фантастический: «Иван Васильевич меняет профессию».

По традиции, если хочешь вернуться в какое-нибудь место, нужно бросить там в воду монетку. На ЗМ мы оставляем нечто более ценное — частичку души. И верим, что она вновь приведёт нас в будущем году в сентябрьский Харьков. До встречи, «Звёздный мост»!

Обладательница «Золотого кадуцея»
Ольга Грамыко

Приложение.
**Лауреаты премий Харьковского международного
фестиваля фантастики «Звездный мост-2010».**

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕМИИ

(вручаются по результатам голосования участников фестиваля):

**НОМИНАЦИЯ «ЦИКЛЫ, СЕРИАЛЫ И РОМАНЫ
С ПРОДОЛЖЕНИЯМИ»:**

- 1 место** («Золотой Кадуцей»): Ольга Громыко (Минск) за книгу «Год Крысы. Путница» (2-я книга романа).
2 место («Серебряный Кадуцей»): Федор Березин (Донецк) за книгу «Война 2011. Против НАТО».
3 место («Бронзовый Кадуцей»): Вадим Панов (Москва) за книгу «Продавцы невозможного» (4-я книга цикла «Анклавы»).

НОМИНАЦИЯ «КРУПНАЯ ФОРМА» (РОМАНЫ):

- 1 место** («Золотой Кадуцей»): Дмитрий Казаков (Нижний Новгород) за книгу «Русские боги».
2 место («Серебряный Кадуцей»): Карина Шанин (Москва) за книгу «Долгий путь на Бимини».
3 место («Бронзовый Кадуцей»): Михаил Успенский (Красноярск) за книгу «Райская машина».

НОМИНАЦИЯ «ДЕБЮТНЫЕ КНИГИ»:

- 1 место** («Золотой Кадуцей»): Алексей Кирсанов (псевдоним Юлии Гавриленко и Марины Дробковой) за книгу «Первый судья Лабиринта».
2 место («Серебряный Кадуцей»): Мириам Петросян за книгу «Дом, в котором...».
3 место («Бронзовый Кадуцей»): Максим Хорсун за книгу «Ушелец».

(Лауреаты первых премий «Звездного Моста-2010» в этих номинациях, а также лауреат премии «Философский камень», получили в придачу к кадуцеям и дипломам фестиваля отдельные призы от спонсора фестиваля «Звездный Мост» — торговой марки «Ахмад-чай». А лауреаты «Серебряного Кадуцея» — отдельные призы от спонсора фестиваля «Звездный Мост» — компании «Оболонь».)

**НОМИНАЦИЯ «КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА
И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»**

(премия вручается по результатам голосования профессионального жюри):

- 1 место:** Максим Чертанов за книгу «Герберт Уэллс».
2 место: Владимир Гопман за статью «Любил ли фантастику Шолом Алейхем?».

3 место: Станислав Бескаравайный за статью «Оценка путей футуристического вмешательства».

«АВТОРИТАРНЫЕ» ПРЕМИИ

(вручаются по решению их учредителей):

ГРАН-ПРИ ОТ ХАРЬКОВСКОГО ИНСТИТУТА ЧУДАКОВ («Философский камень»): **Михаил Успенский** (Красноярск) — за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой.

ПРЕМИЯ ФОНДА «РЕНЕССАНС» писательнице-харьковчанке за достойное представление родного города в фантастической литературе: **Людмила Астахова** (Харьков).

ПРЕМИЯ «ХАРЬКОВСКИЙ ДРАКОН» (вручается многократным лауреатам «Звездного Моста»): **Вадим Панов** (Москва).

ПРЕМИЯ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ «ВТОРОЙ БЛИН»: Издательство «Снежный Ком М» (Москва): «Снежному Кому» — от «Второго Блина!» Доброй фантастики!

ПРИЗ ОТ ХАРЬКОВСКОЙ ЮВЕЛИРНОЙ ФАБРИКИ: **Наталья Щерба** (Ивано-Франковск): «На метле к звездам!» — за яркий старт к сияющим высотам.

ПРИЗЫ ОТ ХАРЬКОВСКОЙ ФИРМЫ «КАРНЕОЛ» — «БРАТЬЯМ-ФЕСТИВАЛЯМ»: (электронные навигаторы с картами — чтоб не забывали дорогу на «Звездный Мост»!)

Художник **Дмитрий Дидоренко**: За фантастический талант, не знающий прегрда!

ЕЩЕ ОДНА МЕДАЛЬ 10-го (ЮБИЛЕЙНОГО) ФЕСТИВАЛЯ «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ» нашла своего обладателя. Это — **Вадим Панов**.

Также приз самого первого «Звездного Моста» 1999-го года — «Бронзовый Кадуцей» за книгу «Кого за Смертью посылать» — был наконец вручен **Михаилу Успенскому**.

ПОБЕДИТЕЛИ ЧЕМПИОНАТА ПО ПЕЙНТБОЛУ «ЧИТАТЕЛИ ПРОТИВ ПИСАТЕЛЕЙ»:

1 место: Александр Глушенко (г. Харьков).

2 место: Олег Малофеев (г. Харьков).

3 место: Константин Косенко (г. Харьков).

В командном зачете победила команда читателей.

ТАКЖЕ НА ФЕСТИВАЛЕ «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ-2010» БЫЛИ ВРУЧЕНЫ ПРЕМИИ:

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «МИР ФАНТАСТИКИ»: «ИТОГИ-2009»:

Книга года: Дмитрий Казаков: «Русские боги».

Лучшее фэнтези: Алексей Пехов: «Пересмешник».

Лучшее городское фэнтези: Марина и Сергей Дяченко: «Цифровой».

Лучшее продолжение цикла: Ник Перумов: «Алиедора».

Лучший авторский сборник: Евгений Лукин: «С нами бот».

Лучшая книга для детей и юношества: Сергей Лукьяненко: «Недотепа».

Сюрприз года: Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов: «Алюмен, или Земная опера».

ПРЕМИИ ФЕСТИВАЛЯ ФАНТАСТИКИ «СЕРЕБРЯНАЯ СТРЕЛА»:

Премия «Реальный мир»: роман «Райская машина» Михаила Успенского (специальный приз от газеты «Солидарность»).

Премия «Со-Творение» (лучшее соавторство): Генри Лайон Олди и Андрей Валентинов, за роман «Алюмен, или Земная опера».

Премия «Nordklinge» («Северный клинок») — от читателей из северо-западных федеративных земель Германии:

Лучший роман: Аркадий и Борис Стругацкие: «Трилогия о Максиме Каммерере» (A. und B. Strugatzki «Die Maxim-Kammerer-Trilogie»: романы «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер»).

Лучший рассказ: А. Василенко, Г. Панченко: «Дракон на щите».

Лучшая статья: А. Каганов: «Православие головного мозга».

Лучшая миниатюра: Г. Л. Олди: «Знаете ли вы украинскую ночь?».

(Фотографии Сергея Пальцуна)

Нобелевская премия по литературе

В этом году Нобелевский комитет решил прервать загадочную традицию вручать Нобелевские премии авторам, имена которых ничего не говорят русскоязычному читателю, и наградить Марио Варгаса Льюса. Премия вручена известнейшему перуанскому автору «за детальное описание структуры власти и за яркое изображение восставшего, борющегося и потерпевшего поражение человека». Хочется надеяться, что основные произведения Варгаса Льюсы будут, наконец, не только переизданы, но и прочитаны.

World Fantasy Awards — Lifetime Achievement

Объявлены лауреаты премии World Fantasy в категории «Жизненный вклад». В 2010 году ими стали Брайан Лимли, Терри Тратчетт и Питер Страуб. Премии будут вручены в конце октября на конвенте World Fantasy, который состоится в Колумбусе, что в американском штате Огайо.

Премии Sunburst

Премия Sunburst, названная по роману Филлис Готлиб, ежегодно вручается в Канаде, которой отмечают произведения в жанре спекулятивной фантастики. Лучшими из опубликованных в прошлом году признаны роман для взрослых «Индиго Спрингс» Эликс Делламоники и подростковый роман «Полумир» Хироми Гото. Им вручили по нагрудному знаку с логотипом премии и по чеку на 1000 долларов.

Geffen Awards

В Израиле закончился национальный конвент ICop. Обладателями премий стали:

- ✓ лучшая переводная фантастическая книга — сборник рассказов Айзека Азимова
- ✓ лучшая переводная книга фэнтези — «Нация» Терри Пратчетта
- ✓ лучший роман израильского автора — «Быть» Иоава Авни

А вот с лучшим рассказом израильского автора свидетели расходятся в показаниях: он называется «Доктор Ватсон и мистер Холмс, или Проклятие дома... то ли Пеннингтонов, то ли Фаннингтонов» Одно известно точно: написал его Веред Точтерман, а с остальным пусть разбирается знаменитый сыщик.

Первая премия Андерсона

... досталась Дж. К. Роулинг. А вместе с премией — 500 тысяч датских крон, что составляет \$93,500. Прибыльное это дело — писать хорошие сказки.

И никуда не поедем!

Организаторы КомикКона объявили, что в обозримом будущем не собираются менять место проведения конвента — Сан-Диего.

Зародившийся ещё в семидесятых, конвент всё больше вырастал из возможностей города, поэтому такие монстры, как Лос-Анджелес и Анахайм, стали предлагать перенести конвент к ним. И тогда городские власти Сан-Диего предложили оставить конвент в городе, пообещав улучшения, расширения и прочие плюшки. Директор по маркетингу и связям с общественностью КомикКона Дэвид Гланцер заявил, что оргкомитет очень благодарен всем трём городам за предложения, но считает, что такое решение будет наилучшим. «Мы счастливы, что городская община готова приложить усилия, чтобы мы тут остались», — заявил Гланцер. Так что с 21 по 24 июля 2011 года в Выставочном центре Сан-Диего состоится очередной КомикКон.

Как вы пишете вдвоём?

Этот сакраментальный для фантастики вопрос можно задавать ещё двум известным авторам — Нилу Стивенсону и Грегу Биру, которые решили объединить свои усилия в написании исторической авантюры. Роман «Монголиад» выпущен на платформе PULP, которая позволяет подписчикам не только читать собственно текст, но и получать дополнительные материалы, как то рисунки, видео и аудио файлы, статьи по теме, рассказы и прочие пирожные с кремом. Кроме базовой подписки, существуют следующие варианты: «премиум» (\$9,99 в год), «завсегдайт» (\$249,99 в год) и «пожизненный всегдайт» за скромные \$999,99.

Интересно, какие приключения ожидают подписчиков после того, как авторы допишут историю?

Ищите и обряцете

В интернете появился сайт, посвящённый литературным семинарам — <http://litseminar.ru>. Его создатели довольно справедливо решили, что нынче желающим научиться чему-нибудь литературному приходится довольно долго искать, смотреть, проверять и сравнивать. Жанровых предпочтений нет, разве что за рамками остались чисто поэтические или песенные семинары. В базу попадают все регулярно проходящие семинары, а также те, которые уже состоялись.

И о книжках

Самой прекрасной новостью от «ЭКМО» является намеченный на конец октября выход нового романа Марины и Сергея Дяченко «Мигрант, или Brevi Finietur».

В «АСТ» вышли «Джагер» Андрея Левицкого и Алексея Бобла, «Дорога к ангелу» Марины Ефиминюк, «Пираты. Кн.1: Остров Демона» Игоря Пронина и Константина Рыкова, а также очередная сталкеровская книжка — «Охота за счастьем» Александра Вороненко.

В «Армаде» в октябре вышли «Радиус поражения» Артёма Каменистого, «Змееносец» Николая Степанова, «Братство Порога» Романа Злотникова и Антона Корнилова, «Чужак. Ученик» Игоря Дравина, «История бастарда. Реквием по империи» Дианы Удовиченко, «Посланница. Тайна геллании» Валерии Черновановой, «Великий Ужас. Кровь драконов» Ольги Воскресенской, «Временная ведьма» Марины Миловановой и «Властелин» Александра Рудазова. Пожелаем им доброжелательных читателей.

Главный редактор: Ираклий Вахтангшвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 10 (86), 2010.

Интернет: www.rf.com.ua
E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5
Подписной индекс
в каталоге «Укрпочта» — 08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор:
Владимир Табаков

Производство:
Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:
Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:
Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:
Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (067) 499-51-53,
e-mail: mandych@mail.lviv.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж — 5 тыс. экземпляров
Цена договорная

Регистрационное свидетельство:
КВ # 7600 от 22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:
г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов ответственность
несет рекламодатель.